

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ТЕПЕРЬ ТЫ ЕЕ ВИДИШЬ

ХЭЙДИ ПЕРКС

Annotation

Когда Шарлотта отвернулась, четверо детей, трое из которых были ее собственными, играли на празднике.

Когда она вновь повернула голову, из четверых остались трое. Четвертая – дочь ее лучшей подруги – бесследно исчезла.

Теперь их городок полнится страхами и слухами. Гарриет убита горем, Шарлотта – чувством вины. Однако полиция, ведущая дело об исчезновении малышки, начинает подозревать: и Гарриет, и ее муж, и Шарлотта что-то скрывают.

Но кто из них виновен в похищении девочки?

И главное, что же все-таки с ней произошло?..

- [Хейди Перкс](#)
    -
    -
    - [История Шарлотты](#)
    - [История Гарриет](#)
    - [Выражение признательности](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
-

Хейди Перкс

Теперь ты ее видишь

Heidi Perks

NOW YOU SEE HER

© Heidi Perks, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Сейчас

– Мое имя Шарлотта Рейнолдс. – Я наклоняюсь вперед, когда говорю в микрофон, хотя сама не знаю, зачем. Возможно, мне просто необходимо хотя бы произнести свое имя как можно яснее. Протянув руку к стакану перед собой, я сжимаю его кончиками пальцев, медленно вращая против часовой стрелки, наблюдая, как вода внутри колыхается крошечными волнами. Я даже не осознаю, что затаила дыхание, пока не выпускаю воздух шумным выдохом.

Часы на голой белой стене напротив мигают яркими красными цифрами. 21.16. Мои дети сейчас будут в постели. Том сказал, что останется на ночь и ляжет спать в свободной комнате. «Не волнуйся, – сказал он мне, когда я звонила ему ранее. – Я не уйду никуда, пока ты не вернешься домой». Это не то, о чем я волнуюсь, но я не стала об этом говорить.

Дом кажется сейчас таким далеким от этой душной выбеленной комнаты с тремя стульями, столом и магнитофоном, установленным на одном конце стола, и мне интересно, как долго я пробуду здесь. Как долго они могут держать меня, прежде чем решить, что делать дальше? С самого праздника я боялась оставлять своих детей. Я бы сделала всё, чтобы укладывать их в кровати прямо сейчас, вдыхать их знакомые запахи и читать им еще одну историю, которые они всегда просят.

«Они не задержат тебя там, да?» – спросил меня Том по телефону.

«Нет, они просто хотят задать мне несколько вопросов». – Я отмахнулась от факта нахождения в полицейском участке, как от чего-то

незначительного. Я не сказала Тому, что женщина-детектив спросила, хочу ли я, чтобы кто-то присутствовал со мной, а я отказалась и заверила ее как можно искреннее, что мне никто не нужен, поскольку я охотно расскажу, что знаю.

Мои пальцы начинают подрагивать, и я отдергиваю их от стакана и прячу под столом, плотно сжимая, стараясь разогнать кровь в них.

– Итак, Шарлотта, – детектив неторопливо растягивает слова. Она спросила, может ли называть меня по имени, но не предложила подобной привилегии взамен. Я знаю – ее зовут Сюзанна, потому что она много раз сказала это на запись, но, видимо, она понимает, что я не буду ее так называть. Не после того, как она представилась – «детектив-инспектор Роулингс». Это маленькая деталь, но она напоминает, кто здесь главный.

Мое дыхание застревает в горле, пока я жду, когда она спросит меня, что я делала там сегодня вечером. Во многих отношениях правда будет удобным выбором. Интересно, если я скажу ей, позволит ли она мне уйти домой к моим детям.

Детектива прерывает стук в дверь, и она смотрит, как полицейская-офицер засовывает голову в комнату.

– Инспектор Хейз едет из Дорсета, – говорит офицер. – Время прибытия – три часа.

Роулингс кивает ей в знак благодарности, и дверь снова закрывается. Хейз является старшим следователем в деле Алисы Ходдер. Он стал постоянным элементом моей жизни за последние две недели. Интересно, означает ли это, что меня будут держать здесь, пока он не прибудет? Я допускаю, что он захочет поговорить со мной. Мысль о том, что я могу просидеть в этой комнате еще три часа, делает эти стены еще теснее. Я не припоминаю, чтобы когда-либо страдала клаустрофобией, но прямо сейчас ощущение ловушки вызывает легкое головокружение, у меня темнеет в глазах, и я моргаю, пытаюсь приспособиться.

– Вы в порядке? – спрашивает детектив Роулингс. Ее слова звучат грубо. Они создают впечатление, что ее разозлило бы, если бы это оказалось не так. У нее крашенные светлые волосы, стянутые сзади в тугий узел, демонстрирующий черные корни. Она выглядит молодо, не больше тридцати, и нанесла слишком много ярко-красной помады на свои очень полные губы.

Я прижимаю руку ко рту и надеюсь, что чувство тошноты пройдет. Я киваю и тянусь к стакану с водой, чтобы сделать глоток.

– Да, – говорю я. – Спасибо, со мной всё будет хорошо. Я просто чувствую себя немного нездоровой.

Детектив Роулингс поджимает красные губы и откидывается назад на стуле. Она никуда не торопится. Возможно, она хочет показать, что события этого вечера нарушили ее планы, но паузы, долгие, как беременность слона, выдают, что у нее нет никаких дел получше.

– Итак, – она начинает снова и задает свой первый вопрос, но не тот, который я ожидаю. Вместо него я слышу: – Давайте начнем с того, что вы расскажете мне, что произошло тринадцать дней назад. В день праздника.

История Шарлотты

Некоторое время назад

Шарлотта

На исходе десятого часа утра в субботу в дверь позвонили, и я знала, что это Гарриет, потому что она никогда не опаздывала ни на минуту. Я вышла из ванной, всё еще в пижаме, когда раздался второй звонок. Откинув занавески, чтобы убедиться, я увидела Гарриет, топтавшуюся на пороге, крепко обхватывающую рукой плечо своей дочери, стоящей рядом. Она что-то говорила Алисе, наклонив голову вниз. Маленькая девочка кивнула, повернулась и прильнула лицом к животу матери.

Крики моих собственных детей раздались с нижнего этажа. Два девичьих голоса старались друг друга переорать. Сейчас Эви заглушала Молли своим постоянным, пронзительным нытьем, а пока я бежала вниз по лестнице, Молли заплакала, а ее младшая сестра замолчала.

– Вы, обе, перестаньте орать! – закричала я, когда спустилась. Мой старший, Джек, не обращая ни на кого внимания, сидел в игровой комнате в наушниках, погруженный в игру на айпаде, который я просила Тома никогда ему не покупать. Как я иногда завидовала способности Джека замкнуться в своем собственном мире... Я подобрала Эви с пола, вытирая рукой ее мокрое лицо и очищая от мармелада, размазанного вверх от обоих уголков рта:

– Ты выглядишь, как Джокер!

Эви уставилась на меня. В три года она всё еще была ужасно капризной, как двухлетняя. К счастью, она по крайней мере перестала вопить и теперь пинала одной ногой другую.

– Давай-ка будем вести себя хорошо ради Алисы, – сказала я, открывая дверь. – Привет, Гарриет, как поживаешь? – Я присела рядом с Алисой и улыбнулась девочке, которая по-прежнему зарывалась лицом в мамину юбку. – Ты предвкушаешь сегодняшней школьный праздник, Алиса?

Я не ожидала ответа, но всё равно старалась. Кроме того, как только Молли возьмет ее под свое крыло, Алиса будет счастлива следовать за ней, как щенок. В свою очередь, моя шестилетка будет парить в воздухе с видом самоуверенного превосходства оттого, что наконец-то младший ребенок

смотрит на нее снизу вверх.

– Еще раз спасибо за сегодня, – сказала Гарриет, когда я выпрямилась. Я наклонилась вперед и чмокнула ее в щеку.

– Всегда пожалуйста. Ты же знаешь. Я потеряла счет, сколько раз просила тебя позволить мне взять Алису, – улыбнулась я.

Правая рука Гарриет играла с оборкой на юбке, сминая ее и затем снова растягивая, и на мгновение я задержала на этом взгляд. Я ожидала, что она будет тревожиться. Я даже думала, что она может всё отменить.

– Но с четырьмя детьми, ты уверена... – начала она.

– Гарриет! – отрезала я. – Я более чем счастлива взять Алису на праздник. Пожалуйста, не волнуйся об этом.

Гарриет кивнула:

– Я уже намазала ее кремом от солнца.

– О. Это хорошо. – Я вспомнила, что теперь мне нужно найти противосолнечный крем для себя самой. А он у меня есть?

– Ну, здесь так жарко, и я не хочу, чтобы она обгорела... – Она мялась, переминаясь с ноги на ногу.

– Ты с нетерпением ждешь своих курсов сегодня, не так ли? – напомнила я. – Только по тебе не скажешь. Ты должна понимать: это именно то, что тебе необходимо.

Гарриет пожала плечами и посмотрела на меня с отсутствующим видом.

– Это бухгалтерия, – безучастно сказала она.

– Я знаю, но это то, чем ты хочешь заниматься. Здорово, что ты планируешь свое будущее!

Я говорила искренне, хотя изначально была недовольна тем, что она выбрала бухгалтерию. Я пыталась убедить Гарриет пойти на курсы садоводства, потому что из нее получился бы блестящий садовник. Я могла представить ее объезжающей город на собственном маленьком фургоне и предлагала даже сделать веб-сайт для нее. Гарриет как будто задумалась над этой идеей, но в конце концов ответила, что садовникам платят не так много.

«Ты могла бы оформить мой сад для меня, – заметила я. – Мне нужно, чтобы кто-то пришел и помог мне с новыми идеями. Я бы...» – Я резко остановилась, потому что собиралась сказать, что заплачу ей больше, чем текущая ставка, но знала, что мои добрые намерения не всегда принимаются правильно, когда дело доходит до денег.

«Как насчет преподавания? – спросила я вместо этого. – Ты сама знаешь, каким будешь чудесным учителем. Достаточно взглянуть, какой ты

была с Джеком, когда я впервые встретила тебя».

«Мне придется самой учиться, чтобы стать учителем, и это не даст мне работу к сентябрю», – Гарриет отвела взгляд. Я знала ее достаточно хорошо, чтобы понять, когда остановиться.

«Тогда бухгалтерия, – улыбнулась я, – и ты в этом будешь так же великолепна». Даже без моих советов Гарриет, по крайней мере, думала о том времени, когда Алиса пойдет в школу и она сможет сосредоточиться на чем-то для себя. У меня есть еще два долгих года до тех пор, когда Эви подрастет и я сумею вернуть некоторое подобие карьеры вместо работы двух дней в неделю на двадцатилетнего выскочку, который когда-то был моим подчиненным.

– О, я не собрала корзинку для пикника и всё такое, – неожиданно сказала Гарриет.

– Я не заморачиваюсь с этим, – энергично рассекла я воздух рукой. – Мы сможем найти что-нибудь там. Родительский комитет вкладывает больше в пищевые палатки, чем куда-либо еще, – пошутила я.

– Хорошо, – Гарриет кивнула, но не улыбнулась и через мгновение добавила: – Позволь мне дать тебе немного денег.

– Нет, – твердо возразила я, надеюсь, не слишком резко. – Нет необходимости, позволь мне сделать всё самой.

– Но это не проблема.

– Я знаю, что это не проблема, – я улыбнулась. – Но пожалуйста, позволь мне так сделать, Гарриет. Девочки в нетерпении. Алиса присоединится к нам, и у нас получится отличный день. Пожалуйста, не беспокойся о ней, – повторила я, протягивая руку, хотя она ее и не пожала, не заметив.

Гарриет наклонилась и притянула к себе дочь для объятий, и я смотрела, как девочка млеет на ее груди. Я сделала шаг назад, чувствуя, что должна дать им побольше места. Связь Гарриет с ее дочерью была такой тесной, что казалось, между ними намного больше чувств, чем у меня со всеми моими детьми. Но я также знала, что для нее это большое дело сегодня. Потому что, хотя Алисе исполнилось четыре, Гарриет никогда не оставляла свою дочь ни с кем до сегодняшнего дня.

Я была в восторге, когда впервые оставила Эви на ночь с моей подругой Одри, а малышке исполнилось всего два месяца. Мне пришлось уговаривать Тома на совместный поход в паб, и хотя мы были дома уже к половине десятого, а я вырубилась на диване через полчаса, оно того стоило, чтобы спокойно выспаться ночью.

– Я люблю тебя, – прошептала Гарриет в волосы Алисы. – Я так

сильно тебя люблю. Будь хорошей девочкой, ладно? И береги себя. – Она всё обнимала дочь, крепко обхватив ее руками. Когда она наконец отстранилась, то мягко взяла лицо Алисы в ладони и нежно прижалась губами к ее носу.

Я неловко ожидала на пороге, пока Гарриет в конце концов не совладеет с собой и не встанет.

– Ты хочешь пойти и поиграть с Молли в ее комнате, прежде чем мы отправимся на праздник? – спросила я Алису, а потом повернулась к Гарриет. – Ты по-прежнему желаешь, чтобы я доставила ее тебе домой в пять?

Гарриет кивнула.

– Да, спасибо, – сказала она, не в силах распрощаться.

– Пожалуйста, перестань благодарить меня, – я улыбнулась. – Я твоя лучшая подруга, иначе зачем я нужна. – Больше того, я сама хотела, чтобы Алиса побыла со мной, Гарриет достаточно помогала мне за последние два года. – Ты знаешь, что можешь мне доверять, – добавила я.

Но тогда, возможно, мы немного больше нервничали, чем обычно, с тех пор как в прошлом октябре из парка похитили мальчика. Ему было девять – столько же, сколько и Джеку в то время, – и это произошло всего лишь на другой стороне Дорсета. Достаточно близко, чтобы мы все чувствовали угрозу, и до сих пор никто не знал, зачем его забрали и что с ним случилось.

Я потянулась и слегка сжала ладонь своей подруги.

– Не беспокойся, – сказала я. – Я о ней хорошо позабочусь.

И наконец Гарриет сошла с моего крыльца, а я взяла Алису за руку и повела в прихожую.

– Если я понадобится, у тебя есть мой номер, – произнесла Гарриет.

– Я позвоню, если возникнут проблемы. Но их не будет, – добавила я.

– Брайан рыбачит; у него есть с собой телефон, но он редко отвечает на звонки.

– Хорошо, я свяжусь с тобой, если потребуется, – пообещала я. У меня всё равно не имелось номера Брайана, как и никаких причин иметь его. Я хотела, чтобы Гарриет поскорее ушла. Я всё еще была в пижаме и стеснялась этого. А Рэй из дома напротив как раз косил свою переднюю лужайку, мучительно медленно проходя полоску.

– Гарриет, ты опоздаешь! – сказала я, решив, что сейчас нужно говорить потверже, иначе я до конца дня буду наблюдать, как она колеблется у моего порога.

Когда Гарриет в конце концов ушла, я закрыла дверь и глубоко вздохнула. Было время, когда я говорила Тому, что Рэй подглядывает за мной, и мы смеялись над этим. Это происходило давненько, и меня ранило то, что мне не с кем поделиться такими моментами с тех пор, как мы расстались.

– Рэй застукал меня одетой в пижаму, – улыбаясь, сказала я Джеку, когда он выглянул из игровой комнаты.

Сын удивленно уставился на меня.

– Можешь принести мне сок?

Я вздохнула.

– Нет, Джек. Тебе десять. Ты можешь сам взять свой сок и заодно поздороваться с Алисой, будь любезен.

Джек посмотрел на Алису так, словно никогда ее раньше не видел.

– Привет, Алиса, – произнес он перед тем, как исчезнуть в кухне.

– Ну, боюсь, это лучшее, что от него сейчас можно добиться, – я улыбнулась Алисе, которую Молли уже взяла за руку и вела вверх по лестнице. – Так, народ, я пойду приму душ, а потом мы будем готовиться к празднику! – крикнула я, но мои слова были встречены молчанием.

Когда я добралась до спальни, мой мобильный зазвонил и на экране высветился номер Тома.

– Мы договорились в семь вечера, – сказала я, приняв вызов.

– Что? – орал он, перекрикивая шум машин.

Я вздохнула и пробормотала себе под нос, что кое-кому давно пора поставить чертову автомобильную крышу. И заодно купить слуховой аппарат.

– Я сказала – в семь вечера! – повысила я голос. – Предполагаю, ты забыл, во сколько ты сегодня придешь посидеть с детьми?

Хотя я говорила ему об этом только вчера.

– На самом деле я просто хотел проверить, что точно тебе нужен.

Я зажмурила глаза и стиснула зубы.

– Да, Том, я всё еще планирую прогуляться.

Я не часто его просила; я никуда не выходила достаточно долго, чтобы позволить себе это. За два года, прошедшие с нашего расставания, я постепенно поняла, что мне не нужно демонстрировать ему напоказ, как я весело живу, ведь большую часть времени это было всё равно не так. Теперь мне достаточно комфортно в своей одинокой жизни, чтобы идти куда-то только тогда, когда я сама желаю. Хотя, если честно, я не особо стремилась выпивать с соседями сегодня, но и не собиралась доставлять Тому удовольствие обломать меня в последнюю минуту.

– Просто кое-какой аврал на работе. Я не то чтобы должен ехать, но будет выглядеть лучше, если появлюсь там.

Я провела рукой по глазам и мысленно простонала. Я знала, на что будет похожа моя ночь: неловкий разговор за слишком большим количеством вина с соседями по улице, с которыми у меня мало общего. Тем не менее надо сходить. Не только потому, что обещала, но я проигнорировала их в прошлый раз, когда у них была вечеринка с напитками, и, кажется, в позапрошлый тоже.

– Ты сказал мне, что свободен, – заявила я категорически.

– Я знаю, и я всё-таки приеду, если по-настоящему тебе необходим. Дело просто в том, что...

– Ох, Том, – я вздохнула.

– Я не включаю заднюю, если ты всё еще во мне нуждаешься. Я просто проверял, действительно ли ты хочешь пойти, вот и всё. Обычно ты этого не хочешь.

– Да, я хочу пойти! – огрызнулась я, ненавидя то, что он по-прежнему так хорошо меня знает. Я не заполучила бы эту стычку, если бы воспользовалась услугами няни, но я знала, что дети любят его и будут очень рады.

– Хорошо, хорошо, я буду у вас, – сказал он. – В семь часов.

– Спасибо. И свою бери, – произнесла я прежде, чем спохватилась. Я знала, что он никогда не приведет свою новую девушку; он даже до сих пор не представил ее детям.

– Шарлотта, – сказал он, – ты знаешь, что не должна это говорить.

– Я просто хотела проверить, – резко сказала я перед тем, как бросить трубку и почувствовать себя раздражающе виноватой. Мне не следовало так говорить, потому что, хотя Том взбесил меня, отцом он был прекрасным. И мы расстались на удивление хорошо.

Когда я регулировала воду, то пыталась не думать о том, почему была оглушена последними новостями о его отношениях. Но не так, как если бы хотела его вернуть. Пятнадцать лет брака не закончились из-за пустой прихоти; к тому времени мы постепенно выросли в разные стороны друг от друга, если так можно сказать. Может, мне просто не нравились перемены, подумала я, вставая под душ. Возможно, я слишком привыкла к спокойному и легкому течению моей жизни.

Поездка в школу заняла у нас десять минут, через нашу деревню Чидденфорд по направлению к окраине, где маленькие зеленые домики и старомодные магазинчики сменяются обширными пространствами

сельской местности. Школа Сент-Мэри своими землями могла бы посоперничать с некоторыми из тех закрытых частных школ. На противоположной от школы стороне дороги раскинулась внушительная спортивная площадка, переходящая в парк.

Именно здесь я впервые повстречала Гарриет, пять лет назад, когда она работала помощником учителя. Я всегда думала, что она в конечном счете отправит Алису в эту школу, но ездить от их дома было бы кошмаром. Досадно, потому что Алиса обрела бы больше уверенности, имея подружку Молли двумя годами старше.

Было уже за полдень к тому времени, когда мы наконец прибыли на праздник, присоединившись к длинной веренице машин, оккупировавших угол поля, который огородили под временную автостоянку.

Под яркими цветными флажками, натянутыми через въезд, Гейл Тернер махала машинам, показывая, куда встать, как будто управляла всей школой, а не только родительским комитетом. Когда она увидела меня, то жестом показала опустить ветровое стекло, ярко сияя белоснежными зубами на солнце.

– Привет, милая, повезло нам сегодня с погодой, не правда ли? – сказала она мне через открытое окно. – Я чувствую себя так, словно получила персональное благословение.

– Очень повезло, Гейл, – подтвердила я. – Могу я где-нибудь припарковаться?

Внедорожники и минивэны, вроде моего, уже протискивались в тесные пространства, из которых они вряд ли могли бы легко выбраться.

– Почему здесь так много народу?

– Моя реклама, вероятно, – просияла она. – Я пыталась поговорить с как можно большим числом родителей, чтобы убедиться, что они придут.

– Так где мне можно встать? – спросила я снова, сверкнув своей собственной настойчивой улыбкой в ответ.

– Подожди, моя милая, дай посмотреть, смогу ли я найти тебе VIP-место. – Она отвернулась от окна, а я закатила глаза перед Джеком, сидящим рядом со мной. Когда Гейл повернулась обратно, то указала на место в дальнем конце.

– Вставай там, – она улыбнулась. – Никто не будет блокировать вас.

– Спасибо, Гейл, – сказала я, медленно трогаясь. Всё же дружба с ней имела некоторые преимущества.

Это был самый жаркий день из всех, когда-либо наблюдавшихся в мае, сообщил диджей по радио тем утром. Когда я вылезла из машины, розовый сарафан, выдернутый мной из гардероба, уже начал врезаться в кожу под

мышками, и я пожалела, что не надела шлепанцы. Подняв волосы вверх, я стянула их в «конский хвост» и нашарила в сумке солнцезащитные очки, протирая царапину на одной из линз перед тем, как надеть их. Обещая себе, что посмотрю, где футляр, когда вернусь домой. «Солнцезащитные очки за сто пятьдесят фунтов не должны просто валяться на дне твоей сумки», – вздохнула однажды Одри, и я согласилась с ней, но всё же я понятия не имела, где футляр.

– Мамочка! Мне нужно в туалет! – закричала Эви, как только мы вышли на поле.

– Ох, Эви, ты, должно быть, шутишь, – пробормотала я, выхватывая край своего платья у нее из рук. – И пожалуйста, не дергай меня за одежду, дорогая. – Я подтянула верх сарафана обратно и опустила глаза, чтобы посмотреть, не выглядывает ли теперь мой лифчик. – Я просила тебя не делать этого.

– Но мне нужно сходить! Я могу пойти сама.

– Нет, Эви, на самом деле не можешь, – вздохнула я. – Тебе только три года.

– Я могу пойти с Джеком.

Я обернулась к Джеку, который прохладился позади меня, по-прежнему уткнувшись в айпад, насупив брови для лучшей концентрации, пока сражался с драконами. В свои десять он достиг серьезных навыков стряхивания, постукивания и смахивания всего, что представляло угрозу. Я понимала, что должна заставлять его тратить меньше времени на гаджеты. Мне даже говорили, что такие увлечения отнюдь не способствуют столь необходимой ему социализации, но, несмотря на всё это, я также знала, что Джек был больше всего счастлив, когда находился в своем собственном личном мире.

Он так напоминал Тома густыми темными волосами и манерой прищуривать глаза, когда пытался казаться крутым. Я улыбнулась ему, хотя он не обратил на меня никакого внимания, а когда повернулась обратно к Эви, поняла, что потеряла из виду двух других.

– А где Молли и Алиса? Они обе были здесь только что. Эви! – вскрикнула я. – Куда пропали Молли с Алисой?

Эви показала пухлым пальцем на лоток с пирожными.

– Туда.

Я выдохнула с облегчением, когда увидела, как они с напускным безразличием разглядывают посыпанные сахарной пудрой самодельные сладости, которые были доставлены сотнями мамаш. Моя дочь крепко сжимала Алису за руку и разговаривала с ней, показывая на пирожные, как

будто собираясь дотянуться и взять одно.

– Девочки! От меня не отходить! – крикнула я.

Потоки людей плыли к прилавкам и обратно, и Молли с Алисой на мгновение скрылись за семейством – чей-то огромный папаша в футболке с надписью «Лос Поллос Чикен» и его столь же крупная жена, запихивающая пончик в рот. Я присела напротив лотка со сладостями, сквозь чужие ноги высматривая детей, топтавшихся позади пары.

– Молли! Возвращайтесь сюда, немедленно!

Обе девочки наконец показались. Тем временем Эви прыгала с одной ноги на другую и снова дергала меня за платье.

– Когда мы сможем получить сахарную вату? – спросила Молли, подойдя. – Я умираю с голода.

– И теперь мне очень, очень нужен туалет, мамочка! – выпалила Эви, топнув розовой туфелькой по траве. – А-а-а! У меня грязь на ногах! – заорала она, дергая ногой и пиная меня в голень.

– Это просто немного земли, и я говорила тебе, что такие туфли будут не самой практичной обувью для поля, – сказала я, вытирая грязь с ее ноги и своей голени. – И постарайся следить за тем, что ты делаешь, Эви. Ты ударила мамочку.

– Я грязная! – завизжала Эви, падая в истерике на траву. – Мне нужно в туалет!

Я оглядывалась вокруг и молилась, чтобы никто не заметил. Несколько мамочек взглянули в мою сторону, но быстро отвернулись. Я чувствовала, как у меня горят щеки, пока я быстро решала – сделать вид, что ухожу, и оставить Эви извиваться на земле, или поднять ее и сдать ее, чтобы сохранить лицо.

– Ох, Эви, – я вздохнула. – Мы пойдем за дерево. – Я махнула рукой в сторону поля.

Глаза Эви мгновенно высохли и засияли.

– Но делай это незаметно. Старайся не привлекать к нам внимания, – сказала я, потянув ее к деревьям. – А затем мы сходим и купим сахарную вату! – крикнула я назад. – И можем пойти к надувным башням потом, все согласны?

Если они и ответили на вопрос, я не услышала их из-за шума толпы.

Несмотря на то что у меня начала побаливать голова, я заказала себе кофе в палатке с сахарной ватой. Как-то неуместно брать стакан сидра, когда за тобой наблюдают четверо детей, а кофе был почти наилучшим выбором. Сразу после сидра.

Я огляделась и помахала рукой подругам, которых заметила вдалеке. Одри ковыляла по полю, обутая в нелепые босоножки на высоком каблуке. Ее волосы были заколоты высоко на голове, плечи покрывала наброшенная шаль, а длинная атласная юбка развевалась позади, когда она шла. Одри была одета совершенно неподходяще ни для погоды, ни для школьного праздника, но ее это не тревожило. Она помахала мне в ответ, улыбаясь и показывая на всех детей, столпившихся рядом со мной, с видом шутливого ужаса. Я пожала плечами, как будто мне было всё равно, что я одна с таким количеством детей.

Я увидела Карен и с трудом удержала улыбку. Она стояла возле пивной палатки, драматически размахивая руками, и, несомненно, отчаянно старалась привлечь внимание своего мужа, который, судя по всему, пытался спрятаться, но никогда не мог сделать это надолго.

– Ну что, теперь на батуты? – спросила я, когда все дети со счастливым видом ковырялись в липкой розовой вате.

Мы неторопливо пошли к дальней стороне поля, на которой я могла разглядеть макушку надувной горки.

– Смотрите, какая большая!

– Я хочу пойти на эту вместо той! – Глаза Молли расширились, когда она показала на огромное надувное сооружение, протянувшееся до самого края поля. Оно было ярко-зеленым, с надувными пальмами, покачивающимися на вершине, и с надписью «Джунгли зовут!», наклеенной на боку. Молли подбежала заглянуть в его сетчатые окна, и даже Джек вслед за ней подошел поближе.

– Это потрясающе! – воскликнула Молли. – Алиса, иди сюда и посмотри!

Алиса осторожно приблизилась к ней сзади и глянула в окно. Я сердцем прислушивалась к Алисе, которая, как это часто бывало, казалась готовой согласиться с тем, что решили другие. А мне иногда хотелось, чтобы она выразила собственные желания. Я редко понимала, довольна ли она или просто не имеет уверенности сказать иначе.

– Мам, нам можно сюда? – спросил Джек.

– Да, конечно, можно. – Таковую штуку я и сама любила бы в детстве и веселилась бы, затаскивая в нее свою сестру.

Алиса отступила назад и взглянула на меня.

– Тебе не обязательно идти с ними, если ты не хочешь, – сказала я.

– Конечно, ты этого хочешь, разве не так, Алиса? – капнула ей на мозги Молли.

– Молли, она может сама принять решение. Своим умом. – Я

вытащила кошелек, чтобы пересчитать мелочь. – Ты предпочла бы остаться со мной? – спросила я Алису.

– Я сюда не пойду! – перебила Эви. – Я пойду на ту горку.

– Ты хочешь на горку вместе с Эви, Алиса?

– Нет, я пойду с Молли, – произнесла она очень тихо, и я поняла, что это были первые слова, которые Алиса сказала мне за весь день.

– Хорошо, тогда держитесь все вместе. Джек, присмотри за девочками, ладно? – Я обращалась к нему, хотя и сомневалась, что он меня слышит. Он был уже одной ногой в «Зовущих Джунглях».

Я заплатила деньги чьей-то маме при аттракционе, которую не узнала, а когда обернулась, они все исчезли из виду.

– Пойдем, мамочка! – Эви снова потянула меня за платье.

– Пять минут, Эви, – сказала я. – У них есть на это пять минут, а потом мы пойдем на твою горку. – Мне нужно было посидеть в тенечке. Моя голова начинала раскалываться, и кофе не прибавил здоровья. – Давай пока сходим посмотрим, как готовят магическое шоу, а после, я обещаю, сразу на горку.

Эви была поглощена наблюдением за фокусником, а это означало, что она минутку помолчит. Я вытащила телефон из сумки и по привычке проверила сообщения, прочитав эсэмэску от соседа насчет сегодняшней вечеринки – всем приходиться вокруг со двора, чтобы не потревожить ребенка.

Я просмотрела электронную почту и нажала на ссылку, перейдя на «Фейсбук» и прочитав какой-то глупый тест, а затем просто начала пролистывать посты – кусочки чьих-то жизней.

Я вскинула взгляд и увидела детей, скатывающихся с горки «Зовущих Джунглей» и сразу же бегущих обратно ко входу, пока я или кто-либо еще не сказал им, что их время истекло. Я прокомментировала отпускную фотографию подруги и обновила свой статус – что я наслаждаюсь теплой погодой на школьном празднике.

Наконец я встала и сказала Эви, что скоро мы отправимся на ее горку, и мы вернулись к «Джунглям», засмеявшись, когда Джек напоследок кувыркнулся через бортик и упал на спину вниз.

– Это было потрясающе! – воскликнул он, поднимаясь и подходя ко мне.

Я положила руку ему на плечо и приобняла, и на этот раз не почувствовала его напряжения.

– Я рада, что тебе понравилось. А где девочки?

Джек пожал плечами.

– О, Джек, я же говорила тебе присматривать за ними!

– Они должны были не отставать от меня, – произнес он самодовольно.

Молли показалась на вершине горки и тут же скатилась вниз.

– Ха, я обогнал тебя на милю! – фыркнул Джек.

– Это потому, что ты оттолкнул меня на старте. Мамочка, Джек ушиб мне руку!

– Всё будет хорошо, – сказала я, потирая ее локоть. – А где Алиса?

– Я думала, что она сразу за мной.

– Ну, ее же нет, Молли; она, наверно, застряла где-то внутри, и ей может быть страшно. Одному из вас придется войти туда еще раз.

– Я пойду! – вызвался Джек, уже бегущий вдоль горки, желая сделать еще один заход.

– Я тоже! – Молли исчезла так же быстро, они оба опять пропали из виду. Я ждала. Я оглядела поле вокруг, удивляясь количеству людей, снова заметила Одри, но она была слишком далеко, чтобы окликнуть. Мне требовалось спросить у нее, сможет ли она взять Джека на футбол в понедельник, так что я постараюсь поймать ее попозже.

Джек снова появился на вершине горки.

– Ее там нет! – крикнул он, бросаясь вниз и съезжая к моим ногам.

– В каком смысле – ее там нет? Конечно же, она есть.

Он пожал плечами:

– Я не смог ее увидеть. Я пролез через все закоулки, и ее там не было.

– Молли! Ты видела Алису? – крикнула я Молли, которая сейчас тоже появилась у верхнего выхода. Молли покачала головой. – Ну, она должна там быть. Не могла же она просто исчезнуть. Тебе придется снова идти, Джек, – сказала я, подталкивая его в спину. – И на этот раз, уверена, ты ее найдешь.

Гарриет

В начале курсов Гарриет сказали выключить телефон. Она оглядела комнату и удивилась, почему больше никто из присутствующих не сопротивлялся, а все щелкнули своими мобильными и небрежно побросали их в сумки и карманы. Наверняка у кого-то из присутствующих здесь есть дети? Конечно, Гарриет знала – это не совсем нормально, что ее

внутренняя реакция на отключение телефона граничит с невротической. «Но я никогда раньше не оставляла свою дочь ни с кем, – молча протестовала она. – Как вы можете ожидать, что я буду недоступна, когда Алиса не со мной?»»

В конце концов она придумала переключить свой телефон на бесшумный режим и бережно устроила его поверх сумочки, чтобы сразу поймать взглядом его мигание, если кто-то позвонит или напишет. Такое решение вызвало маленький всплеск облегчения. Она обошла эту проблему. Гарриет вытащила блокнот и положила перед собой, чтобы делать заметки.

Слушая преподавателя, Ивонну, вводившую их в мир бухгалтерии, она подумала, что, возможно, стоило последовать советам Шарлотты и заняться чем-то, что было бы интересно ей самой. Ее подруга была права во всем; Гарриет могла бы стать хорошим учителем, и ее степень по английскому языку неплохо в этом пригодилась бы. Но дело в деньгах, напомнила она себе, пытаясь сосредоточиться.

Стрелки медленно тикали на часах, и к полудню Гарриет уже чувствовала себя так, будто провела в этой маленькой комнате большую часть жизни. Комната была невероятно душной, в нее набилось слишком много людей, что затрудняло дыхание. Обмахивая себя блокнотом, она мечтала, чтобы Ивонна открыла окно, но женщина, казалось, не обращала внимания на ее растущий дискомфорт. Теперь правую ногу Гарриет свело судорогой, и хотя вскоре, несомненно, должен быть объявлен перерыв, ее интересовало – можно ли выбежать в туалет, чтобы смочить лоб холодной водой. Тогда она заодно снова смогла бы проверить телефон. Он каким-то образом проскользнул внутрь сумки, и теперь она не могла, не создавая суеты, легко посмотреть, есть ли пропущенные звонки.

Приняв скоропалительное решение, Гарриет взяла сумку и протиснулась мимо людей за соседним столом. Опустив голову, она вышла из комнаты в светлый, просторный коридор. И сразу почувствовала, что теперь дышится легче.

– С вас тоже оказалось достаточно? – раздался голос позади нее.

Гарриет обернулась и увидела девушку с курсов, которая вышла вслед за ней.

– Простите?

– Я покончила с этим, там. Слишком жарко, не так ли?

– Да, так и есть.

– И слишком нудно. – Девушка хихикнула. – Итак, я ухожу. – Она пристально посмотрела на Гарриет, устремив взгляд на ее губы.

Гарриет смущенно провела рукой по губам, но собеседница продолжала глядеть из-под густых накладных ресниц, почти не моргая.

– Я не могу слушать эту женщину, Иветту, ни минуты больше, – сообщила девушка.

– Ивонну, – поправила Гарриет машинально, прежде чем смогла удержаться.

– Точно, – девушка пожала плечами. – Вам тоже следовало бы уйти. Если, конечно, вам это не нравится. – Уголки ее губ дернулись.

Нет, Гарриет это не нравилось, но она знала, что никогда не сможет вот так взять и уйти. Она не могла покинуть курсы до того, как они закончатся.

Усмехнувшись напоследок, девушка пробежала по коридору и исчезла за углом, а Гарриет проскользнула в туалет.

С наслаждением выдохнув, когда облила свои запястья холодной водой, Гарриет рассматривала свое отражение в зеркале. Ее щеки были красными от жары, а шея пошла пятнами. Волосы норовили выскочить из пучка, и когда она собирала их обратно, то заметила седые пряди, блеснувшие на голове.

Гарриет нахмурилась. В свои тридцать девять она быстро старела, однако не делала ничего, чтобы как-то помочь себе. Она не использовала макияж и носила бесформенную прическу. Шарлотта всегда советовала места, где ее могут хорошо постричь, но тридцать пять фунтов за это казались чрезмерной ценой. Хотя, возможно, немного туши подчеркнет тот факт, что у нее имеются ресницы, и сделает ее менее усталой на вид.

И одежда тоже ничего для нее не значила. Весь ее гардероб был в серой или темно-коричневой гамме. Она одолжила однажды у Шарлотты ярко-розовый шарфик, обмотала его вокруг шеи, чтобы не простудиться в парке, но так и не смогла поверить, что это что-то меняет.

Как только ей стало попрохладней, Гарриет выхватила телефон из сумки и нажала кнопку, чтобы подсветить экран. Когда ничего не произошло, она нажала боковую кнопку, чтобы включить его, но экран оставался черным.

– Ну же! – пробормотала она; ее живот рефлексивно сжался. Она нажимала снова и снова, однако ничего не получалось. Телефон, должно быть, разрядился, но она не знала, как. Она подключила его к розетке накануне вечером, как всегда, когда ложилась спать. Гарриет помнила об этом, потому что знала – сегодня он потребуется ей больше, чем когда-либо.

Может, она забыла?

Нет, она определенно не забыла. Гарриет взяла за правило заряжать

его перед тем, как сделать чашку чая себе на ночь. Она вспомнила, потому что проверила еще раз, когда выходила из кухни.

Но по какой-то причине телефон не подавал признаков жизни.

Гарриет кинула его обратно в сумку. Теперь она понятия не имела, что происходит на празднике, и никто не мог ей сказать. И внезапно дурацкая разряженная телефонная батарея заставила ее расплакаться. Она проглотила всхлип. Ей было больно вдаль от Алисы. Это буквально выжигало ей сердце, но никто этого не понимал. Тогда Гарриет научилась преуменьшать, как сильно она хотела держать дочь при себе, как ненавидела саму мысль о том, чтобы выпустить ее из поля зрения. Она заметила, как подруги Шарлотты переглянулись, когда она призналась, что ни разу не провела без Брайана или Алисы ни одного вечера.

«Она бы справилась без тебя, – говорила Шарлотта. – Неужели Брайан не хочет, чтобы ты вся принадлежала самой себе в свободный вечер?»

Гарриет попыталась представить, что Брайан сказал бы, если бы она такое предложила. Он, вероятно, будет встревожен этой идеей.

«Ты могла бы оставить ее с Брайаном и уехать на девичник, например», – упорно продолжала Шарлотта.

Гарриет не представляла себе такого поступка. Обычно она никогда не показывала своих истинных чувств, потому что в первую очередь презирала себя за то, что была такой. Никто не знал, чего ей стоило оставить Алису с Шарлоттой сегодня. Но Шарлотта пришла в восторг, что она обратилась к ней, хотя Гарриет и не следовало говорить, что больше просить было некого.

«Однажды вы должны их отпустить, – сказала ей как-то женщина в магазине. – В один прекрасный день они отрачивают свои крылья и просто улетают прочь. Как бабочки», – прибавила она, хлопая руками в воздухе. Гарриет подавила желание врезать ей по рукам.

Алиса улетит прочь только тогда, когда она ей позволит. Ее собственная мама удерживала ее слишком долго, и Гарриет прекрасно понимала, насколько разрушительным это может оказаться. Она обещала себе не поступать так с собственными детьми, но всё-таки к этому пришла. Где-то на своем пути она стала той матерью, которой не хотела быть.

Гарриет должна забыть про телефон, вернуться в комнату и страдать до конца курсов. Это не имеет значения, сказала она своему отражению. Это займет еще всего один, – она глянула на часы, – максимум два часа, и она будет дома в четыре тридцать вечера, как и планировалось.

Или она может ускользнуть, как та девушка.

Гарриет забарабанила пальцами по раковине. Ей действительно нужно

было научиться принимать простые решения.

Шарлотта

Когда я глянула через сетчатое окно «Джунглей», то увидела лишь чужих кричащих детей, кувыркающихся друг через друга, едва понимающих в своем возбуждении, что наступают на остальных. Алиса может сжаться и присесть где-то в уголке, и большинство ребят второй раз на нее и не взглянут. Мне нужно войти туда самой – я не могла полагаться на Джека, чтобы искать ее должным образом.

– Давайте, девочки, – сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно. – Пойдемте посмотрим, куда подевалась Алиса.

Я схватила девочек за руки, и, пока мы бежали ко входу в «Джунгли», мне пришло в голову, что я бы не волновалась так, будь это кто-то из моих детей. Они склонны прятаться от меня или блуждать. Но Алиса? Я не могла представить ее вытворяющей подобное. Было в ней что-то хрупкое, отличающее ее от всех других детей, которых я знала. И было что-то немыслимое в потере чужого ребенка.

В пяти метрах от задней части аттракциона находился забор, который отделял поле от парковой зоны, а вдали линия деревьев частично скрывала поле для гольфа. Я выскользнула из туфель, и, держа их в одной руке, поползла через «Джунгли», а обе девочки – за мной по пятам.

Я выкрикивала имя Алисы, когда мы карабкались через пандусы и протискивались через туннели, глядя на каждого ребенка, мимо которого пролезали, надеясь увидеть, как мелькнет ее розовая юбка с оборками.

– Куда она могла деться? – крикнула я сверху Джеку, который ждал в конце горки. Он пожал плечами в ответ, а я неэлегантно задрала ногу над последним съездом и скатилась вниз, придерживая руками Эви, которая хихикала за моей спиной, пуская носом пузыри от счастья, что я проползла через надувнушку вместе с ней.

– Господи, это просто нелепо. – Я огляделась вокруг, снова надела туфли и повернулась к детям. – Алиса говорила о том, что хочет пойти куда-то еще? Может, она упоминала фокусника?

Я не видела ее входящей в палатку фокусника, но она могла пойти не в том направлении, заблудиться и потеряться.

– Конечно, я бы ее увидела, – пробормотала я, не обращаясь ни к кому из них конкретно. Больше для себя самой. – Молли, ты действительно

видела, как она залезла в эту штуку? – спросила я, и мой голос поднялся на октаву выше, когда я указала на надувнушку позади нас.

– Я так думаю.

– Ты так думаешь?

– Ну... – Молли сделала паузу. – Я думаю, она вошла после меня.

– Но ты не знаешь наверняка? – уточнила я, изо всех сил стараясь не закричать.

Молли покачала головой. Я кинулась к женщине, которая взяла у меня деньги, а теперь разговаривала с другой мамой у лотка с пирожными.

– Маленькая девочка пришла туда с моими детьми! – перебила я их. – Около десяти минут назад, но теперь там нет никаких ее признаков.

– Ох...

Я засомневалась, что женщина замечала, какие дети входят и выходят. Она едва подняла голову, когда я положила монеты в ее протянутую руку.

– Простите, я не знаю, – произнесла она. – Как она выглядит?

– Примерно такого роста. – Моя рука зависла возле макушки Молли. Алиса была высокой для своего возраста. – Хотя ей всего четыре. Одета в белую футболку и розовую юбку с оборками.

Женщина покачала головой, а ее подруга тупо уставилась на меня.

– Нет, простите, – сказала она. – Я не припомню, чтобы видела ее. Однако я буду начеку.

– О, Боже... – Мне стало плохо. Этого не могло произойти.

– Что мы будем делать? – Джек смотрел на меня, покусывая ноготь большого пальца, и ожидал ответа. Он не волновался, с чего бы? Он предполагал, что я разберусь с проблемой, а потом, когда мы найдем Алису, то перейдем к следующему развлечению.

– Мы начинаем ее высматривать! – Я снова взяла девочек за руки. – Мы обыщем всё поле. Она должна быть где-то здесь.

Но мой пульс участился, когда мы двинулись на поиски, пробираясь сквозь толпу, с Джеком, идущим вплотную за нами, через поле, в противоположном направлении от парковки. И чем больше времени проходило, тем быстрее билось мое сердце.

Мы останавливались у каждого прилавка, заглядывали под деревянные столы-козлы, сквозь мелькающие длинные ноги взрослых, и мы все звали Алису по имени, выкрикивая его с разной степенью паники у каждого. Прошли мимо надувного бассейна с надувными утками, где шла игра «Поймай уточку на крюк», мимо «Футбольной перестрелки» с очередью из папаш, громко радующихся, когда кто-то промахивался. Потом лотерея с безделушками, и снова лоток с пирожными. Возле каждого аттракциона я

усиливала хватку на руках своих дочерей и постоянно вертела головой, проверяя, не отстал ли Джек.

– Вы не видели маленькую девочку? – Я остановилась только после пирожных и окликнула чью-то маму из класса Молли или параллельного, которая заведовала киоском с игрушками. Мой голос прозвучал громче, чем я рассчитывала. – Светлые волосы вот досюда. – Я показала чуть ниже своего плеча. – Белая футболка, розовая юбка.

Она с угрюмым выражением покачала головой.

– Где вы смотрели?

– Везде! – выкрикнула я, задыхаясь.

На секунду я не могла двинуться с места. Мои руки начали дрожать; я не понимала, как сильно стискивала своих девочек, пока Молли не вскрикнула и не попыталась вырваться. Мне нужно было что-то делать, но что? Дать объявление? Позвонить в полицию? Я потеряла представление, сколько времени прошло с тех пор, как я видела Алису. Но разве не каждая секунда важна в таких ситуациях?

– Зачем вам метаться, если можно объявить по громкой связи? – спросила она, словно читая мои мысли.

Я уставилась на нее, не зная, как ответить. Правда была в том, что я не хотела это делать. Потому что как только я это сделаю, то признаю, что всё серьезно. Я признаю, что потеряла ребенка. Да еще и чужого ребенка, к тому же.

– Шарлотта? – Чья-то рука сжала мое плечо, и я повернулась, оказавшись лицом к лицу с Одри.

– О Боже, Од... – Я выпустила руки девочек и приложила ладони к своим губам. – Я потеряла Алису. Я нигде не могу ее найти!

– Понятно, – произнесла она хладнокровно, машинально оглядываясь вокруг. – Не паникуй, она где-то поблизости.

– Что мне делать? Я обошла вокруг всего поля. – Я нуждалась в совете Одри. Хотела, чтобы она исправила это без лишних глупостей, как она хорошо умеет.

– Мы найдем кого-нибудь ответственного, – сказала она. – Возможно, они смогут перекрыть все выходы. – Одри посмотрела на парковку, и я проследила за ее взглядом. Потoki машин продолжали прибывать. Праздник становился всё более оживленным.

– Кого? – Здесь не было никого из руководства. Я так и не увидела директора, мистера Харрисона, с его громкоговорителем. Он должен был находиться здесь сегодня; он всегда присутствовал на праздниках. Но никто не занимался охраной или даже просто присмотром за въездом на парковку

и периметром поля со стороны, кроме Гейл. Алиса могла выйти в любом из четырех направлений, если бы захотела. Не так ли она и сделала, за той надувнушкой? Может, она по какой-то причине перелезла через забор и отправилась к полю для гольфа?

– Мы потеряли маленькую девочку! – крикнула Одри всем, кто мог слышать. – Нужно, чтобы все ее искали! – Она повернулась ко мне. – Возможно, нам стоит позвонить в полицию.

Я покачала головой. К нам подошли еще две мамы.

– Вы в порядке, Шарлотта? – спросила одна. – Кого вы потеряли?

– Подружку моей дочери, – простонала я. Я сжала лицо руками, прикрывая пальцами глаза. – Алису. Ее зовут Алиса. Ей всего четыре. О, Господи, этого не может быть.

– Всё нормально, – сказала она, взяв меня за руки и в итоге заставив оторвать их от лица. – Каждый может помочь в поисках. Не волнуйтесь, мы ее найдем. Как давно это случилось?

– Я не знаю, – ответила я. Мое сердце быстро забилося, когда я попыталась сообразить, сколько времени прошло с тех пор, когда я в последний раз ее видела. – Кажется, около двадцати минут назад.

– Двадцать минут?

– Ладно, – вмешалась Одри. – Я звоню в полицию.

Новость о пропавшем ребенке распространилась быстро. Шепоток прошел через толпу, из уст в уста, вызывая всплеск активной бдительности; все начали оглядываться вокруг.

Чувство тревоги, неразборчивое возбужденное бормотание. Каждый хотел сыграть важную роль в ее поисках, несомненно, желая оказаться тем, кто сможет крикнуть, что она пряталась под его прилавком.

Я сомневалась, что кто-то из них представлял себе худшее. Дети, бывает, теряются. Но это всегда ненадолго, лишь до того момента, пока их не найдут и испуганные родители не изольют свои благодарности на человека, которому повезло первым на них наткнуться.

В оцепенении я позволила Одри привести нас к краю поля у парковки, где она договорилась встретить полицию.

Я прислонилась спиной к забору, палящие солнечные лучи били прямо в нас. Люди передо мной начали расплываться, а когда я попыталась сфокусировать взгляд, меня захлестнула волна тошноты.

– Выпей немного воды. – Одри втиснула бутылку мне в руку, и я сделала большой глоток. – И ради Бога, отойди в тень. Ты выглядишь так, будто сейчас хлопнешься в обморок, – сказала она, подталкивая меня к

дереву. – Алиса вернется, – продолжала она. – Она просто убежала и заблудилась.

– Надеюсь, что ты права. – К тому же в Чидденфорде ничего ужасного не могло случиться. Не в этой сонной деревушке графства Дорсет. – Но я просто не думаю, что Алиса могла убежать.

– Все дети делают это время от времени, – заметила Од. – Алиса ничем не отличается от остальных четырехлеток.

«Но ты не знаешь Алису, – подумала я. – Она другая». Одри никогда не находила времени, чтобы узнать Алису поближе, скорее всего потому, что та никогда с ней не разговаривала. Так же, как она никогда не находила времени, чтобы узнать и Гарриет.

– Я должна позвонить Гарриет, – произнесла я, когда Одри проводила моих детей к клочку травы, где они послушно уселись.

– Расскажи мне, что произошло, еще раз.

– Я не знаю, что произошло. Алиса просто исчезла. Она зашла с задней стороны надувнушки, но не скатывалась с нее. Что мне сказать Гарриет? – Я сделала еще один глоток из бутылки. – Я не могу сказать ей, что потеряла ее дочь, Од! – закричала я.

– Тебе нужно успокоиться. – Она взяла меня за руки и потянула к себе, так, чтобы я повернулась к ней лицом. – Дыши медленней. Давай. Раз, два... – Она начала медленно считать, и я вошла в ее ритм. – Алиса скоро найдется, я знаю, что так будет, поэтому нет пока смысла волноваться за Гарриет. И кроме того, – ее взгляд скользнул за мое плечо, – полиция уже здесь.

Одри кивнула в сторону дороги, и я повернулась, чтобы увидеть, как полицейская машина проезжает вдоль поля к парковке. Из нее вышли два офицера в форме и направились в нашу сторону. И тут я по-настоящему прочувствовала всю серьезность ситуации. Теперь это было официально.

Алиса пропала.

Констебль Филдинг представился и представил свою коллегу, женщину-констебля Шоу. Они спросили, не желаю ли я присесть, но я покачала головой. Я просто хотела, чтобы они поскорей приступали к делу, для которого прибыли.

– Вы можете рассказать нам, что случилось, Шарлотта? – спросил констебль Филдинг.

– Дети пришли в восторг от возможности отправиться в «Джунгли», – сказала я ему, указывая на дальний край поля, на большую надувнушку. – Ну, не моя младшая, Эви, она хотела покататься на другой горке, поменьше,

но остальные трое пошли, – продолжала я, хотя и знала, что Алиса не испытывала восторга.

– И вы видели, как все трое заходили?

Я покачала головой:

– Они быстро побежали вокруг к задней стороне, и оттуда, где я была, фактически не видно входа.

– То есть вы не обошли, чтобы проверить? – уточнил он, слегка приподняв одну бровь, и взглянул на меня поверх толстого черного ободка своих очков.

– Нет. – У меня перехватило дыхание. – Я не проверяла. Я предполагала, что они там, потому что они умоляли меня разрешить туда пойти.

Полицейский кивнул и сделал запись в своем блокноте. Я потянулась рукой к своему горлу, почесываясь от жары, от которой начинала зудеть кожа.

– Безусловно, теперь я жалею, что так не сделала, – продолжала я. – Но я не думала, что это необходимо, потому что, насколько я знала, там им было некуда больше идти... – Я умолкла. Конечно, я жалела об этом. Я молила Бога, чтобы время повернулось вспять и этого бы никогда не случилось. Чтобы я не отпускала их никуда с самого начала.

– И что вы сделали затем? – поинтересовался Филдинг, кивая констеблю Шоу, которая отошла в сторонку и начала говорить по рации.

– Я присела в тени со своей младшей, с Эви. Она не хотела идти в «Джунгли», а у меня болела голова, – сказала я, наблюдая за полицейской и размышляя, что она говорит и кому.

– А вы могли видеть эти «Джунгли» с того места, где сидели?

– Да, я могла видеть выход из них. Я не спускала с него глаз всё время, – ответила я, кивая, чтобы показать больше уверенности, чем на самом деле чувствовала.

– А вы видели их именно всех, после того как они убежали вокруг к задней стороне?

– Я... я... – Я запнулась. – Я видела, как они скатываются и бегут вокруг снова.

– Все они? – Филдинг поднял взгляд от своего блокнота.

– Я увидела сперва Джека, – сказала я, вспоминая, как ощутила прилив счастья оттого, что мой сын улыбался от уха до уха, крайне довольный собой. – А затем Молли. – Ее рот широко раскрылся в форме буквы «О», когда она скатывалась с горки, ее хвостики взлетали в воздух позади нее.

– И Алису? – спросил он, с намеком на нетерпение.

Я сделала паузу. Я думала, что видела ее в то время. Или, может быть, я просто предположила, что видела. Я даже, как ни странно, не помнила, чтобы она спускалась с горки, как остальные.

– Я думаю, да, – ответила я, и потом добавила: – Но я не могу сказать наверняка.

– Так когда же вы заметили, что Алисы там точно нет?

– Когда мои двое закончили кататься. Они сказали, что ее не было с ними, и они не могли вспомнить, входила ли Алиса. – Я посмотрела на своих детей, уже опасаясь момента, когда полиция захочет их опросить.

– А как насчет ее туфель? – Это донеслось от констебля Шоу, которая возвращалась обратно к нам.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, разве дети обычно не снимают обувь, входя на батуты? Может, Алисины всё еще там?

– О, – я остановилась и попыталась подумать. – Я не знаю. Я не видела. – Я даже не заметила, чтобы мои собственные дети снимали обувь или снова надевали ее.

– Тебе лучше пойти и проверить, – сказал констебль Филдинг, и Шоу кивнула, быстро уходя в направлении надувнушки.

Мое сердце билось так сильно, что звенело в ушах. Я была уверена, что полицейский тоже это слышит. Я взглянула на Одри и детей, потом опять на него. Почему он не обещает мне, что ее вскоре найдут, а вместо этого задает дополнительные вопросы? Теперь они были о Гарриет и Брайане, и ему требовалось, чтобы я сообщила номера их телефонов.

Я нащупала в сумке свой мобильник, вытаскила его и начала прокручивать список, пока не нашла номер Гарриет. Не было никакого смысла искать Брайана. Я никогда не записывала его номера, но все равно сделала вид, что проверяю.

Я описала розовую пышную юбку Алисы, с птичками, вышитыми по подолу, которую она так часто носила. Юбка становилась всё короче на фоне ее растущих ног, но, очевидно, была одной из ее любимых. Я рассказала, что на ней простая белая футболка без рисунка, белые гольфы и светло-голубые туфли на липучках. На туфлях дырочки в форме крошечных звездочек, образующие узор ближе к мыскам. Мне стало легче оттого, что я так точно помню, во что она была одета.

Я сказала ему, что Алиса примерно того же роста, что и Молли, со светлыми волнистыми волосами чуть ниже плеч, в которых нет никаких заколок и ленточек. Я пролистала фотографии на телефоне, чтобы посмотреть, нет ли там какого-нибудь ее фото, но не нашла ни одного. И

хотя образ Алисы представлялся таким ясным в моей голове, как если бы она стояла рядом, я не была уверена, что сумела хорошо его передать.

– Нам нужно искать ее за пределами площадки, – сказала я. – Она может быть сейчас где угодно.

– Не волнуйтесь, там будут искать подготовленные сотрудники, – отозвался констебль Филдинг. – Уже ищут. Где ее родители?

– Ее мама на курсах в гостинице. – Я не знала точно, в какой именно. Там было достаточное количество небольших отелей, разбросанных вдоль побережья, и я не додумалась спросить об этом Гарриет.

– А папа?

– На рыбалке. Он ездит каждую субботу утром.

– Вы не знаете, где именно?

Я пожалала плечами. Рыбалка – это всё, что я знала.

– Ладно. – Филдинг махнул рукой констеблю Шоу, которая возвращалась через поле. – Нам нужно связаться с родителями. Нашла что-нибудь?

Она покачала головой, когда подошла к нам.

– Обуви нет, и женщина, которая там работает, говорит, что никто не оставлял.

Констебль Филдинг посмотрел на меня без выражения. Он мог бы и не говорить, о чем думает: мое настроение и без того было тяжелым, и я ощущала собственную некомпетентность.

– Таким образом, очень возможно, что Алиса вообще туда не заходила, – подытожил он.

Я присоединилась к Одри и своим детям, пока констебль Шоу пыталась дозвониться до Гарриет. Она снова отошла от нас, и я смотрела ей в спину, напрягая слух, чтобы понять, есть ли соединение. И представляла свою подругу на другом конце, слушающую, как офицер^[1] говорит ей, что Алиса пропала.

– Ты дрожишь, – сказала Одри. – Присядь. Пойду принесу тебе еще бутылку воды.

Я помотала головой.

– Нет! Никуда не уходи! – Комок желчи застрял у меня в горле, и я отчаянно не хотела, чтобы Одри бросала меня.

– С Алисой всё будет хорошо. Ты же понимаешь это, не так ли? Они уже там, как офицер и сказал тебе, и они найдут ее.

– А что, если они не найдут? – Я заплакала. – Что, если это тот же тип, который похитил маленького Мэйсона в прошлом году? Что, если мы

никогда не найдем ее и не узнаем, что случилось? О, Господи! – Я зарыдала сильнее, чувствуя, как руки Одри подхватили меня, когда мои ноги подкосились. Она поддержала меня под локоть и обняла.

– Я не смогу с этим жить. Я не смогу жить сама с собой, если она никогда не вернется.

– Нет, – возразила Одри. – Не говори так. Она обязательно найдется. Это не имеет ничего общего с тем, что произошло с Мэйсоном. Алиса просто забрела куда-то и заблудилась. Никто не похищал ее, Бог с тобой, о чем ты. Если бы это случилось, кто-нибудь здесь что-то да увидел бы.

– Мы не можем дозвониться до матери, – сказал констебль Филдинг, подходя опять к нам. – Мне нужно задать еще несколько вопросов, если вы не возражаете, но я бы хотел пройти к этим «Джунглям» вместе с вами. Если вас не затруднит.

Одри осталась с детьми, а я последовала за офицером через поле. Теперь он хотел знать больше о семье Алисы – спрашивал меня, были ли Гарриет и Брайан все еще вместе, что я и подтвердила. Живут ли поблизости бабушки и дедушки? Я ответила, что нет, и вопросы прекратились, когда мы добрались до «Джунглей», возле которых топталась парочка полицейских с задней стороны.

– В заборе нет ни щели, ни калитки, – сообщил один, выступая нам навстречу. – По другую сторону деревьев есть поле для гольфа и парковка от гольф-клуба, которая довольно плотно заставлена.

– Какие-нибудь камеры наблюдения?

– Это проверяется.

– Хорошо. – Констебль Филдинг кивнул, озираясь вокруг. Толпа собралась в небольшие группы, кучкующиеся возле прилавков, с нескрываемым интересом наблюдающие за суетой вокруг надувнушки.

– Она могла ускользнуть в любом направлении, – пробормотал полицейский. – Дозвонилась родителям? – Он обернулся к констеблю Шоу, которая покачала головой.

Я хотела сказать, что Алиса не стала бы так поступать, но затаила дыхание, ожидая, когда он решит, что теперь делать. Она была не из тех детей, которые просто так убегают. Но если я права, то и ежу понятно, что это значит.

Гарриет

Гарриет ехала домой, всё время размышляя, правильно ли поступила. Она никому не сказала, что уходит с курсов, но, как только вышла на свежий воздух автостоянки, ей стало легче покинуть отель. После двадцатиминутной поездки домой она снова сможет подключить телефон.

Дороги были свободны, поездка протекала быстро, однако, как только она свернула на свою улицу, ее нога резко ударила по тормозам. Впереди вспыхивали синие огни. И хотя по обе стороны от длинной дороги выстроились припаркованные машины, мешая обзору, Гарриет знала, что вспышки были возле ее дома, потому что они сверкали прямо перед дряхлым трейлером ее соседа.

Она осторожно надавила ногой на педаль газа и потом снова остановилась, чтобы пропустить машину.

– Ну давай же, – пробормотала она, вытягивая шею вбок, чтобы посмотреть, не видно ли кого-нибудь возле дома. Ее пальцы нетерпеливо барабанили по рулевому колесу. Другая машина медленно проехала мимо. Гарриет почувствовала, как бьется ее сердце, и прижала руку к груди. Раз, два, считала она пульс. Еще один пропущенный удар.

Наконец Гарриет втиснулась в небольшое пространство между полицейской машиной и серебристой «Хондой» Брайана и увидела, что ее муж стоит в палисаднике, одной рукой крепко сжимая удочки, а другой яростно потирая свой щетинистый подбородок.

Женщина-полицейский стояла на траве рядом с ним. Гарриет видела, как шевелятся ее губы, но лицо ее было бесстрастным. Она подняла обе руки и указала одной из них в сторону дома, однако Брайан оставался упорно прикованным к месту, будто корни пустил.

Гарриет могла видеть только его затылок, но он покачал головой и высоко запрокинул ее, с одеревеневшей спиной глядя в небо.

Гарриет не двигалась. Она не хотела выходить из машины. Только не сейчас. Она слышала, как ее дыхание заполняет тишину, слишком сильное, слишком быстрое, но, как только она выйдет, ей придется услышать то, что сообщили Брайану. Ей не нужно было видеть лица мужа, чтобы понять: полицейская сказала ему нечто плохое. Уже по его неестественно напряженной позе она знала.

Дрожащими пальцами Гарриет повернула ключ и заглушила двигатель, а полицейская и Брайан обернулись к ней. Тем не менее она не двигалась.

Губы Брайана шевельнулись, произнося ее имя, как будто его вдруг осенило: всё, что он сейчас узнал, ему придется передать своей жене. Его глаза были широко раскрыты от страха, когда он уставился на нее, прежде чем осторожно приблизился по садовой дорожке к калитке, таща за собой

удочки.

Гарриет затрясла головой из-за безопасного стекла. *Не говори этого, не смей этого говорить, потому что, если ты этого не скажешь, мне не придется это слышать.*

В тот день, когда Гарриет вернулась в больницу и увидела пустую кровать своей матери, она выбежала из палаты и съежилась в коридоре, зажав уши руками. Она знала, что ее мама уходит; это было неизбежно. Гарриет говорили ожидать этого в течение нескольких недель, но она всё еще не хотела думать, что это в конце концов случилось. И она представила, что если ей никто не скажет, то она сможет верить, будто ее мама по-прежнему жива.

Гарриет не спускала глаз с Брайана, но щелчок всё равно ее напугал, когда он открыл дверцу автомобиля.

Она закрыла глаза.

– Что случилось?..

– Выходи, любовь моя. – Его голос был безжизненным, но спокойным, без нервозности. – Пожалуйста, выйди из машины.

– Скажи мне, что случилось. Что она здесь делает? – Гарриет кивнула в сторону полицейской.

– Пойдем внутрь, – произнес он, протягивая ей свободную руку.

– Нет. Скажи мне сейчас.

– Миссис Ходдер? – Полицейская появилась рядом с ним. – Я думаю, нам стоит лучше зайти в дом.

– Я не хочу! – вскрикнула Гарриет, но Брайан взял ее под руку, и она позволила вытащить себя из машины.

Он крепко держал ее, поглаживая большим пальцем тыльную сторону ее ладони.

– Дорогая, я действительно думаю, что мы должны просто зайти внутрь, – сказал он, сумев затащить ее в палисадник, прежде чем Гарриет остановилась. Она чувствовала, что ноги подкосятся под ней, если продолжать двигаться.

– Кто-нибудь из вас наконец расскажет мне, что случилось?

Полицейская остановилась рядом с ней. У нее было пухлое лицо и небольшие глаза, которые нервно метались между Гарриет и Брайаном. Гарриет взглянула на мужа. За эти годы она научилась хорошо его читать. Она знала каждое выражение наизусть. Еще до того, как Брайан открывал рот, она понимала, что его что-то тревожит и для него нет ничего важнее на тот момент.

– Миссис Ходдер. – Полицейская откашлялась и снова заговорила: –

Боюсь, у нас плохие новости. Миссис Шарлотта Рейнолдс сообщила, что...

– Алиса пропала, – перебил Брайан, отбрасывая лишние прелюдии. Гарриет почти могла видеть слова, вылетающие из его рта, меняющие форму высоко в воздухе, не имеющие никакого смысла. Они медленно опускались всё ниже и ниже, пока одно за другим не накрыли ее.

– Нет... – Голос Гарриет звучал хриплым шепотом. – Нет, не говори так. – Она маниакально замотала головой, хотя тело было так напряжено, что это причиняло ей боль при движении.

– Пойдем в дом, – тихо сказал Брайан.

– Алиса, – произнесла Гарриет ее имя, будто от этого могла обнаружить ее в саду и всё оказалось бы какой-то болезненной шуткой. – Алиса! – снова выкрикнула она, на этот раз в оглушительном вопле, и вместе с ним ее ноги ослабли и она осела на землю. Со стороны это выглядело так, словно из Гарриет вышел весь воздух и она сдулась, как воздушный шарик, ударившийся о невидимое жесткое препятствие на своем пути.

– Всё нормально, миссис Ходдер, – говорила над ней полицейская.

Конечно, всё НЕ нормально, закричал голос в ее голове. Как ЭТО может быть нормально?

Драгоценные удочки Брайана лязгнули о дорожку, когда он бросил их, глядя то на полицейскую, то на свою жену; его испуганный взгляд искал кого-то, кто скажет, что делать. Он не знал, тащить ли Гарриет в дом или оставить ее в покое здесь.

– Что произошло? – плакала она. – Что произошло?

– Я действительно считаю, что лучше пойти в дом, – убеждал Брайан, обнимая жену и поднимая, прижимая к своей груди. Гарриет повисла на нем; он гладил ее по голове, когда повел по дорожке к дому. Одной рукой он нащупал ключ в заднем кармане и неловко вставил его в замок.

– Это офицер Шоу, и она нам всё расскажет, – сказал он.

В доме Ходдеров постоянно стоял полумрак. Несмотря на яркий день, Брайану потребовалось включить свет в коридоре. Дверь на кухню в дальнем конце была закрыта, как и еще одна справа, делая маленький коридор еще меньше на вид.

Брайан открыл правую дверь, мягко направляя Гарриет в их аккуратную квадратную гостиную и дальше на диван. Констебль Шоу проследовала за ними, и даже только от присутствия третьего человека в комнате почувствовалась теснота.

– Кто-нибудь наконец расскажет мне, что случилось? – сказала

Гарриет.

Полицейская села в кресло и сдвинулась на краешек так, чтобы оказаться лицом к Гарриет и Брайану, которые устроились теперь бок о бок на диване.

– Ваша подруга, миссис Рейнолдс, присматривала за вашей дочерью сегодня?

Гарриет кивнула, чувствуя, как муж неловко ерзает рядом с ней. Краем глаза она могла видеть, что он недоуменно смотрит на нее, но сосредоточилась на констебле Шоу, которая на мгновение остановилась, отвлекшись на порывистые движения Брайана.

– Мне очень жаль, – та снова взглянула на Гарриет. – Я знаю, как вам, должно быть, тяжело это слышать, но Алиса исчезла со школьного праздника. Наши офицеры ищут ее, и...

– Когда? Когда она исчезла? – спросила Гарриет.

– Мы приняли звонок в час пятьдесят пополудни.

– И что произошло? – Гарриет была настойчива. Она чувствовала, как ее рука дрожит в ладони Брайана.

Констебль Шоу шумно вдохнула через нос и, похоже, не выдохнула.

– Ваша дочь пропала на надувнушке. Она побежала к задней стороне, и это был последний раз, когда миссис Рейнолдс видела ее.

– Я не понимаю, – сказал Брайан. – Вы имеете в виду надувную башню? Что она делала с обратной стороны? Алиса бы так не поступила.

– Нет, это не надувная башня. Это называется «Джунгли зовут!» – уточнила полицейская. – Это надувная полоса препятствий.

– Но Алиса ненавидит всё такое, – Брайан покачал головой. Он крепко сжимал руку Гарриет. – Она никогда не была на такой штуке. Почему она пошла на нее сегодня?

Констебль Шоу поджала губы. Было очевидно, что она не может ответить на его вопрос.

Брайан продолжал смотреть на нее.

– Она, наверно, испугалась! – воскликнул он. – Ей это не понравилось. – Гарриет чувствовала, как его плечи вздымаются и опускаются в такт взволнованному дыханию.

– Но, возможно, это и к лучшему? – продолжил он. – Это значит, что она скорее сбежала, чем ее кто-то забрал? Это ведь предпочтительнее?

– Мы пытаемся выяснить, что произошло, мистер Ходдер.

– А Шарлотта? – спросил он, переводя взгляд на Гарриет, а затем обратно на констебля Шоу. – Где она была, когда всё это случилось? Когда предполагалось, что она присматривает за нашей дочерью. Я имею в виду,

как Алиса вообще умудрилась побежать куда-то без ее ведома? Шарлотта должна была следить за ней всё время.

Гарриет почти чувствовала, как он теряет голову; его дыхание участилось. Думать о том, что мать не присматривает за ребенком, – это было слишком чувствительно для Брайана.

– Миссис Рейнолдс не могла видеть ее с той стороны, где она была, – пояснила офицер. – И когда Алиса не появилась, они обыскали площадку и подняли тревогу. Я верю, что она сделала всё возможное, чтобы...

– Чтобы что? – выкрикнул Брайан. Констебль Шоу опустила глаза. – Она сделала всё возможное, чтобы найти ее, вы это хотели сказать? Шарлотта должна была не терять ее в первую очередь. – Он откинулся назад на диване, убрав руки от Гарриет, обхватив ими голову и раскачиваясь.

– Простите, – сказала полицейская. – Я не хотела вас расстраивать, мистер Ходдер. Район тщательно обыскивается, и делается всё для обеспечения того, чтобы Алиса благополучно вернулась домой. – Она сделала паузу. Ее глаза снова нервно заметались между ними, с одного на другую, и Гарриет подумала, что офицер не верит своим собственным словам.

– Мы делаем всё, что можем, – произнесла она заметно тише.

Тело Брайана было твердым и тяжелым и слишком близко от Гарриет. Она чувствовала его напряженные мышцы. Страх вытекал из него наружу и впитывался в нее, так что ей захотелось убежать прочь, чтобы не приходилось это ощущать.

Часто моргая, Брайан смотрел на нее. Она знала, что в его груди росло нечто, требующее выхода.

Вместо этого он положил правую руку ей на колено и сказал:

– Они найдут ее, любовь моя. Найдут. Они должны. – Он сжал ее руку и вдруг повернулся к полицейской.

– О, Господи, вы же не думаете, что это один и тот же парень? – спросил он внезапно. – Тот, который забрал того мальчика?

Гарриет почувствовала, как его рука сжимается на ее ноге. Она попыталась отодвинуться от мужа. Она не могла вынести того, что он уже спрашивает и об этом.левой рукой она сжимала кожаную подушку под собой, пока не сдавила так сильно, до боли, что пришлось выпустить.

Констебль Шоу сделала очередной глубокий вдох. В комнате уже почти не осталось свежего воздуха.

– Мы не знаем, мистер Ходдер. На данном этапе мы всё еще предполагаем, что Алиса покинула праздник по собственной воле. – Она

быстро улыбнулась сжатыми губами и опустила взгляд, чтобы больше не смотреть им в глаза.

– Вы действительно так думаете? – Брайан подался вперед и наклонился, усевшись на краю дивана. – Или вы всё же связываете это с исчезновением Мэйсона Харбриджа? Потому что прошло уже семь месяцев, и никто не знает, что с ним случилось. Как можно сказать наверняка, что это сделал не тот же самый человек, который похитил Алису?

Гарриет видела кадры с маленьким Мэйсоном, которого пресса описывала как «растворившегося в воздухе».

– Меня сейчас стошнит! – крикнула она и бросилась из комнаты на кухню, где склонилась над раковиной в приступе рвоты.

В любой момент Брайан мог оказаться рядом и начать поглаживать ей спину в попытке успокоить. Она вытерла рот рукой и прополоскала его под краном. Гарриет желала остаться в одиночестве, хоть ненадолго, пока он не начал задавать вопросы, на которые она не хотела отвечать.

– Одну минуту, мистер Ходдер, – донесся голос констебля Шоу через открытую дверь гостиной, очевидно, останавливающий Брайана на пути к выходу. Их голоса были негромкими, но как только Гарриет выключила льющуюся воду, то могла без труда разобрать, что они говорят. – Я знаю, что это шок для вас.

– Так и есть.

– Насколько хорошо вы знаете Шарлотту Рейнолдс?

Наступила некоторая пауза.

– Лично я – не очень хорошо.

– Хорошая подруга?

– Ну, ясное дело, нет.

– Я имею в виду, вашей жене. Она и ваша жена в близких отношениях?

Гарриет ждала его ответа, и в конце концов ответ прозвучал.

– Да, – сказал Брайан. – Полагаю, что это так.

Сейчас

Детектив Роулингс раскачивается взад-вперед на своем стуле, громко пыхтя. Нетрудно забыть, что мы не на одной стороне, тем более что она продолжает утешать меня, а я стараюсь быть полезной.

Да, я знаю, как это было ужасно, хочу я ей сказать. Вам не нужно мне это говорить.

Но мы обе знаем, что так станет намного хуже.

– Расскажите мне побольше о своей дружбе с Гарриет, – предлагает

она. – Как вы с ней познакомились?

– Гарриет работала в школе Сент-Мэри, – отвечаю я. У меня пересохло во рту, и я допиваю последнюю каплю воды из стакана, в надежде, что она предложит мне еще. Детектив сказала мне, что я могу взять перерыв, но я еще не набралась смелости попросить.

– Это школа, в которую ходят ваши дети? – спрашивает она. – Та же школа, где проходил праздник?

– Да. До того, как у Гарриет появилась Алиса, она работала там какое-то время ассистентом.

Я говорю ей, что меня вызвали в школу, поскольку там была проблема с Джеком, но подавляю желание добавить, что мой сын ничего плохого не сделал.

– Я видела Гарриет раньше, но это был первый раз, когда мы разговаривали.

Образ Гарриет, нервно порхающей по игровой площадке, всплывает в моей голове, и я снова слышу голос Одри: «Она мечется, как мышь». Я, возможно, хихикнула тогда, потому что, как всегда, наблюдение Од было к месту, но я также почувствовала что-то еще, наблюдая за Гарриет. Может, жалость?

«Она, наверное, просто стесняется, – пробормотала я, разглядывая голову Джека. Распространили очередное предупреждение о вшах, а Джек умудрился подцепить их уже четыре раза. Я была не готова принять этих дорогих гостей в пятый. – Или она не хочет, чтобы ее беспокоили родители».

«Хм. Она немного странная, – сказала Одри. – Она не смотрит никому в глаза».

После этого я подняла взгляд, чтобы увидеть Гарриет, кинувшуюся к главному зданию и спрашивающую, что она может сделать для нас, мам. Мы все толпились кучкой, склоняя головы ближе друг к другу, когда сплетничали или громко смеялись. Мы были стаей, и большинству из нас так было комфортнее, даже если мы не упоминали об этом вслух.

Я ничего не говорю детективу об этом. Вместо этого я говорю, что Гарриет была честна и открыта со мной и очень легка в общении.

Когда она делилась со мной своим отношением к Джеку, я наблюдала, как ее пальцы играют со швом ее А-образной юбки. Ее ногти были обкусаны, и твердый кусочек сухой кожи оттопыривался на большом пальце. В какой-то момент я сосредоточилась на этом, желая, чтобы она перестала говорить о моем сыне с такой тревожащей точностью, и опасаясь, что начну плакать.

«Миссис Рейнолдс? – произнесла Гарриет мягко. – Если вы думаете, что я ошибаюсь, пожалуйста, скажите мне».

Я покачала головой.

«Нет, вы не ошибаетесь», – признала я. Она была первым человеком, который увидел Джека именно таким мальчиком, каким он и был.

«Он очень сообразительный, – продолжала Гарриет. – Академически он на голову выше всех, но в социальном плане он не всегда справляется с некоторыми вещами так, как положено в его возрасте».

«Я знаю», – кивнула я.

«Есть результаты тестов, которые мы можем посмотреть и подумать, как ему помочь».

«Не нужно навешивать на него никаких ярлыков, – сказала я. – Я не стесняюсь, но...»

«Всё в порядке, миссис Рейнолдс, вам не нужно принимать никаких решений прямо сейчас. И вам, конечно, не нужно беспокоиться о рассмотрении другой школы, если вы не хотите».

Я говорю детективу, что она была замечательной ассистенткой.

– Она так заботилась о детях, – поясняю я. – Она уделила мне время. Мы поговорили, и я поняла, что у нас много общего.

– Что же у вас общего? – Это не первый раз, когда меня об этом спрашивают.

– Прежде всего это наше прошлое, – отвечаю я. – Мы разговаривали о... – Я резко останавливаюсь. Я собиралась сказать, что мы говорили о наших отцах, что у нас были общие секреты. Несмотря на то что наша встреча началась с разговора о Джеке, я каким-то образом свернула на собственное детство и поделилась с Гарриет историей о своем отце. Ну, кое-чем. По крайней мере, я рассказала ей больше, чем кому-либо другому. Я рассказала, как он бросил нас, когда я была еще ребенком.

Но затем Гарриет призналась, что ее отец умер, когда ей было пять, и я сразу ощутила вину, потому что это, конечно, намного хуже того, что пережила я.

«Это случилось много лет назад, – она сжала мою руку в своей. – Пожалуйста, не огорчайся».

Но, несмотря на ее улыбку и то, как убедительно она на меня смотрела, я видела проблеск слез в ее глазах и знала, что она просто пытается показать, что не расстроена. В глубине души я ощущала, что ей всё еще больно от потери, и даже тогда, в начале нашей дружбы, я чувствовала себя виноватой.

«Время – великий целитель, не так ли? – сказала она. – Так вроде

говорят?»

«Говорят, но я не совсем уверена, что согласна», – пробормотала я.

«Да, – улыбнулась она. – Я тоже не уверена».

И после краткой паузы я вдруг обнаружила себя упрашивающей ее присоединиться ко мне и моим подругам-мамам выпить кофе на следующей неделе. Гарриет выглядела захваченной врасплох, и я предположила, что она откажется.

Но вместо этого она поблагодарила и ответила, что с удовольствием. И пока я улыбалась и говорила, что это замечательно, то одновременно размышляла, не слишком ли поспешила с приглашением. Другим мамам могло бы это не понравиться, потому что они хотели свободно разговаривать о школе, и Гарриет стала бы моей ответственностью, а я не думала, что нуждаюсь в дополнительной головной боли.

Когда я рассказала Одри, что натворила, она подняла бровь.

«Дай ей шанс, думаю, она тебе понравится, – сказала я. – Кроме того, она больше никого не знает в этом районе».

У Гарриет не было других подруг, я поняла это с самого начала. Том как-то назвал ее моим новым питомцем, чем не на шутку взбесил меня, но что-то в Гарриет действительно заставляло меня взять ее под крыло. Я решила, что могу помочь ей. Первый шаг – ей нужно познакомиться с большим количеством людей.

– Гарриет переехала в Дорсет лишь несколько месяцев назад, – говорю я теперь детективу Роулингс. – Я хотела, чтобы она чувствовала гостеприимство.

– А как она вошла в вашу компанию? – спрашивает детектив.

– Ну... – Я делаю паузу. – На самом деле это не так. Всякий раз, когда она приходила, то неизменно выглядела смущенной, так что в конце концов я перестала приглашать ее. Я не хотела, чтобы она чувствовала неловкость, когда это всё ей явно не по душе.

Брови детектива Роулингс вздымаются вверх, и я ерзаю на своем жестком сиденье.

– Я знала, что она не хотела быть там, – оправдываюсь я. – Знала, что некоторые из моих приятельниц ей не особо нравятся.

– Но вы продолжали свою дружбу с Гарриет?

– Да, хотя и не настолько плотно, как с самого начала. Мы по-прежнему болтали всякий раз, когда виделись, но только после того, как у нее появилась Алиса, а у меня Эви, мы начали встречаться регулярно. К тому времени все остальные мои подруги имели детей школьного возраста и целыми днями занимались различными делами. Мы с Гарриет составили

друг другу компанию.

Гарриет удержала меня от сумасшествия. Она стала моим другом в то время, когда я нуждалась в ком-то вроде нее больше, чем когда-либо. Когда все остальные, кого я знала, могли вернуться на работу, или ходить в спортзал, или часами сидеть в кофейне, не чувствуя себя истощенными от бессонных ночей, и очень быстро забыли, каково это – иметь новорожденного.

– Я не была счастлива после рождения Эви, а Гарриет оказалась хорошим слушателем, – продолжаю я. – В довершение ко всему мой брак переживал трудности, и я вываливала всё это на нее.

Намного больше, чем ранее на Одри, но Гарриет всегда так стремилась помочь.

– И поэтому вы стали близки. Вы всем делились друг с другом?

– Мы разговаривали, как подруги.

– Могли бы вы назвать себя лучшими подругами?

– Она одна из моих лучших подруг, да, – киваю я, думая об Од и о том, что сложно отыскать более разных людей, чем эти двое. Но разве друзья не играют различные роли в нашей жизни?

– А как бы на это ответила Гарриет? – спрашивает она.

Гарриет сказала бы, что я ее единственная подруга.

– Она сказала бы то же самое, – говорю я ей.

Я представляю, о чем Роулингс должна думать сейчас, но она не задает вопрос, который вертится у нее на языке.

Что Гарриет сказала бы сейчас?

Некоторое время назад

Гарриет

Бормочущие голоса Брайана и констебля Шоу отошли на второй план, когда Гарриет взглянула на свой задний сад через кухонное окно. Она всегда любила сад. Совсем не такой, как у Шарлотты, – в нем не было места для деревянной шведской стенки и двойных качелей или для четырнадцатифутового батута и игрового домика. Но раньше она знала жизнь лишь в квартирах и довольствовалась узкими полосками балконов.

Сад был единственным, что нравилось Гарриет в доме, когда они только что переехали. Пять лет назад, когда Брайан затормозил возле

небольшого полудома, общей стеной с соседями, который купил для них, ее сердце упало. Их переезд в Дорсет подавался Гарриет, как ее мечта – дом на побережье, и она уже представляла, как открывает окна по утрам и вдыхает запах морского воздуха. Слышит крики чаек, кружащих над головой, и, может быть, даже видит блеск воды из окна спальни.

Она на самом деле не очень хотела покидать Кент, но именно описание Брайаном жизни в Дорсете окончательно убедило Гарриет. В конце концов, это то, о чем она мечтала с детства. Поэтому, когда они следовали за фургоном перевозчиков на юго-запад, Гарриет настолько загорелась этой идеей, что позволила себе прийти в небольшой восторг.

Кроме того, переезд был их шансом начать всё сначала. Брайан пытался оставить прошлое позади. Он получил новую работу в Дорсете и нашел им дом. Ее муж старался изо всех сил, поэтому самое меньшее, что она могла сделать, – тоже вложить в это свое сердце. И по дороге Гарриет размышляла, что переезд всей ее жизни, может, и не такая уж плохая затея. И так, у нее не будет друзей и придется искать новую работу, но, наверно, всё это на самом деле не имеет значения. И если так необходимо для того, чтобы они были вместе в домике у моря, оно того стоит.

Когда они остановились возле дома, Гарриет подумала, что компания-перевозчик, должно быть, ошиблась. Они свернули с береговой дороги по меньшей мере десять минут назад. Гарриет не могла даже дойти до пляжа оттуда, где они сидели в припаркованной машине, не то что увидеть его. Она взглянула на дом и обернулась к Брайану, который отстегнул ремень безопасности и, сияя, смотрел на нее.

Дом был ничуть не похож на картинку в ее голове – на тот, с большими окнами и деревянными ставнями. Все здания на этой улице выглядели так, словно их втискивали вплотную друг к другу и ни один не удосужился отделать до конца. Их дом, казалось, сам стеснялся своего внешнего вида, своей облупившейся краски и черепицы, тронутой желтым мхом.

Брайан сжал ее руку.

– Вот он! Следующая глава нашей совместной жизни. Ну, как тебе?

Ей пришло в голову, что муж должен был знать, что это не тот дом, о котором она мечтала. Но затем Гарриет посмотрела на его лицо и сразу же ощутила прилив вины, отодвинула в сторону свои опасения, могущие его расстроить, и сказала, что ей нравится.

Ей не нравилось.

Брайан ввел ее внутрь и показал каждую из комнат, в то время как Гарриет сдерживала желание закричать. Везде было так тесно и темно. Ей хотелось разорвать стены близких квадратных комнат, только чтобы

впустить немного солнечного света.

Но дом был всё равно больше, чем то жилье, в котором она росла. В детстве Гарриет жила со своей мамой в квартире с двумя спальнями на первом этаже, выходившей окнами на бетонный парк^[2].

Та квартира вполне поместилась бы в их домике дважды. Поэтому она знала, что не должна жаловаться, но не могла избавиться от чувства, что никогда не будет счастлива здесь.

Сад позади дома стал ее убежищем. Предыдущими владельцами он содержался безукоризненно. Гарриет вскоре узнала названия всех цветов, которые росли по левой стороне вдоль забора, нуждавшегося в ремонте. Он изгибался внутрь во время зимних ветров, и Брайан категорически утверждал, что это ответственность соседа, хотя она знала, что муж в итоге предпочтет сам отремонтировать забор, чем впутываться в разногласия с тем.

В дальнейшем, после рождения Алисы, Гарриет начала пить свою первую за день чашку кофе на скамейке во внутреннем дворике, пока дочь играла в песочнице в дальнем конце сада.

«Я слепила тебе песочный пирожок, мамочка!» – кричала ее маленькая девочка.

«Замечательно, дорогая. Я буду наслаждаться им вместе с кофе».

«Хочешь чернику сверху?»

«О, с удовольствием!»

Затем Алиса осторожно семенила через траву, стараясь, чтобы кучка песка попала к маме, не развалившись. И Гарриет брала пирожок и притворялась, что ест его, потирая живот, и смеялась.

Воспоминание ударило Гарриет, и поднимающаяся волна страха заставила ее отступить на пару шагов назад к кухонной раковине. Она видела своего ребенка так ясно – однако Алиса пропала.

Голос констебля Шоу ворвался в ее мысли, и образ Алисы разлетелся на тысячу осколков, прежде чем окончательно раствориться.

– Миссис Ходдер, вы в порядке? – назойливо спрашивала полицейская.

Гарриет обернулась и увидела женщину, помахивающую фотографией Алисы, которую Брайан вытащил из их альбома. Она взяла снимок и провела пальцем по лицу своей дочери.

– Это не лучшее ее фото. Она была расстроена тогда. – Гарриет вспомнила, как Алиса уронила мороженое, а Брайан не позволил купить ей еще одно. Алису пришлось уговаривать улыбнуться в камеру, а это значило, что глаза ее не сияли, как обычно.

– Ну, нам нужно только одно для распространения. Здесь хорошее

сходство с вашей дочерью?

Гарриет кивнула.

– Да, но... – Она хотела сказать, что предпочла бы найти получше, когда в дверь позвонили. Она беспокойно взглянула на офицера Шоу, а затем в коридор, где Брайан уже выходил из гостиной.

– Полагаю, это Ангела Бейкер, – сказала офицер. – Она будет вашей ОВС. Офицер по взаимодействию с семьей, – добавила Шоу, увидев, что Гарриет смотрит непонимающе.

Брайан открыл дверь, отступив в сторону, чтобы впустить посетительницу. Женщина представилась детективом-констеблем Ангелой Бейкер, сказав Брайану, что он может называть ее Ангела, и повторила всё это, когда вошла в кухню и увидела Гарриет.

Каштановые волосы Ангелы были собраны в практичный, аккуратный пучок, остававшийся неподвижным, в то время как сама Ангела очень даже активно двигалась. Она носила серую замшевую юбку, коричневые туфли на низком каблуке и кардиган, который сняла и аккуратно повесила на спинку кухонного стула.

– Я здесь ради вас обоих, – пояснила она. – Меня можно спрашивать о чем угодно, и я буду вашим основным контактным лицом, так что всё это не вызовет у вас особых сложностей. – Она снова улыбнулась. – Наверно, мне стоит начать с того, чтобы приготовить нам всем по чашечке чая? – Она кивнула на чайник. – И мы сумеем пройти через всё то, что поможет нам отыскать вашу дочь как можно скорее. Вы можете подойти и присесть?

Гарриет послушно села за стол, наблюдая за констеблем Шоу, пробормотавшей «до свидания» и выходящей из кухни. Она задумалась, что означает для них прибытие нового детектива. Тем временем Брайан настоял на том, что он сам приготовит всем чай, и пододвинул Ангеле стул.

– Большое спасибо, Брайан! – улыбнулась ему та, и Гарриет тут же сообразила, что не должна была с такой готовностью позволить их новой гостье возиться с приготовлением напитка. Но в то же время она не имела никакого желания делать это самой.

– Так вы детектив? – спросил Брайан.

– Да, – сказала Ангела. – Я здесь, чтобы сообщать вам о положении дел, и если вам что-то нужно, вы можете попросить меня. Мы считаем, что семьи предпочитают контактировать с одним человеком. С кем-то, кого они могут узнать получше.

– Но прежде всего вы детектив? – снова спросил Брайан.

– Да. Я буду поддерживать связь с офицерами, которые ищут Алису, – ответила Ангела.

Гарриет знала – это не то, что Брайан имел в виду. Но он никак не реагировал на ответ, пока бросал чайные пакетики в кружки и доставал молоко из холодильника, немного встряхивая бутылку, как всегда делал по привычке, прежде чем аккуратно налить. Они оба понимали – Ангела здесь также и для того, чтобы собирать информацию изнутри их дома, которую можно будет передать офицерам в участок.

– У меня такое чувство, что мы ничего не знаем, – сказал он, когда чай был готов, и осторожно поставил кружки перед Анжелой и Гарриет. – Констебль Шоу некоторое нам сообщила. Мы даже не знаем, кто разыскивает Алису.

У Брайана на лице всегда был легкий загар, а его щеки обычно имели румяный оттенок повыше аккуратно подстриженной щетины, но сейчас весь цвет будто стек с них куда-то. Гарриет была благодарна ему за поддержку беседы. Она боялась, что если сама откроет рот, то может снова сломаться, а это ни к чему полезному не приведет.

– Ну, прямо сейчас многие офицеры ищут ее там, – сообщила Ангела, когда Брайан выдвинул себе стул и присоединился к ним за столом.

– Где они ищут? – спросил он. – Сколько там у вас людей?

– Столько, сколько у нас есть. Мы присвоили делу об исчезновении вашей дочери наивысший приоритет.

– Вы найдете ее? – Его слова, казалось, звенели, когда слетали с языка.

– Непременно, – ответила Ангела, и она выглядела настолько уверенной, что на мгновение Гарриет поверила в это.

– Но вы не нашли того, другого, – продолжал Брайан. – Он всё еще числится пропавшим спустя столько месяцев.

– Нет причин думать на данном этапе, что эти два дела имеют какое-либо отношение друг к другу.

– Но они могут иметь, – упорствовал он. – Этот парнишка пропал в точности, как Алиса, так что, конечно же, они могут быть связаны.

– Мэйсон, – тихо сказала Гарриет. – Его имя Мэйсон.

Они прервались и взглянули на нее. Такое чувство, словно они оба забыли, что она тоже здесь. Черты лица Ангелы смягчились еще больше; она смотрела на Гарриет с выражением, которое, как надеялась та, не было жалостью. Но Мэйсон Харбридж являлся не просто неким ребенком; он был мальчиком с конкретным именем и матерью, которую пресса разрывала на части. Гарриет знала всё об этом деле, вдумчиво корпела над новостями и постепенно становилась одержимой этой историей, разворачивавшейся шаг за шагом. То обстоятельство, что Мэйсон пропал из деревни в Дорсете, похожей на их собственную, делало случившееся чем-

то очень близким к дому.

В родителей не раз тыкали пальцами, но Гарриет не верила, что они причастны к этому. Ее сердце расположилось к ним, когда она увидела, как пресса вторгается в их жизнь, выставляя что угодно об их семье для всеобщего обозрения. Никто не предполагал, что пройдет семь месяцев, а о маленьком Мэйсоне всё еще не будет новостей.

– Как я уже сказала, нет никакой связи между исчезновением Алисы и исчезновением Мэйсона, – говорила Ангела. – Насколько нам известно к этому времени – ваша дочь ушла с праздника по собственному желанию и потерялась.

– Я просто не могу поверить, что никто ничего не видел! – воскликнул Брайан, трясая головой, откинувшись на спинку стула. – Там должны были находиться толпы людей. – Он перевел взгляд с Ангелы на Гарриет. – До меня не доходит. Я не понимаю вообще ничего. – Брайан встал и подошел к раковине, сложив руки вместе перед губами, как в молитве. – О, Боже. Я не могу понять – почему, Гарриет?

– Что «почему»? – спросила она, хотя точно знала, что он имеет в виду.

– Ты знаешь, что я хочу сказать. Почему Алиса была с Шарлоттой? Почему не с тобой? Где была ты?

Гарриет прикусила нижнюю губу. Она чувствовала, как Ангела внимательно наблюдает за ней.

– Я была на курсах, – сказала она.

– На курсах? В каком смысле – на курсах? – Он всплеснул руками и оперся ими на кухонную стойку по обе стороны от себя, словно пытаясь успокоиться. – Гарриет, – повторил он, – о каких курсах ты говоришь?

– Бухгалтерские курсы, – ответила она наконец.

Он уставился на нее, застыв. Потом его губы шевельнулись, но не издали ни звука. Когда он заговорил, его голос был мягким.

– Я ничего не знал о бухгалтерских курсах. Ты никогда не упоминала о них при мне.

– Ну как же, – медленно произнесла Гарриет, глядя ему в глаза. – Я говорила тебе об этом на прошлой неделе.

Брайан сильнее нахмурил брови, когда вернулся к столу и снова уселся рядом с ней. Она чувствовала его замешательство, но также хотела напомнить ему, что всё это теперь не имеет значения.

– Нет, любовь моя, – возразил он, протягивая ей руки ладонями кверху над столом. – Нет, это определенно не так. – Гарриет вложила свои руки в его, и он обхватил их пальцами. – Но сейчас это не важно, верно? Поиски Алисы превыше всего. – Он повернулся к Ангеле. – Я хочу быть там и

искать свою дочь, – сказал он. – Я чувствую себя бесполезным, сидя здесь.

– Я понимаю, что вы желаете быть там, но, честно говоря, здесь – лучшее место, где вы можете сейчас находиться. Итак, Гарриет, – сказала она. – Расскажите мне о Шарлотте. Вы часто оставляете Алису с ней?

– Нет-нет, – ответила Гарриет. – Я никогда не делала этого раньше. – Ее ладони стали горячими и липкими. Она вытащила их из рук Брайана и вытерла о переднюю часть своей юбки.

– Так с кем вы обычно ее оставляли?

– Я никогда ни с кем не оставляла Алису.

– Никогда? И вашей дочери четыре? – Ангела выглядела удивленной. Гарриет уже привыкла к подобной реакции.

– У Гарриет нет никакой необходимости оставлять Алису с кем-либо, – вмешался Брайан. – Ее работа – быть матерью.

Ангела бросила на Брайана пыливый взгляд, но не стала уточнять. Гарриет предположила, что если у Ангелы есть дети, то она, вероятно, часто их оставляет, особенно с такой сложной работой.

– Но сегодня вам нужен был кто-то, чтобы присмотреть за ней? – спросила Ангела. – И ваш первый выбор пал на Шарлотту?

– Да, – подтвердила Гарриет. Она не стала добавлять, что подруга была ее единственным выбором.

– Алиса радовалась Шарлотте? Она хорошо ее знает?

– Она знает ее с самого рождения, – сказала Гарриет. – Я повстречала Шарлотту до того, как забеременела.

– Кстати, Брайан, – Ангела повернула лицо к нему. – Вы же рыбачили сегодня? Куда вы ездили?

– Чесил-Бич, – ответил он. – Но зачем вам нужно это знать? Неужели я под подозрением?

– Нет-нет, это не так. Нам просто очень важно составить полную картину про всех близких Алисы. Но Чесил-Бич – прекрасное место, – сказала Ангела. – Мой папа всегда ходил туда. Он говорил, что нет ничего лучше, чем сидеть одному на пляже с бутылочкой пива и удочкой. Вы были один?

– Да. И я не пью.

– Мой отец частенько выходил и на лодке тоже. Тут есть чудесное местечко прямо за...

– Я никогда не хожу на лодках. Я не покидаю пределы пляжа. Но если вам нужно имя кого-то, кто подтвердил бы, что я был там, вы можете спросить Кена Харриса, – сказал Брайан. – Он находился там на своей лодке сегодня. Он должен был меня заметить.

Ее муж никогда раньше не упоминал никого, с кем рыбачит. Гарриет всегда полагала, что он держится сам по себе.

– Спасибо, Брайан, – улыбнулась Ангела. – И я хотела бы также узнать некоторые подробности о ваших курсах, Гарриет, если вы не против.

Гарриет кивнула и встала, чтобы достать из сумки официальные бумаги.

– И не могли бы вы принести мне еще и зубную щетку Алисы? – попросила Ангела, делая пометки в блокноте.

– Что? – Гарриет остановилась и повернулась, глядя на Ангелу.

– Ее зубную щетку. Это просто стандартная процедура, так что мне нужны некоторые ее вещи.

– О Господи! – воскликнул Брайан, оперевшись ладонями о стол и дернувшись на своем стуле назад так, что тот пронзительно скрипнул по полу. – Вы уже думаете об этом?

Гарриет вышмыгнула из кухни, поднялась по лестнице и вошла в ванную, где больше не могла слышать разговор Брайана с Ангелой. Ее дрожащие руки сжимали край умывальника. Она знала, что зубная щетка Алисы нужна им для ДНК. Это означало, что они уже думали о худшем – что они найдут тело вместо ее дочери.

Алисины розовая зубная щетка скользнула меж пальцев Гарриет и закувыркалась в умывальнике, когда та потянула к ней руку.

Две оставшиеся выглядели как-то одиноко и неправильно. Древняя синяя щетка Брайана и ее собственная, со щетиной, торчащей во все стороны. Гарриет схватила щетку Алисы и вставила обратно в стакан. Ангела сможет обойтись и новой, нетронутой, из ящика. Там были еще две, в коробке, увидела она, открыв ящик и пробежав пальцами по жесткому пластику.

– Что ты делаешь?

Гарриет подняла взгляд и увидела в зеркале два лица. Ее было мокрым от слез, текущих ручьями. Она даже не заметила, что плачет. Отражение Брайана приблизилось за плечом, он взял ее за руки и развернул к себе лицом. Потом вытер ей слезы одним движением пальцев, оставив влажные следы на ее щеках.

– Им нужна зубная щетка, Гарриет, – сказал он и протянул руку, чтобы взять ее из стакана и отнести вниз Ангеле.

Гарриет смотрела на пустое место, оставленное им, и удивлялась, как он мог так легко это сделать. Он небрежно выбрал фото, вероятно, первое попавшееся на глаза; а теперь с готовностью передавал им зубную щетку

своей дочери. Но Брайан хорошо держал себя в руках. Он делал то, что было необходимо, чтобы помочь полиции найти Алису, и теперь Гарриет оставалось лишь прокручивать в памяти, как дочка чистила зубы этим утром.

«Готово, мамочка!» – сказала она, автоматически широко открывая рот, чтобы мама проверила.

«Великолепно! – ответила ей Гарриет. – Зубные феи будут довольны тем, какие они блестящие!»

Свежая волна слез заставила ее вновь вцепиться в умывальник, как будто он был единственной вещью, поддерживающей ее и не дающей упасть. И в конце концов Брайан опять появился в ванной, разжал ее руки и отвел обратно на кухню, где терпеливо ждала Ангела.

– Мне нужно знать, что она делала, когда наша дочь пропала, – потребовал Брайан, когда проводил Гарриет на место и сел рядом с ней. – Я хочу знать, чем занималась Шарлотта, потому что она явно не присматривала за Алисой.

– У вас наверняка накопилось много вопросов, – сказала Ангела. – Я не могу ответить на этот сама. Полностью – не могу.

– Куда она уходила? Она не могла быть возле надувнушки, иначе увидела бы, куда пошла Алиса.

– По-моему, она ждала в палатке прямо рядом с надувнушкой вместе со своей младшей дочерью, – ответила Ангела.

– Значит, не глядя, – продолжал Брайан. – Не следя за моей дочерью, как я и сказал. Она, наверное, уткнулась в телефон. Вы можете видеть это повсюду, постоянно – матери не обращают внимания на своих детей, потому что пьются в гаджеты. Половину времени они понятия не имеют, где их дети. Вот почему я этого не понимаю, Гарриет. Я не понимаю, почему ты попросила ее присмотреть за Алисой. Ты всегда говорила, что Шарлотта погружена в себя, что она позволяет своим детям носиться, как дикие звери.

– Нет, – сказала Гарриет ошеломленно, – я никогда так не говорила.

– Я уверен, что ты это делала.

– Это неправда, – возразила она. Дети Шарлотты не были дикими; они были шумными, полными жизни и энергии. «Дикие» – это не то слово, которое она когда-либо использовала.

– Однажды ты сказала мне, что не доверила бы ей Алису. – Брайан остро взглянул на нее. – Что она с головой не дружит.

– Нет! – воскликнула Гарриет, и ее лицо вспыхнуло от смущения. – Я никогда не говорила этого. – Она почувствовала, как Ангела пристально

смотрит на нее, и попыталась вспомнить, когда же она могла сказать нечто, что Брайан неправильно истолковал. Но даже если Гарриет так сделала, она не это имела в виду.

Брайан взял свою кружку, сделал глоток чая, поморщился и поставил обратно. Должно быть, уже остыл.

– Я просто никак не ожидал, что ты доверишь ей Алису, – добавил он.

– Есть еще несколько вещей, которые мне действительно нужно выяснить у вас обоих, – сказала Ангела, и Брайан кивнул, чтобы она продолжала. – Давайте начнем с родных. Бабушки и дедушки Алисы, тети, дяди.

– Их немного, – ответил Брайан. – Мой отец умер пятнадцать лет назад, а моя мать... – Он запнулся и выпрямил плечи. – Моя мать бросила нас, когда я был совсем юным. Я не вижу с ней. Родители Гарриет оба умерли.

– Братья и сестры?

– Ни у одного из нас их нет, – ответил он.

– Значит, только ваша мать, Брайан? – спросила Ангела. – Когда в последний раз вы ее видели?

Он пожал плечами:

– Много лет назад, я не уверен точно.

Гарриет наблюдала, как ее муж пытается выдать свою мать за потерянную. Она точно помнила, когда он видел ее в последний раз, и знала, что Брайан тоже помнит. Это было почти восемь лет назад. Он познакомил ее с Гарриет через месяц после того, как они начали встречаться.

– А она знает, где вы живете, или знает про Алису? Может ли быть какая-то причина, чтобы она стала разыскивать внучку?

– Я сомневаюсь, что она вообще в курсе, что у нее есть внучка.

– Вы сомневаетесь? Думаете, что ваша мама могла бы? – спросила Ангела.

– Она не знает, – заявил Брайан. – Мне бы и в голову не пришло... – Он отвел взгляд, и Гарриет подумала, не рассказывал ли он когда-нибудь матери об Алисе. Гарриет могла представить, что он сейчас чувствует, если это было так.

Ангела продолжала спрашивать о других родных и о близких друзьях, но было ясно, что их круг до болезненного мал. Гарриет сказала ей, что не поддерживает связи с бывшими коллегами; она виделась с некоторыми из мамочек очень редко, но и то лишь потому, что те являлись подругами Шарлотты. К сожалению, было очевидно, что имелся только один человек в

ее жизни, которого она видела регулярно, и этот человек только что пропал. Ее дочь.

Жизнь Брайана была не намного интереснее. Он покидал дом в восемь часов каждое утро и ехал на работу в страховую компанию, в которой числился уже пять лет. Он непременно возвращался домой к пяти тридцати вечера, без опозданий. Он не пил, не устраивал рождественских вечеринок, не посещал никаких праздников и нисколько не беспокоился, что у него нет никого, кого можно было бы назвать настоящим другом.

Каждую субботу Брайан отправлялся на рыбалку. Он уходил рано и возвращался в какое-то время после полудня, и до сегодняшнего дня никогда не упоминал никого из встреченных там людей по имени.

Несколько позже Ангела упомянула о полицейском обращении, которое, скорее всего, будет сделано следующим утром и появится на всех главных новостных каналах. Они также обсудили возможность встречи Гарриет и Брайана с Шарлоттой.

– Я не могу этого сделать, – сказала Гарриет. Мысль о том, чтобы сидеть напротив Шарлотты и видеть ее лицо, искаженное чувством вины, была для нее как удар ножом в живот.

– Всё нормально, – ответила ей Ангела. – Вам не обязательно, если вы не готовы.

– Скоро у тебя будут иные чувства, – заметил Брайан. Гарриет проигнорировала его комментарий – она знала, что не изменит своего мнения.

Но пока мысли о Шарлотте и предстоящем обращении крутились в ее голове, перспектива провести ночь без Алисы в соседней спальне глубоко ее волновала и терзала. Как она с этим справится? Как Гарриет будет чувствовать себя, пока Алисы рядом нет? Жизнь без ее малышки казалась невозможной.

Всё, что она могла сейчас видеть, – это лицо своей дочери, бледное и испуганное.

«Мамочка! Где ты?»

Гарриет находилась в ловушке. Внутри своего собственного тела и внутри их дома, не имея понятия, что она должна сделать для дочери. Абсолютное отчаяние прорвалось наружу, как вспышка молнии, встряхнуло и подбросило ее вертикально, заставив испустить резкий, гортанный крик.

Брайан вскочил со стула и кинулся к жене, крепко обхватывая ее руками, успокаивая и говоря, что всё будет в порядке.

– Всё это вина Шарлотты, – прошипел он Ангеле. – Ведь в довершение ко всему это не первый ребенок, которого она теряет.

Шарлотта

В семь часов вечера субботы я приняла вызов от старшего инспектора Хейза. Он позвонил сообщить, что Гарриет желает меня видеть, хотя и говорил ранее, что она отказалась.

– Конечно, я пойду, – ответила я на его вопрос, готова ли я увидиться с ними в их доме, хотя и прокручивала в голове все возможные сценарии встречи с Гарриет, и ни один не заканчивался хорошо. – Мне просто нужно, чтобы кто-нибудь присмотрел за детьми.

– Понимаю, – отозвался он. – Я могу прислать офицера из тех, кто поблизости.

– Нет, в этом нет необходимости, – заверила я. Полицейский – нянька детей только напугал бы. – Я смогу быть там через час, если вы не возражаете, – добавила я и повесила трубку. Я позвонила Тому, как только вернулась домой после праздника, так что знала – он примчится, когда мне будет нужно.

Я уже встречалась с инспектором Хейзом в тот день. Одри настояла, что я должна покинуть праздник, а она отвезет меня и детей обратно домой в моей машине. Я смотрела в окно автомобиля, пока она переключала передачу на задний ход, бормоча под нос, что «с этой дерьмовой парковки еще черта с два выберешься».

– Мне не следовало бы уходить, – сказала я. – Я должна искать ее вместе со всеми остальными. – Стихийные группки родителей формировались в поисковые команды на поле, вопреки просьбам полиции не вмешиваться.

– Нет, ты должна быть со своими детьми, – возразила Одри. – Сейчас ты нужна им больше, чем когда-либо, и это не то место, где им следует оставаться.

Я знала, что она права. Но когда Одри пробиралась между припаркованными машинами, я почувствовала себя опустошенной, как дополнительное автомобильное кресло, закрепленное позади меня. Место между Молли и Эви было зияющим напоминанием о том, что я не только потеряла Алису, но теперь еще и уезжаю прочь от нее.

Мы выехали с парковки, обогнув угол поля справа от нас. Макушки надувных пальм на «Джунглях», виднеющиеся на дальнем краю поля, больше не раскачивались. Теперь никто не желал отпускать своих детей туда, даже если это место и не являлось местом преступления.

– Там и без того достаточно людей, – продолжала Одри. – Полиция даже не хочет, чтобы они тоже искали. Взгляни на это место, – шепнула она. – Никому не надо сейчас оставлять здесь своих детей. – Еще две полицейские машины миновали нас, их синие огни беззвучно вспыхивали. Я видела в боковое зеркало, как они подъехали к месту праздника.

Хейз приехал ко мне домой в четыре тридцать вечера. Тогда он и сообщил, что Гарриет отказывается меня видеть.

– Я пробовала дозвониться до нее, – произнесла я. – Я попыталась сразу, как только вернулась домой, но ее мобильный, наверно, выключен. – Я держала телефон и смотрела на экран, на фото своих детей, улыбающихся мне в ответ. Я набирала номер Гарриет несколько раз. Каждый раз я задерживала дыхание, пока не включалась голосовая почта, и я могла повесить трубку, чтобы снова дышать. – У нее, наверно, есть вопросы, – сказала я детективу^[3]. – Она, должно быть, хочет услышать от меня, что случилось. Я знаю, что мне бы этого хотелось. – На ее месте я бы орала на меня и била кулаками в грудь, пока не обессилела. Требовала бы объяснений, умоляла бы найти свою дочь или повернуть время вспять и изменить то, что произошло.

– Все люди разные, – отозвался Хейз, и я кивнула, потому что тут точнее и не скажешь.

Когда детектив позвонил в семь вечера для новой беседы, я как раз набирала ванну для купания своих девочек. Я завершила короткий разговор, выключила воду и набрала мобильный Тома.

– Есть новости? – спросил он, когда поднял трубку.

– Нет пока, – сказала я ему.

– Ох, Шарлотта. Ты по-прежнему уверена, что я не могу как-нибудь помочь?

– На самом деле можешь. Мне нужно отъехать и увидеться с Гарриет. Мог бы ты посидеть с детьми?

– Да, конечно. Как там Гарриет?

– Я еще не разговаривала с ней. Когда ты сможешь приехать?

– Я не знаю, ну, м-м, через полчаса?

– Хорошо, – ответила я.

– Так ты вообще ничего больше не слышала про Алису? – спросил Том снова.

- Нет, ничего.
- Это было по телевизору. Я только что видел в новостях.
- О, Боже. – Я вздохнула. Мне уже дважды звонили журналисты, но, как посоветовал инспектор Хейз, я оба раза говорила: «Без комментариев».
- Прости, Шарлотта, я не знаю, что и сказать.
- Ничего не говори. Просто приезжай ко мне, чтобы я смогла выбраться туда.

Я сидела на краю кровати и ждала Тома, а вода в ванне медленно остывала в соседней комнате. Мой телефон опять вспыхнул новым текстовым сообщением от классной руководительницы. «Есть какие-нибудь новости? Я могу чем-нибудь помочь?» Я прочитала текст и бросила телефон рядом с собой. Рано или поздно мне придется ответить на все сообщения, полученные с тех пор, как я покинула праздник, но я ничего не могла делать, пока не пройду через эту встречу. Я сидела в полумраке, с задернутыми занавесками, и терзалась единственным вопросом: что, черт возьми, я скажу Гарриет?

Мне придется посмотреть ей и Брайану в глаза и сказать, что у меня нет ничего, чтобы их как-то успокоить. Никаких объяснений, никаких оправданий. Даже ни одного совета, способного принести им облегчение. Они спросят меня, что произошло с Алисой, и я должна буду признаться, что понятия не имею.

«Она побежала за “Джунгли” вместе с Молли».

«И что потом?» – спросят они.

«Я не знаю. Я просто не знаю, что случилось с вашей дочерью».

Молли и Джек рассказали мне, что они сняли свою обувь за надувнушкой, но в возбуждении никто из них не задержался помочь Алисе, подождать ее или хотя бы обратить внимание, вошла ли она. «Тебе десять, Джек! – воскликнула я тогда. – Почему ты не убедился, что девочки в безопасности, как я тебя просила?»

Джек взглянул на меня со страдальческим выражением лица. Я знала – нельзя надеяться на то, что мой сын станет смотреть за другими детьми. Почему же тогда я предположила, что он это сделает? У Джека золотое сердце, но он последний мальчик, на которого можно возложить ответственность.

«Молли! – повернулась я к своей дочери. – Алиса бежала после тебя. Почему ты ей не помогла? Что ты делала – гналась за Джеком и забыла, что она вообще там была?» Я знала, что не должна переносить свою вину на них, но всё равно эти слова сорвались с моего языка.

Глаза Молли наполнились слезами. «Прости, мамочка!» – всхлипнула

она.

Я притянула ее к себе и сказала, что нет, это я виновата. Это не ее промах. «Я не говорю, что ты сделала что-то дурное», – добавила я, хотя, конечно, подразумевала именно это.

Здесь был только один человек, который в этом виноват. Который погрузился в сообщения и «Фейсбук» и, возможно, поглядывал изредка, но явно недостаточно, чтобы заметить Алису. В глубине души я знала, что не видела, как она скатывалась с горки. Там были только мои двое, которых я рассмотрела из тени палатки. И это означало, как и сказал констебль Филдинг, что Алиса, скорее всего, даже не вбегала туда.

Как только Том приехал, я поцеловала детей на ночь и сказала им, что увижу их утром. Затем я попыталась выйти из дома прежде, чем мы втянемся в разговоры, но не успела добраться до входной двери, как Том меня остановил.

– Ты в порядке? – спросил он.

Я покачала головой, вонзая ногти себе в ладони, чтобы не расплакаться.

– Разумеется, нет, но я не хочу об этом говорить.

– Это было в заголовках новостей. – Том беспокойно потер руки. – Полагаю, этого следовало ожидать.

– Да, так и должно быть. Что-то вроде того... – Я замолчала. – Мне действительно нужно идти, Том.

Том кивнул, и я знала, что он хочет еще что-то добавить, но открыла входную дверь, не желая давать ему эту возможность.

– Я только что видел Криса Лоусона, когда подъезжал, – произнес он. – Он сказал мне, что они отменили свою сегодняшнюю вечеринку.

– Меня вообще не волнует на самом деле, есть они или их нет.

– Нет, я знаю, я просто говорю. Они все же твои друзья и соседи. Они хотят поддержать тебя.

Я шагнула в палисадник, и он тоже сделал шаг вслед за мной.

– Куда это ты собрался, Том? – Я знала его достаточно, чтобы понимать, что он сказал еще не все.

– Я просто... – Том запнулся и провел рукой по своим волосам, заставляя их вздыбиться пучками на макушке. – Крис упомянул, что в Интернете были высказаны некоторые вещи, вот и всё. Я не хочу, чтобы ты неожиданно на них наткнулась.

– Какие вещи?

– Глупые люди, которым больше нечего делать, только и всего. Не твои

друзья. Никто из них тебя не знает, Шарли.

– Какие вещи? – спросила я снова, чувствуя, как горло горит от страха.

– Просто... – уныло вздохнул он. – Что ты делала, когда она пропала?

Почему наши дети в порядке?

Я отшатнулась, как если бы он меня ударил.

– О, Шарлотта, – сказал он, потянувшись и взяв меня за руки.

– Я не могу разговаривать об этом сейчас! – вскрикнула я, вырываясь.

– Прости меня. – Том уставился на меня, словно ему было больно или он волновался, а может быть, и то, и другое. – Мне не следовало ничего говорить.

– Ну, теперь уже слишком поздно, не так ли? – оборвала я его и побежала к машине, прежде чем он успел бы произнести еще хоть одно слово.

Я редко бывала в доме Гарриет, потому что она предпочитала сама приходить ко мне. Она часто сидела возле моего кухонного островка и нежно водила руками по его дубовой поверхности, как будто та была сделана из самого драгоценного дерева.

«Гарриет, тебе не стоит волноваться», – рассмеялась я однажды, когда она осторожно приподняла свою кофейную кружку, проверяя, не остались ли мокрые кольца, потому что я не дала ей подставку.

«Привычка», – пробормотала она, смущенно улыбаясь.

«Ну, я не беспокоюсь о пятнах, – заметила я. – Дети ставят их достаточно много».

Но она всё равно проводила рукой по поверхности и рассказывала обо всем, что ей нравится в моем доме, пока я внутренне умоляла ее остановиться.

В отличие от моего, дом Гарриет был маленьким и невыносимо темным. В первый раз, когда я его посетила, она извинялась за недостаток света, быстро провожая меня на кухню в задней части дома.

«Не глупи, всё замечательно, – сказала я. – Не могу поверить, что ты покрасила всё это сама».

«Ну, на самом деле красить здесь было особо нечего, – вздохнула она. – Он не очень большой. Не такой, как твой прекрасный дом».

В следующий раз, когда Гарриет была у меня, я поймала себя на том, что нарочно указываю на сколотый плинтус, стол, требующий ремонта, и трещину, проходящую вдоль потолка гостиной.

Я тоже придумывала всякие штуки. Маленькие безобидные истории, показывающие мою, как она думала, идеальную жизнь на самом деле не

такой уж идеальной. Я жаловалась, что Том слишком много работает и я почти его не вижу. Рассказывала, как я иногда ненавижу свою собственную работу и мечтаю отсюда уйти. Я говорила, что ей повезло быть замужем за Брайаном, который всегда возвращается домой к пяти тридцати вечера, и они могут пить чай всей семьей.

Я не лгала, когда говорила, что ужин в нашем доме не был приятным переживанием. Моим детям не нравилась одна и та же еда, и большинство вечеров заканчивалось тем, что я давала им рыбные палочки или пиццу, потому что это единственные блюда, на которые никто не жаловался. Однако я умолчала, что Том только усугублял мои страдания во время кормления, поэтому мне легче было переносить их без него. Я не призналась, что мысль о том, как он заходит в дверь в пять тридцать каждый вечер без опозданий, на самом деле является моим персональным адом.

Но Гарриет выглядела умиротворенной, когда сказала:

– Да, мне очень повезло, что Брайан никогда не работает допоздна.

Я свернула с основной дороги к домам, плотно скученным вместе. «Друг на друге», – говорил про них Том.

Даже в это время, вечером, улица Гарриет была переполнена машинами. Мне пришлось проехать мимо дома, чтобы найти тесное парковочное место между двумя просевшими бордюрами на другой стороне дороги.

Рядом с палисадником Гарриет болталась кучка журналистов, поэтому мне дали номер офицера по контактам с семьей, чтобы позвонить, когда я приеду. Она выйдет и встретит меня. Я оглянулась на дом – его окна потемнели от задернутых штор. От мысли, что они сидят внутри, поглощенные несчастьем, случившимся из-за меня, мне захотелось вновь запустить двигатель, развернуться и уехать прочь. Но я не могла позволить себе такой роскоши. Проглотив комок, застрявший в горле, я набрала номер и сообщила ответившей женщине, Ангеле, что я здесь.

Убийственная духота висела в воздухе их гостиной. Но всё равно по моей спине бежали мурашки, когда я вошла в эту маленькую комнатку, словно в ящик с давящими стенами. «Тесно, как в могиле», – сказал бы о ней Том.

Их офицер по контактам с семьей, Ангела, провела меня к остававшемуся свободному месту – креслу в углу комнаты, напротив дивана. На диване, прижавшись друг к другу, сидели Гарриет и Брайан. Брайан держал руку жены у себя на коленях, надежно прикрывая ее

ладонями. Его пальцы играли, вжимаясь в ее руку, растопыриваясь и вновь сдвигаясь, словно у нервничающего подростка.

Когда я нетвердой походкой пересекла комнату и неловко уселась в кресло, глаза Брайана следили за мной. Его тело прикрывало Гарриет, как оборонительная стена, защищающая и ограждающая ее от меня. Внутри этой крепости Гарриет казалась мертвенно неподвижной. Она неотрывно смотрела в окно остекленевшим взглядом и не решалась взглянуть на меня.

Молчание было ледяным, как и общая атмосфера в комнате, пока Ангела не нарушила его.

– Могу я предложить вам чашечку чая, миссис Рейнолдс? – спросила она.

Я покачала головой.

– Нет, спасибо. – Мой голос был лишь ненамного сильнее, чем шепот. Я старалась не смотреть на Брайана, только на Гарриет, но она не отводила глаз от окна.

– Может быть, вам стоит рассказать Гарриет и Брайану, что произошло, – тихо произнесла Ангела. – Что случилось, когда Алиса отправилась в «Джунгли».

Я кивнула. Я чувствовала, как напряглись Гарриет и Брайан, а мои собственные мышцы заныли от неудобной позы в кресле. Я понятия не имела, как начать.

– Я, эм-м... – Я осеклась и громко сглотнула, вдохнув большую порцию воздуха, с шипением втянув его сквозь зубы. – Простите меня, – выговорила я. – Я знаю, всё, что я скажу, – ничего не значит... – Я снова сделала паузу. Брайан продолжал взглядом сверлить во мне дыру, будто пытаюсь разглядеть правду под моей кожей, но Гарриет по-прежнему на меня не смотрела.

Подол платья промок подо мной от липкого пота. Я заерзала на кожаном кресле, заставив его скрипнуть под влажностью бедер, но едва ли мое покрасневшее лицо могло выразить еще большее смущение.

– Простите меня... – снова начала я.

– Простите, что не вернула вашу дочь, – перебил Брайан спокойным, сдержанным голосом. – Но мы не хотим слушать твоих извинений. Мы желаем знать, что произошло сегодня. Как ты потеряла Алису. – Его пальцы продолжали разжиматься и вновь сжиматься вокруг руки Гарриет. Гарриет глубоко вздохнула.

Брайан наклонился вперед, перенес вес своего тела на край дивана. Теперь я могла яснее видеть его глаза – красные прожилки тянулись из уголков. Он, должно быть, плакал, но теперь они просто придавали ему

злой вид.

– Что случилось? – рявкнул вдруг он. – Потому что нам нужно знать, как ты потеряла нашу дочь.

У меня перехватило дыхание.

– Мне очень жаль, Брайан. Я не знаю, что случилось.

– Ты не знаешь? – Он издал короткий смешок, и одна его рука взметнулась в воздух, что заставило Гарриет подпрыгнуть. Брайан придвинулся к ней поближе, плотнее укутывая в объятиях, и хотя я чувствовала ужасную вину перед ним, я хотела, чтобы он куда-нибудь ушел, чтобы я могла поговорить со своей подругой.

– Я не это имела в виду, – сказала я. – Просто всё произошло очень быстро. В какую-то долю секунды. Алиса пошла к задней части надувнушки с Молли и Джеком, но потом она не... – Слова застряли у меня в горле, и я снова тяжело вздохнула. – Она оттуда не вышла. И как только я это поняла – я сама отправилась на ее поиски. Остальные дети пошли со мной, но... – я покачала головой, – ее там не было.

Я понимала, что это прозвучало слишком резко, и мои объяснения неловко повисли в воздухе, пока я ожидала реакции Брайана.

Но заговорила Гарриет. Ее голос ворвался в комнату неожиданно, как что-то неуместное здесь и сейчас.

– Как долго ее не было, прежде чем ты заметила?

Она продолжала смотреть в окно. Это был вопрос, которого я ожидала.

– Думаю, около пяти минут, – тихо ответила я, желая, чтобы она взглянула на меня через плечо мужа. Я сдвинулась в кресле на дюйм вперед, и скрипучая кожа издала еще один неприятный звук. Моя рука вздрогнула, как будто я хотела дотянуться до Гарриет, но та почти инстинктивно забралась глубже на диван.

Наконец она повернула голову, и мы встретились глазами.

– Пять минут – кажется, не очень долго, – сказала Гарриет. – Она не могла уйти далеко за пять минут.

– Ну, может, это было немного дольше. Я не уверена точно, но это было недолго, клянусь тебе.

Гарриет снова отвернулась, уставившись в окно.

– Я не знаю, куда она пошла, прости, – произнесла я. – Мы искали везде, и...

– А что именно ты делала? – На контрасте с мягкостью голоса Гарриет, голос Брайана казался невероятно мощным. – Когда она пропала, что ты на самом деле делала, из-за чего не следила за моей дочерью?

– Я ждала их с передней стороны.

– Но я хочу знать, что ты делала, – настаивал он. – Потому что это не то, что тебе следовало делать.

– Я была с Эви, – сказала я. – Я просто ждала.

– Ты копалась в телефоне? – Он повысил голос, звучащий теперь, как лай. – Ты отвлеклась?

– Я... э-э, ну... я посмотрела на свой телефон, но только на мгновение. Я ведь всё-таки присматривала за детьми, и... – Я остановилась. Конечно, я не следила за детьми, иначе никого из нас сейчас здесь бы не было. Алиса спала бы в своей кровати наверху.

– Но ты не караулила ее, верно? – Слова Брайана ощущались так, словно он кричал на меня, но на самом деле это было не так. Он был напряжен, но тихо шипел сквозь зубы. Он придвинулся вперед, наклонившись с дивана. Его лицо теперь было всего в нескольких дюймах от моего, и, как бы я ни хотела отшатнуться, я не могла пошевелиться.

– И ты не видела ничего, – продолжил он, и всё что я могла сделать, – это снова качать головой, пока слезы не полились из моих глаз и не поползли по щекам. Его взгляд зацепился за эти тонкие струйки, и я наскоро смахнула их тыльной стороной ладони. Он, казалось, собирался что-то сказать на эту тему, и тут из-за его спины донесся робкий голос Гарриет:

– Как ей там было?

Брайан молча втянул воздух своими раздувшимися ноздрями.

– Прости, ты о чем? – Я отклонилась в сторону, чтобы взглянуть на нее через Брайана.

– Как там было Алисе? Ей понравилось?

– О, да, она была совершенно счастлива. – Я попыталась изобразить слабую улыбку. Я понимала, что Брайан имеет полное право находиться здесь, но как бы мне хотелось взять Гарриет за руку и поговорить с ней наедине. Только она и я. – Она находилась вместе с Молли, – добавила я. – И выглядела абсолютно довольной. Она ни из-за чего не расстраивалась.

– Что она ела? – спросила Гарриет.

Брайан обернулся и посмотрел на нее.

– Что она ела? – переспросил он.

– Да, – тихо сказала она, встретившись с ним глазами. – Я хочу знать, что Алиса ела на празднике. Пока она... – Гарриет не договорила.

– У нее была сахарная вата, – ответила я быстро. Слезы продолжали бежать по моему лицу. Я перестала их вытирать, вспомнив, как аккуратно Алиса отщипывала сладкую паутину.

– Ох! – Гарриет вскинула руку ко рту. – Она никогда раньше не ела

сахарную вату.

У меня упало сердце. Глаза Гарриет были широко открыты и мокры от слез. Я хотела сказать ей, что Алиса наслаждалась этой ватой, что ей понравилось. Я была уверена, что Гарриет хотелось бы это знать, но Брайан снова вмешался.

– Ты имеешь в виду, что ты не успела накормить ее нормальным обедом, – выпалил он. Однако тут его прервал жуткий вопль, мучительно долгий, заполнивший комнату страданием.

Это кричала Гарриет, резко нагнувшись вперед и крепко обхватив свою голову ладонями.

– Я не могу больше это выносить! Уходи отсюда, Шарлотта! Мне нужно, чтобы ты ушла. Пожалуйста, просто убирайся прочь из этого дома!

Брайан сразу же обхватил ее раскачивающееся тело руками, шепча слова, которые я не могла услышать.

– Пожалуйста, Шарлотта, просто уйди! – всхлипнула она.

Я встала, мои ноги дрожали. Я тоже не могла это больше выносить.

В дверях Ангела протянула мне руку и посторонилась. В оцепенении я к ней приблизилась.

– Мне так жаль, – прошептала я. Слезы катились по моим щекам.

– Только не говори мне опять о своих сожалениях, – процедил Брайан над головой жены. Его щеки были в огненно-красных пятнах. – Теперь ты можешь вернуться к своим детям. Тебе удалось доставить их домой в сохранности.

– Я думаю, вам лучше уйти, – сказала Ангела, взяв меня под руку и провожая в коридор.

– Я сделаю всё, что смогу, – всхлипнула я. – Я сделаю всё возможное, чтобы вернуть Алису. Вы можете им это сказать? Я сделаю всё, что угодно.

Сейчас

– И вы ничего не слышали от Гарриет с того вечера? – спрашивает детектив Роулингс. – С тех пор, как приходили к ним домой?

– Совершенно верно.

– До сегодняшнего утра, – уточняет она. – Тринадцать дней спустя.

– Ничего. – Мне становится труднее дышать. – Пока она не позвонила мне сегодня.

Я чувствую, как пол будто уходит из-под ног, а воздух становится тяжелее. Я ожидаю, что детектив расспросит меня подробнее о звонке, но она этого не делает, и я понимаю, что нет смысла пытаться предугадать ее вопросы.

– Вы сказали, что хотели бы поговорить с Гарриет наедине. Почему?
Я меняю позу на жестком пластмассовом стуле.

– Наверно, потому, что Гарриет моя подруга, а Брайана я в общем-то не знаю. Я хотела поговорить с Гарриет и... – Я прерываюсь и откидываюсь на спинку стула, глядя на часы. Их ярко-красные цифры расплываются перед глазами. – Я хотела сказать ей с глазу на глаз, как ужасно себя чувствую, – в конце концов признаюсь я. – Я надеялась, что если смогу поговорить с Гарриет только вдвоем – она и я, как раньше, – тогда сумею дать ей понять, что не делала ничего плохого, как это предполагал Брайан. Да, я выпустила детей из поля зрения, и больше всего на свете я хочу, чтобы этого не случилось, но я всё равно была там, в нескольких метрах, и Алиса действительно просто исчезла. Я хотела, чтобы Гарриет поняла, что я присматривала за ней, как и обещала, только... – Слезы жгут мне глаза. – Только я всё равно знала, что это не так.

Детектив Роулингс в замешательстве смотрит на меня.

– Если бы я следила за ней как следует, Алиса бы не исчезла, – поясняю я. – Но я также знаю, что не делала ничего, чего не делали бы другие родители. Все поступили бы схожим образом. Меня уже обвиняют в этом. Люди говорят, что я безответственная. – Я вытираю глаза тыльной стороной ладони.

– Кто вас обвиняет? – спрашивает детектив Роулингс, ловко вытаскивая из коробки бумажный платок и протягивая его через стол. Я беру его и промокаю глаза, зажав платок в руке.

– Друзья. Незнакомцы. Кто угодно стремится выпрыгнуть на подмости и выступить, не так ли? Они думают, что это их право – комментировать то, какая я мать, даже если они никогда не слышали обо мне раньше.

– Сила Интернета, – заявляет Роулингс.

– И те люди, о которых я думала, что они мои друзья, – это те, чья реакция жалит больше всего. В дни после праздника их молчание оказалось оглушительным.

– С реакцией Гарриет, наверно, тоже было трудно справиться? – спрашивает детектив, резко поворачивая разговор, как будто я не имею права жалеть себя. – Ее молчание, должно быть, заставляло вас интересоваться, о чем она думает?

– Так и было. Я хотела бы, чтобы Гарриет накричала на меня и сказала, что ненавидит меня, но она так не сделала, и от этого стало еще хуже. Гарриет отказалась меня видеть. – Я смотрю детективу Роулингс в глаза. – И это оказалось намного сложнее, – признаю я. – Я видела, как она

убивается у себя в гостиной, и я ничего не могла сделать, чтобы как-то ей помочь.

Слезы стекают по моему лицу, и чем больше я их вытираю, тем сильнее они бегут.

– Но Брайан был более прямолинеен? – говорит детектив. – Вы ожидали от него такой реакции?

– Я не знала, чего ожидать. Я виделась с ним не так уж много раз, и гораздо меньше в последние годы. – Я подозревала, что Гарриет считала неуместным приводить Брайана с собой после того, как мы расстались с Томом, хотя я и пыталась заверить ее, что ему здесь всегда рады.

– Итак, даже несмотря на то, что вы стали такими хорошими подругами с Гарриет, вы никогда толком не знали ее мужа? – спрашивает детектив Роулингс, наклоняясь вперед на своем стуле. Ее глаза по-прежнему спокойны, когда она смотрит на меня.

– Нет. Наша с Гарриет дружба не касалась ни его, ни моего бывшего мужа, когда мы с ним еще были вместе.

– Это необычно. – Она продолжает смотреть мне прямо в глаза, положив руки на стол перед собой. – Вам так не кажется?

Я открываю рот, чтобы ответить – нет, не кажется, но вместо этого говорю:

– Теперь, пожалуйста, не могли бы мы сделать перерыв? Я бы хотела воспользоваться туалетом.

– Да, конечно. – Детектив Роулингс отодвигает свой стул и жестом указывает на дверь. – И угощайтесь чаем или кофе, – добавляет она, и на мгновение я признательна ей за доброжелательность. Однако когда я выхожу из комнаты, то понимаю, что на самом деле она мило болтает со мной только потому, что еще многое хочет узнать.

Некоторое время назад

Гарриет

В ту первую ночь Гарриет не спала, а если и задремала, то лишь за несколько минут и почти сразу проснулась, вся мокрая от пота и взволнованная от видений, которые не могла вытряхнуть из головы.

Она лежала поверх покрывала на протяжении всех этих бесконечных часов темноты, уставившись в потолок, постоянно думая о пустой комнате

Алисы рядом. Не прошло еще ни одной ночи, чтобы она не уложила свою дочь в постель, не поцеловала ее на сон грядущий, не прокралась проведать, перед тем как самой лечь спать. Неудивительно, что теперь она не могла заснуть.

Ранее вечером, пока Брайан был всё еще внизу, Ангела подходила к спальне Гарриет, предлагая позвонить врачу, чтобы узнать, может ли он привезти снотворное. Гарриет энергично помотала головой. Нет, она определенно не хотела таблеток. Она предпочла бы не спать всю ночь, мучая себя, чем пребывать в отключке, за много миль от реальности.

– Спасибо вам, что задержались так допоздна, – сказала она Ангеле, благодарная за то, что та всё еще здесь.

– Право, не стоит, – отмахнулась Ангела. «В конце концов, это ее работа», – с грустью подумала Гарриет, но всё равно ей было спокойней от присутствия Ангелы в доме. Офицер отвлекла ее мысли от Брайана, вышагивающего туда-сюда по половицам этажом ниже.

– Я обещала Алисе, что всегда буду защищать ее, – тихо произнесла Гарриет. – Но выходит, что у меня не получилось?

Ангела наклонилась и коснулась ее руки.

– Старайтесь не думать об этом, Гарриет. Здесь нет вашей вины.

Гарриет интересовало, скажет ли Ангела то же самое и Брайану, потому что она чувствовала – муж винит ее за то, что она оставила Алису с Шарлоттой. Он знал, что уж Гарриет никогда не выпустила бы Алису из виду.

Были ли ее тревоги об Алисе врожденными, инстинктивными? Она задумалась. Стала бы она, Гарриет, другим типом матери, если бы отец по-прежнему был с ними, смягчая способы воспитания ее собственной мамы? Только ли уроки ее матери повлияли на то, что она превратилась в такой же удивительный пример гиперопеки?

– Мне чудится лицо Алисы. – Слезы ползли вниз по щекам Гарриет, неприятно сливаясь в ручей в изгибе шеи, но она не сделала ни одного движения, чтобы стереть их.

– Чувство вины – очень разрушительная вещь, – сказала Ангела. – Вы не должны позволять ему захватить вас. Вы не можете изменить того, что произошло. Никто не в силах предвидеть такого.

Такого – как пропажа моей дочери, подумала Гарриет. Вне зависимости от слов Ангелы чувство вины будет продолжать зарываться глубоко ей под кожу и зудеть там до тех пор, пока однажды она не сойдет с ума. Она была уверена в этом.

Но когда Гарриет пыталась не думать об Алисе, нежелательные мысли

о Шарлотте заполняли ее голову. Шарлотта в своей теплой, большой кровати, в уютной спальне со стенами цвета морской волны и маленькими пуховыми подушечками, аккуратно выстроенными в линию вдоль больших подушек. Гарриет подумала – как чувствует себя Шарлотта, зная, что ее собственные дети благополучно спят в соседних комнатах? Получает ли она от этого утешение, даже если сама не признает?

Подруги Шарлотты сплотятся вокруг нее. Они выстроятся возле ее дома с теплыми запеканками в жаропрочных кастрюлях и контейнерами с домашними кексами. Это не новость, что у Шарлотты так много подруг, но теперь ров между ними станет еще шире. То, что Гарриет не получила ни одного звонка от какой-либо обеспокоенной подруги, служило тому доказательством. Ангела, должно быть, заметила, что в ее жизни больше никого нет.

Ее интересовало, что Ангела думает о Шарлотте. Чувствовала ли офицер к ней жалость? Гарриет знала, что слезы Шарлотты – настоящие, но не могла на них смотреть. Если бы она взглянула Шарлотте в глаза, то увидела бы ее боль и не смогла бы вынести еще и это.

– Шарлотта чувствует себя виноватой, – прошептала Гарриет Ангеле. – И я не могу сказать ей, что это не так.

– Конечно, не можете, никто и не ожидает от вас этого.

– Думаете, она не следила за детьми должным образом?

– Я уверена, что следила, – ответила Ангела. – Но она не могла ожидать, что случится что-то настолько ужасное.

Гарриет перевернулась на кровати лицом вниз. Она не желала думать о том, что Шарлотта могла не присматривать за ее дочерью, но всё это на самом деле было уже несущественно. Ничего не имело значения, кроме того, чтобы Алиса осталась невредимой.

– Брайан говорил что-то ранее, – вспомнила Ангела. – Что-то насчет того, что это не первый ребенок, которого она потеряла.

Гарриет глубоко вздохнула и помотала головой, уткнувшись в подушку.

– Тот случай не имеет ничего общего с этим, – сказала она. И вопреки всему, что чувствовала, Гарриет всё еще стыдилась, что предала Шарлотту, рассказав об этом Брайану. Как бы она желала не слушать Брайана о необходимости прихода Шарлотты к ним в дом. Это была не очень хорошая идея, на которой он настоял. Если он сделает это снова, ей придется отказаться. Она никак не могла заставить себя увидеться или поговорить с Шарлоттой.

Ангела в конце концов ушла, и Брайан, войдя в спальню, обнаружил

Гарриет лежащей в полумраке. Единственный свет, который просачивался в комнату, проникая через небольшие щели в шторах, был от луны. Гарриет сейчас предпочитала именно такой. Внезапно резкий белый свет затопил комнату, хлынув из потолочной лампы, когда Брайан щелкнул выключателем и повалился на край кровати.

Никто из них ничего не говорил, пока Брайан снова не поднялся и не подошел к окну, выглянув сквозь решетчатые жалюзи вниз на улицу.

– Журналисты всё еще снаружи, – сказал он. – Неужели я ничего не могу сделать, чтобы избавиться от них?

Гарриет не ответила.

– Парочка из них ошивается прямо за нашей стеной. Какого черта они собираются делать? Думают, их топтание что-то даст? Ангела говорила им, что нам нечего сказать. Они просто хотят поглазеть на нас, как будто мы животные.

Гарриет зарылась глубже в одеяла, надеясь, что он либо выключит свет и ляжет в постель, либо, что еще лучше, спустится обратно вниз. Она не хотела разговаривать.

Брайан оставался возле окна еще некоторое время, а затем отпустил планки жалюзи, проведя рукой по своим дико всклокоченным сейчас волосам. Потом он вышел из спальни, оставив свет включенным, и зашел в ванную. Каждый производимый им звук резким эхом доносился сквозь стены. Гарриет прикрыла уши руками, но всё равно слышала, как он мочится в унитаз, как унитаз смывается, как поворачиваются краны и вода под напором сильно бьет в умывальник.

– Почему ты не рассказала мне о курсах? – Брайан снова появился в дверях.

Гарриет затаила дыхание до тех пор, пока ей не начало жечь горло. Она не желала об этом говорить.

– Я думала, что сказала.

– Ты определенно не говорила. Я бы запомнил что-то подобное. Почему ты выбрала именно бухгалтерские курсы?

– Чтобы я могла чем-нибудь заниматься, когда Алиса пойдет в школу. – Если бы он продолжил спрашивать, зачем, то Гарриет бы сказала, что знает, как им распорядиться деньгами. Она видела красные счета, спрятанные им в прикроватном ящике в надежде, что она не наткнется на них.

– Шарлотта подговорила тебя на это? Сказала, что тебе нужно зарабатывать какие-то дополнительные деньги?

– Нет. Шарлотта никогда...

– Это потому, что она карьеристка?

– Она работает всего два дня в неделю.

– Но это всё равно неполноценная мать, – заявил он. – А ты знаешь, что хочешь быть таковой, любовь моя. Шарлотта пытается делать и то и другое и быть хорошей во всем, а ты понимаешь, что это невозможно, – Брайан повысил голос. – Господи, теперь мы оба это знаем, не так ли? – выкрикнул он.

– Брайан, – взмолилась Гарриет. – Прекрати, пожалуйста. – Ей не было до этого дела. Не сейчас. Не сегодня. Неужели он этого не понимает? – Курсы не имеют никакого отношения к Шарлотте.

– Я беспокоюсь, – сказал он ровнее. – Что это снова происходит, Гарриет. Ты... ты доверяешь людям слишком легко.

– Я не доверяю, Брайан... – произнесла она почти шепотом.

– Просто пообещай мне, что забудешь об этой идее с бухгалтерией, – он опустился на кровать рядом с ней. – Ты должна знать, как меня тревожит, что ты даже только подумываешь об этом.

– Я забуду о ней, – отозвалась она. В любом случае, бухгалтерия ей не нравилась. И Гарриет никогда не думала, что это на самом деле возможно.

– Я забочусь о тебе, – сказал он, придвигаясь поближе к жене. – Ты ведь знаешь это, не так ли? Ты знаешь, что я думаю только о тебе. После того, что случилось раньше, – ну, я просто волнуюсь, что мы снова пойдем по этому пути.

Гарриет вздохнула. Сколько можно говорить об одном и том же?

– Ненавижу спрашивать, – продолжил он, глядя на нее с тревогой. – Но ты принимаешь свои лекарства в последнее время?

Гарриет приподнялась и уставилась на мужа.

– Ох, Гарриет. – Брайан закрыл глаза и сделал глубокий вдох, тщательно стараясь выдохнуть бесшумно. – Твои лекарства. Таблетки, которые доктор дал тебе две недели назад. У меня ужасное чувство, что ты прекратила их принимать. Пожалуйста, скажи мне, что нет.

– Брайан, я не понимаю, о чем ты говоришь. У меня нет никаких лекарств.

– Хорошо, хорошо, – произнес он невозмутимо, отпустив ее руки и вскинув свои перед собой, будто желая избежать драки. – Не беспокойся об этом сейчас. Я уверен, что это не важно.

– Конечно, это не важно, – сказала Гарриет. – Потому что здесь нет никаких лекарств, которые мне нужно принимать.

Брайан терпеливо улыбнулся.

– Мы не должны думать об этом сегодня. Всё это просто взволновало меня – твоя уверенность, что ты рассказывала о своих планах, хотя ты явно

этого не делала. Но, как ты говоришь, это сейчас несущественно, по сравнению с тем, что произошло. – Он встал и одернул свою рубашку. – Тебе нужно поспать. – И он вышел из комнаты, оставив свет включенным, и спустился по лестнице прежде, чем Гарриет успела что-то сказать.

Шарлотта

Я почти не сомкнула глаз этой ночью и, провалившись наконец в запутанный клубок снов, почти сразу проснулась в шесть утра воскресенья от пронзительного крика.

Я вскочила с кровати и бросилась к Молли в комнату, где накануне вечером Том постелил на пол матрасы, чтобы на них могли спать Джек и Эви.

Когда я вернулась домой от Гарриет и увидела своих спящих детей, мое сердце переполнилось любовью и горем.

– Спасибо, Том, – прошептала я.

– За что?

– Не знаю, просто за то, что ты здесь. Присматриваешь за ними.

– Конечно, а как иначе, я здесь ради вас всех, – отозвался Том. – Они непременно хотели спать все вместе. Эви призналась, что ей страшно, а я обнаружил Джека, топчущегося на лестничной площадке и не знающего, что с собой делать, поэтому сказал ему идти с девочками. Кстати, ему не помешала бы новая пижама. Та, в которой он сейчас, ему уже по колено.

В этот раз я не ответила ему в своей обычной манере. То, что Том считал пижаму приоритетом сейчас, было выше моего понимания, но я убедила себя отпустить ситуацию.

Эви всё еще кричала, когда я забралась к ней на матрас и обняла ее. Это стало моим первым воскресным делом.

– Что случилось, Эви? – прошептала я. – Мамочка здесь, что случилось? Тебе приснился неприятный сон?

– За мной приходил плохой человек, – всхлипнула она. – Мне было страшно.

– Шшш. Здесь нет плохого человека, – сказала я, хотя к тому времени была уверена, что он находился в нескольких метрах от моих детей там, на празднике.

– Что случилось с Алисой? – спросила Эви.

Я приложила палец к губам и показала на ее спящих брата и сестру.

Молли зашевелилась и перевернулась, но не проснулась^[4].

– Не знаю, милая, но полицейские делают всё возможное, чтобы вернуть ее домой.

– Она вернется сегодня?

– Я не знаю, моя дорогая. Я не знаю. Надеюсь на это.

– Ее кто-то похитил? – спросила она, серьезно глядя на меня широко раскрытыми глазами. Я яростно боролась со слезами. Как бы я хотела заверить ее, что наш Чидденфорд по-прежнему безопасное место для жизни и ей не о чем волноваться, что ее сон был просто кошмаром, о котором она сможет забыть к концу завтрака.

– Я не знаю, что произошло, но обещаю вам, – я набрала полную грудь воздуха, и он словно обжег меня изнутри, когда заполнил легкие, – я обещаю, что не позволю чему-то плохому с вами случиться.

У меня не было права давать такие обещания, но я знала, что больше не оторву глаз от своих детей. Я никогда не позволю им бегать среди деревьев, где не смогу их видеть, или играть в прятки в песчаных дюнах, где трава настолько высока, что скрывает их. Я никогда не смогу верить, что никто не спрячется рядом, затаив дыхание, готовясь похитить моих детей.

Позднее этим же утром я разговаривала с инспектором Хейзом, который сказал то, чего я боялась, – что новостей пока нет. Я представила, как он и его команда стоят вокруг белой полицейской доски, на которой фломастерами написаны возможные действия, подозреваемые, обведенные кружочком, и всё такое прочее, и потирают подбородки, поглядывая друг на друга в надежде отыскать нечто, что они сперва упустили.

Конечно, ребенок не мог пропасть так, чтобы никто ничего не видел. Кто-то да должен был что-то рассказать. Я размышляла, знают ли они больше, чем говорят мне. По крайней мере, я подозревала их в этом. Должны же быть статистические данные о таких преступлениях, вероятности, чтобы определить, что, скорее всего, произошло. Они думают, что Алиса уже мертва?

Но инспектор сообщил, что до сих пор нет никаких зацепок и он даже не может меня успокоить, сказав, что они как-то продвинулись в ее поисках.

Накануне Одри терпеливо слушала, как я снова и снова пережевывала отрезок времени между моментом, когда в последний раз видела Алису, и осознанием, что ее там нет. Я надеялась, что, проанализировав это достаточное количество раз, я что-то вспомню. Если Одри, придя домой, и сказала мужу, что больше не в силах это выслушивать, то мне она виду не

подала.

Карен и Гейл позвонили, чтобы узнать, могут ли они что-то для меня сделать. Многие подруги отправляли сообщения с поддержкой, некоторые спрашивали – есть ли новости, и даже те мамы одноклассников Молли и Джека, которых я едва знала, нашли способы сообщить, как они сопереживают мне из-за случившегося.

Как бы я ни нуждалась в их поддержке и ни испытывала первоначальное облегчение оттого, что они меня не осуждают, я начинала жалеть, что приходится пересказывать эту историю каждый раз от начала до конца, чтобы утолить их любопытство подробностями из первых рук. Каждый раз, когда я закрывала дверь или вешала трубку, у меня возникло ощущение, что кто-то забрал очередной кусочек меня.

Ко мне даже заглянула соседка. И сказала, переминаясь на пороге:

– Я просто не могу представить, что делала бы в такой ситуации.

Я старалась оставаться терпеливой, кивая вместе с ней.

– Всё же, я полагаю, вы должны быть благодарны, что это не ваш собственный ребенок.

Я не поверила своим ушам:

– Что?

– Я имею в виду – конечно, это ужасно, но потерять собственного ребенка – это разве не хуже?

– Нет, не хуже! – воскликнула я. – Что может быть хуже того, что случилось?

– О, нет, я не хотела сказать, что это не ужасно, – испугалась она. – Я просто подумала, что, если бы это был один из ваших, тогда... – Она замолчала, глядя за мое плечо с безумным видом. – Вам всё равно, где ваши детки?

– Спасибо, что приходили, – произнесла я. – Но мне действительно необходимо вернуться к делам.

Я закрыла перед соседкой дверь и прижалась к ней спиной, зажмурив глаза и неслышно крича. О Господи, я сказала ей за это «спасибо»! Что сломалось во мне? Неужели я так боюсь оттолкнуть людей, что позволяю им вываливать на меня свои нежелательные мысли? Я боюсь того, что они обо мне скажут, если я не позволю?

Одри подошла к дому как раз в момент нашего нормального временного беспорядка, когда я готовила завтрак. И, открыв ей дверь, я поняла, как это, наверно, выглядит со стороны.

– О, Од... – Я растерялась. – Извини, мы просто пытались приготовить

что-то вроде завтрака, а дети... ну, ты знаешь, каково это. – Я посторонилась, впуская ее и любуясь видом на свой коридор. Молли сидела и плакала у подножия лестницы, а Эви торчала в дверях кухни со свисающим из руки мокрым ночным подгузником. Телевизор орал из игровой комнаты – Джек прибавил громкость, чтобы заглушить своих сестер.

– Так и должно быть, – сказала она, обняла меня и аккуратно сложила свой кардиган на столе в коридоре. – Надо мне было привести мальчиков, чтобы посидели с Джеком. В любом случае тебе не нужно нарушать привычное течение их жизни.

– Я знаю, но...

Одри прервала меня, вскинув руку:

– Я приготовлю кофе нам обеим, пока ты разбираешься со всем этим.

Я улыбнулась с благодарностью:

– Я освобожусь через минуту. Ну, Молли, что за обиды? – спросила я, присев рядом с дочерью на нижней ступеньке.

– Эви пнула меня! – всхлипнула она.

– Эви! Это правда?

– Ты забыла это, – сказала Эви, швыряя мокрый подгузник через коридор.

– Господи, Эви, подойди и подними это. Пожалуйста.

– Могу я позавтракать?

– Я сказала, подойди и подними его, Эви! – Я указала на подгузник, поднимаясь на ноги.

– Я хочу хрустящие подушечки, а не тосты.

– Эви! – крикнула я. – Просто делай, что тебе говорят! И подойди и скажи мне, зачем ты пнула Молли!

– Она пнула меня первой!

– Я этого не делала, мамочка, правда! – плакала Молли.

– О, Боже! – Я зажала уши руками. – Прекратите спорить! Что с вами обеими не так? Вы правда думаете, что ваши пустяковые ссоры сейчас важны?

Джек оглянулся с дивана в игровой комнате, а затем повернулся обратно к телевизору.

– А ты можешь убавить громкость, Джек? – крикнула я. – Я не слышу собственных мыслей!

– Зачем тебе это нужно? – спросила Молли.

– Что?

– Слышать собственные мысли.

Я схватилась за перила, сжимая их ладонью. Я знала, что должна засмеяться, но почему-то не могла.

– Не встречай, Молли.

Ее нижняя губа дрогнула, а затем она вскинула руки к лицу, театрально свернулась в комочек и зарыдала сильнее прежнего.

– Идем пить кофе, – предложила Одри, появляясь в дверях кухни. – Девочки, а почему бы вам не пойти посидеть с братом? Посмотреть телевизор? Я сегодня принесу вам завтрак туда.

– В самом деле?! – Глаза Эви засияли, когда она поскакала в игровую комнату, и Молли в конце концов развернулась из комочка и последовала за ней.

– Ты ела? – спросила Одри, когда мы прошли на кухню. Аромат кофе доносился из чашек. – Я приготовлю тебе тост, если нет, – добавила она, вставляя два ломтика хлеба в тостер.

Я покачала головой:

– Спасибо, я не голодна.

– Ты должна поесть.

– Поем попозже. – Я благодарно улыбнулась ей и поняла, как хорошо, что она снова здесь и взяла всё под контроль. Как же недоставало нам этого последнюю пару лет, как же мы отдалились друг от друга с тех пор, как Том и я расстались... Одри поддерживала меня на всем протяжении нашей с ним разлуки, но всегда ясно давала понять, что мы должны оставаться вместе ради детей, поэтому я перестала с ней секретничать. Так, как делала это с Гарриет.

Мы сидели на табуретках у кухонного островка и молчали. Она раздвинула двери в сад, и легкий ветерок задувал внутрь, а длинные полоски солнечного света сверкали на каменной плитке, как кинжалы.

– Расскажи мне побольше о прошлой ночи, – попросила Одри через некоторое время. Я позвонила ей сразу, как только ушел Том, но сообщила только краткие детали.

– Это было ужасно.

Она кивнула.

– Как они там?

Я вздохнула, вытянув перед собой руки и обхватив чашку кофе, которую Од придвинула ко мне.

– Брайан более или менее перехватил инициативу. Он один задавал все вопросы и злился.

– В самом деле? – спросила Одри, задержав ложку с сахаром над своей чашкой, когда взглянула на меня.

Я кивнула:

– Это напугало меня. Я знаю, глупо так говорить, учитывая, через что он проходит. Полагаю, я должна была этого ожидать.

– А Гарриет?

– Гарриет... – Я вздохнула, делая глоток кофе. – Ты что, положила сахар в мой?

– Я подумала, тебе сейчас жизнь подсластить не помешает.

Я поморщилась, но всё равно сделала еще глоток.

– Гарриет, совершенно очевидно, не хотела меня видеть.

– Я думала, она просила тебя прийти, – сказала Одри.

– Просила. Детектив подчеркнул в разговоре со мной, что она передумала и хочет, чтобы я пришла. Я не знаю, может, Гарриет снова передумала, а возможно, просто увидеть меня оказалось слишком тяжело для нее. Что бы это ни было, она не могла на меня смотреть. – Я вздрогнула от воспоминаний, всё еще свежих, полоснувших мне ножом по сердцу так, как если бы это происходило сейчас.

Одри порывисто вздохнула.

– Что с тобой? – спросила я.

– Я просто не могу представить себя на ее месте, – тихо ответила Одри. – Она впервые оставила с кем-то свою девочку, и тут же случилось невыносимое.

– Я знаю. И я всегда убеждала ее оставить со мной Алису. Вот что делает всё намного хуже.

– Она теперь, наверно, думает, что не зря всё время была таким чертовым параноиком.

– Од, она не параноик!

– О, именно параноик. Несчастливая женщина, измученная тревогами. Я начинала нервничать просто от разговора с ней.

– Она никогда не была настолько плоха, – вздохнула я. – Ты просто не знала ее, не хотела знать.

Я чувствовала, как Од пристально смотрит на меня, но не могла заставить себя взглянуть на нее в ответ.

– Я никогда не была ненавистницей Гарриет, – сказала она. – Ты знаешь это. Мне просто интересно, почему вы с ней так сблизились. Она очень отличается от нас.

Мне не хотелось сейчас в это вдаваться – как Гарриет искренне желала того, что было бы хорошо для меня, и как я могла рассказать ей о чем угодно. Как она никогда меня не осуждала. Но прямо сейчас я нуждалась в Одри и была благодарна ей за то, что она здесь.

– Гарриет, вероятно, сама этого не знает, но она захочет увидеть тебя снова.

– Нет. – Я коротко рассмеялась и покачала головой. – Я последний человек, который ей нужен, и я не могу винить ее в этом.

– Шарлотта. – Одри наклонилась через столешницу. – Ты не должна отказываться от попытки. Скажи мне честно, кто еще, по-твоему, поможет ей пройти через это?

Я оперлась на руки подбородком:

– Брайан? Видишь, как сильно он пытается защитить ее.

– Подруга потребуется ей так же, как и муж.

– Я знаю! – воскликнула я. – Неужели ты не видишь – я понимаю, что я ее единственная подруга. И это делает всё намного хуже. Чувство вины, которое я испытываю, потому что Гарриет оставила Алису со мной... – Я всхлипнула, прижимая руку к сердцу. – Со мной! – повторила я, сжав руку в кулак и сильно ударив себя в грудь. – Она никогда ни с кем не хотела оставлять ее раньше, ты права, но я всегда уговаривала так поступить. И я знаю, что у Гарриет больше никого нет, Од, но что я могу поделать, если теперь я для нее в первую очередь человек, который сотворил с ней такое?

– Ох, Шарлотта. – Одри обошла вокруг островка и приблизилась ко мне, обнимая меня. – Прости меня, прости. Возможно, ты права, и Брайан – это всё, что ей нужно, – добавила она, выпрямляясь.

Я запустила руки в волосы.

– Я понимаю, ты не веришь в это, но я действительно не представляю, что могу сделать, когда она не хочет видеть меня в своем доме. Гарриет не такая слабая, как ты думаешь, – сказала я, в то время как Одри потянулась за кофейником, чтобы снова наполнить чашки. Я прикрыла свою рукой и покачала головой.

– Я никогда не говорила – «слабая». «Хрупкая» – возможно.

– Я почувствовала себя хуже после посещения их дома.

– Я не удивлена.

– Не только потому, что меня так встретили. Когда я ехала домой, то ощутила безысходность. – Мой голос дрогнул от воспоминаний. – С одной стороны, они оба цеплялись за надежду и отчаянно ждали от меня чего-то, что ее бы поддержало. Но, с другой стороны, чувствовалось, что надежды там не осталось. Я вышла оттуда с ощущением, что худшее уже произошло.

– Это какая-то бессмыслица.

– Я знаю, что это не так. – Я вспомнила мрачную гнетущую атмосферу гостиной и ощущение, что ее стены сжимаются вокруг меня. – О Боже, Од! – Я уронила голову на руки. – Как всё это закончится?

– Алису найдут, – сказала Одри, глядя на меня над ободком своей чашки.

– Но что, если нет? – прошептала я.

– Ее найдут. – Одри была непреклонна, и я заставила себя поверить ей.

– Как отреагировал Том? – спросила Одри после того, как мы немного помолчали.

– Он... отреагировал, как Том, – ответила я пренебрежительно. – Хотя нет, это несправедливо. Он был очень хорош, просто не всегда всё делал правильно.

– Он старался, как лучше, – произнесла Одри, и я поняла, что мне нужно сменить тему.

– Я хочу, чтобы ты ответила честно. Ты оставила бы снова своих детей со мной?

– О, ради всего святого, прекрати!

– Мне нужно, чтобы ты сказала правду, – настаивала я.

Она закатила глаза:

– Ты же знаешь, что да.

Я промолчала, сделав глоток кофе.

– Шарлотта! – проговорила Одри твердым голосом. – Есть такие подруги, которым ты доверяешь своих детей, и такие, которым не доверяешь. Ты определенно из тех, кому я доверяю. И ты это знаешь.

Мы говорили однажды об этом на барбекю у Одри. Мы с ней обе были навеселе, когда Од кивнула на Кристен, свою соседку, которая никогда не опаздывала меньше, чем на четверть часа, забирая детей из школы.

«Я оставляла своих близнецов у нее на днях, – сказала Одри. – Когда я пришла за ними, ее старший, Бобби, был на стеклянной крыше теплицы. Они положили матрас на траву, и он прыгал на него. К счастью, мои двое оказались не такими глупыми. Или я просто пришла не в то время, – она засмеялась. – Я больше никогда в спешке не оставлю их с ней. Даже если я сломаю ногу, то сперва дождусь тебя, прежде чем поехать в больницу».

Сейчас Одри улыбнулась мне и сказала:

– Я всё равно сначала дождусь тебя, а потом уже поеду в больницу. Если это то, о чем ты думаешь.

– Спасибо, – пробормотала я, хотя и подумала – может, она такая одна.

Гарриет

В воскресенье утром Брайан и Гарриет в молчании сидели сзади в машине Ангелы, пока она везла их в отель, где им предстояло сделать публичное обращение. У Гарриет сводило желудок, когда они проезжали мимо знакомых ориентиров, размытых в тумане. Она бы не смогла никому рассказать, как они добрались до отеля, если бы ее спросили. Всё это казалось нереальным.

На парковке Гарриет взглянула в заднее окно и увидела, что отель был одной из тех типовых коробок, построенных на удалении от побережья, которые, кажется, всегда предпочитали заполнять бизнесмены, нежели отдыхающие.

Дверь оказалась открыта, и Гарриет вышла из машины, дрожа, хотя было совсем не холодно. Брайан взял ее под руку, с другой стороны подхватила Ангела, и они повели ее по бетонным ступеням в приемную.

Не было ничего привлекательного в оранжевых кирпичах или репродукциях картин, висевших за стойкой регистрации, и поток кондиционированного воздуха дул через весь конференц-зал, побольничному окрашенный в белый цвет, вызывая у нее желание накинуть что-нибудь потеплее.

Комната уже была наполнена людьми, болтающими между собой и не обращающими внимания на нее с Брайаном. Ангела кивнула на переднюю часть зала и сказала, что они будут сидеть за столом, возле которого были заранее размещены микрофоны и камеры.

Гарриет неподвижно застыла в дверях.

– Не думаю, что у меня получится, – прошептала она.

Она почувствовала, как Брайан придвинулся поближе, и ощутила свежий запах его одеколona.

– Мы можем сделать это вместе, – произнес он, не отрывая взгляда от передней части комнаты, и начал проходить вместе с ней мимо рядов. Люди замолкали, когда замечали их приближение.

Вспышка заставила Гарриет вздрогнуть, когда журналисты принялись фотографировать их даже прежде, чем они сели.

– Проходите и присаживайтесь здесь, – сказала ей Ангела, направляя к креслу.

– Вы будете рядом со мной? – спросила Гарриет.

Ангела покачала головой и жестом показала Брайану место справа от жены.

– Нет, будет инспектор Хейз, – ответила она и присела. – Всё пройдет хорошо, – тихо добавила она. – Просто помните, о чем мы говорили раньше.

Гарриет кивнула и взглянула на молодую сотрудницу полиции – офицера по связям со средствами массовой информации, которая приходила к ним в дом ранее этим утром. Кэрри сообщила Гарриет, что она здесь затем, чтобы консультировать их обоих насчет обращения, и уверенно развернула целый список, которому Гарриет не придавала особенного значения.

– Мы должны подобрать вам какую-то одежду, – сказала Кэрри, многозначительно глядя на Гарриет, которая в ответ махнула рукой в сторону гардероба. Керри могла выбрать что угодно, и она надела бы это, всё равно что. Однако теперь она чувствовала себя обнаженной в тонкой белой блузке, прилипающей к коже, и жалела, что проявила такую неопределенность, пытаясь отключиться от происходящего.

Ближайший час был чрезвычайно значимым. Гарриет хорошо понимала, как важно это обращение. В октябре прошлого года она сидела дома, смотрела программу с участием родителей Мэйсона и видела, как свежее горе его матери буквально сочится из каждой клетки ее тела. Но затем она слушала журналистов, которые разбирали по косточкам жесты родителей, выворачивали их наизнанку и строили предположения. Согласно мнению одного из веб-сайтов, отец мальчика выглядел недостаточно обеспокоенным. Его глаза блестели от страха, насколько видела Гарриет, но троллям не потребовалось много времени, чтобы назвать этот блеск агрессивным. Мать была поймана в кадр улыбавшейся своему другому ребенку, когда они покидали пресс-конференцию. Конечно же, это означало, что она не страдает от исчезновения сына, говорилось в одной газете.

Люди, которые не знали ничего о Мэйсоне или его семье, всё равно задавали вопросы: «Как вы думаете, это сделал один из них?» Как же страшно, что пресса в один миг может обернуться против тебя. Так что Гарриет точно знала, насколько важно их обращение для Алисы, но понимала оно также значит нечто гораздо большее, чем только поиск ее дочери.

Брайан ерзал рядом с ней, пока она оглядывала комнату. Журналисты снова принялись болтать между собой, ожидая, что кто-нибудь начнет. С задних рядов даже донесся взрыв смеха, прежде чем комната погрузилась в виноватую тишину.

Брайан продолжал извиваться в кресле, пытаясь устроиться поудобнее. Он широко раскинул руки на столе перед собой, как будто пытаясь заземлиться. Ночь без сна – и его обычная короткая щетина превратилась в неуклюжее начало бороды. Серые волосы возле его рта казались

белоснежными в фальшивом свете гостиничных ламп. Гарриет вскинула взгляд к его волосам, хохолком торчавшим на макушке, а затем посмотрела на глаза, на веки, отяжелевшие от ночных вышагиваний по дому. Несмотря ни на что, он всё еще без усилий выглядел красивым, подумала она. Публике должно это понравиться.

Гарриет взглянула на свою блузку – одна из пуговиц слегка натянулась там, где та была узковата. Она чувствовала, что потеет под лифчиком, врезающимся в ее тело, и боялась увидеть мокрую полосу у себя на груди. Каждый наблюдающий заметил бы разницу между ними. Брайан сказал ей, что она выглядит прекрасно, когда они все выходили из дома этим утром, но она знала, что это не так.

Люди увидят, что он в хорошей форме, однако Гарриет понятия не имела, что они разглядят в ее внешности.

Как Брайану удавалось выглядеть всё так же, как во время их первой встречи? Она услышала однажды, как Шарлотта говорила о нем с Одри. Ее подруга сказала, что находит Брайана красивым, но той красотой, которая ей быстро надоела бы, в то время как сама Гарриет думала, что он был просто стандартно привлекательным.

Вообще же Гарриет никак не ожидала, что встретит мужчину, за которого выйдет замуж одиннадцать месяцев спустя, – в книжном магазине в Эденбридже. И уж меньше всего – перебирающего книги на полке «Рыбалка». Но когда Брайан спросил ее, часто ли она рыбачит, Гарриет рассмеялась над его неуклюжим подходом и сразу же утонула в его больших карих глазах и нахальной улыбке.

После их первого свидания Брайан проводил ее домой, поддерживая под руку и плавно маневрируя вокруг нее, всякий раз прикрывая со стороны обочины. Он вызывал у нее чувство безопасности, и Гарриет поняла, что тосковала по мужчине, который заботился бы о ней. Брайан быстро заполнял дыру в ее жизни, которую оставил отец.

– Ты такая красивая, Гарриет, – сказал он под уличным фонарем возле ее квартиры. – Я хочу кричать с крыш о том, как мне повезло. – Брайан сделал вид, что прыгает на бетонную тумбу, однако она, смеясь, оттащила его, прежде чем он выставил бы себя дураком. Она никогда раньше не встречала никого, кто был бы настолько напорист.

Старший инспектор Хейз представился, когда толпа успокоилась. Брайан подергивал ногой рядом с Гарриет, задевая ее бедро, прижав свое пластиковое кресло к ее вплотную. Она никогда не видела его таким нервничающим.

Его липкая рука дотянулась до нее под столом, и Гарриет почувствовала влагу на своей ладони. Он взял ее руку и сжал в своей, вытащив и положив на стол. Она хотела вырвать руку и спрятать обратно на колени, подальше от взглядов, но не могла этого сделать на глазах у всех. «Вы видите, как мать от него отстраняется?» – сказали бы они.

Вместо этого Гарриет позволила ему крепко стискивать руку, чувствуя жар на своей коже, пока Брайан наконец не отпустил ее и не положил руки на стол ладонями вниз. Она почти ожидала увидеть лужу пота, вытекающую из-под них. Теперь инспектор Хейз представил всем Брайана. Пришло его время говорить; как они и условились ранее, он выступит первым.

«Я сделаю это, Гарриет, – твердо сказал он, насадив на вилку кусок бекона, который Ангела поджарила для них. Гарриет отодвинула подальше свою порцию. Даже от одного запаха ей становилось плохо. – Я буду говорить за нас обоих, так что тебе не придется беспокоиться об этом».

«На самом деле, было бы хорошо, если бы Гарриет выступила тоже», – осторожно заметила Кэрри.

«Нет, говорить буду я, – продолжал он настаивать. – Это то, о чем мы условились».

«Гарриет, вы как?» – спросила Ангела, бросив быстрый взгляд на Кэрри, которая, как успела заметить Гарриет, отрицательно качнула головой.

«Я не знаю, – честно ответила Гарриет. – Если смогу...»

«Я не думаю, что ты сможешь», – перебил Брайан.

Гарриет взглянула на Ангелу, которая выразительно подняла брови перед Кэрри. Никто из них не думает, что она способна? Брайан должен будет один обратиться к общественности?

«Я всё же считаю, что ей нужно что-то сказать», – пробормотала Кэрри.

Здесь и сейчас голос Брайана мощно прогремел в конференц-зале, заставив Гарриет вздрогнуть.

– Вчера днем наша прекрасная дочь, Алиса, пропала. – Он откашлялся, ослабляя свой галстук одной рукой. – Простите, – сказал он гораздо тише. – Это очень тяжело для меня. – Брайан взглянул на Хейза, который кивнул, чтобы он продолжал. – В один миг она веселилась на школьном празднике, а в следующий исчезла. – Его голос был намного спокойнее теперь, когда он продолжил речь, и Гарриет расслабилась, хоть и ненамного, до того мгновения, пока он снова не запнулся. – Гарриет, моя жена, она... э-э, ну, мы... – Брайан замешкался, опустил взгляд в стол, а затем снова посмотрел

на море лиц. – Мы умоляем любого, кто знает что-нибудь о том, что случилось, прийти и рассказать полиции. Что угодно. Пожалуйста. Потому что мы очень по ней тоскуем. – Его голос дрогнул, и он снова наклонил голову, покачивая ею из стороны в сторону. – Мы хотим, чтобы она вернулась. Мы хотим только вернуть нашу девочку.

Гарриет неотрывно смотрела на него, желая, чтобы он продолжал говорить. Однако он больше не мог. В горле у нее словно застрял ком размером с футбольный мяч, но она знала, что ей надо что-то сказать. Потому что ранее утром, как только Брайан покинул кухню, Кэрри упрасивала ее об этом. «Вам нужно выступить, – говорила она. – Это очень важно, чтобы они услышали и вас тоже. Как только Брайан закончит, вам надо будет сказать об Алисе. Невзирая на то, что он считает лучшим», – добавила она, стараясь это подчеркнуть.

Кэрри кивала ей с дальнего конца стола. Гарриет взглянула на Брайана, затем на толпу незнакомцев перед собой, которые пребывали в неловком молчании, несомненно думая – могут ли они уже задавать свои вопросы.

– Я хочу вернуть Алису, – произнесла Гарриет, повторяя слова мужа, раскаленной стрелой пронзившие ее тело. И почувствовала, как слезы бегут по ее лицу горячими ручейками.

Гарриет не понимала, откуда они вдруг взялись, но теперь они бурно текли, а ее тело напрягалось и вздрагивало от рыданий.

Брайан взглянул на нее в тревоге, и на мгновение они оба застыли. А потом он обнял ее за плечи и объяснил инспектору Хейзу, что они больше не могут ничего сказать.

– Теперь мы открыты для вопросов, – объявил Хейз. И в суматохе рук, взлетающих в воздух, давящее внимание к ним ослабло и объятия Брайана стали более мягкими.

Высокий мужчина в первом ряду встал и представился, а затем задал детективу вопрос, которого им сказали ожидать:

– Вы связываете исчезновение Алисы Ходдер с делом Мэйсона Харбриджа?

– У нас пока нет оснований подозревать, что эти два дела связаны, – ответил Хейз, – но, конечно, мы рассматриваем такую возможность.

– У вас есть какие-то зацепки? – прошептала журналистка из заднего ряда. У нее было каре до плеч и холодные глаза под густо накрашенными веками. Она не смотрела на Гарриет и, казалось, интересовалась только детективом. – Судя по слухам, ничего серьезного.

– Есть несколько линий расследования, которые мы изучаем, но в настоящее время мы ничего не можем разглашать, – сообщил Хейз.

Голова Гарриет шла кругом. Она ничего не знала о других направлениях расследования. Что они ей не рассказали? Однако вопросы продолжались. На этот раз встал человек в дальнем конце комнаты, представившись как Джош Гейтс из местной газеты «Дорсетское Око».

– Миссис Ходдер, не могли бы вы рассказать мне о своих чувствах по поводу того факта, что ваша подруга сидела в «Фейсбуке» вместо того, чтобы присматривать за Алисой на празднике?

– Что? – произнесла Гарриет едва слышно. Она чувствовала, что ей не хватает воздуха, будто кто-то ударил ее в живот.

Гейтс поднял вверх свой айпад, как бы в доказательство этого утверждения.

– Точно в то время, когда пропала ваша дочь, миссис Рейнолдс оставляла комментарии к постам друзей и даже написала один из своих собственных. Ее внимание явно было приковано к другому месту, – продолжал он. – И мне просто интересно, что вы испытываете по этому поводу, учитывая, что предполагалось – она следит за вашей дочерью.

Гарриет ощутила, как Брайан всем телом подался вперед, прижавшись к столу, очевидно, желая узнать побольше. Потому что, если Шарлотта была в «Фейсбуке», то это являлось доказательством – она не следила за Алисой, и, следовательно, она нерадивая мать, чьи дети бегают без присмотра, как дикие животные. В точности, как он и говорил.

– Мне интересно, что вы думаете о действиях вашей подруги, миссис Ходдер, – добавила Джош Гейтс.

– Я, эм-м... я ничего не знаю об этом, – хрипло ответила она, нервно оттягивая воротник своей блузки. Шарлотта призналась, что заглянула в телефон, но в свете утверждений этого человека ее отвлечение представало чем-то намного более худшим.

– Если миссис Рейнолдс была... – начал Брайан, но старший инспектор Хейз уже заканчивал интервью, подняв руку и останавливая журналистов, пресекая дальнейшие вопросы.

Гарриет хотелось бы, чтобы Брайан продолжил. Она желала знать, что хотел сказать ее муж.

Они вышли из отеля и вернулись в машину Ангелы, где та сказала им, что всё прошло так хорошо, как они и надеялись, однако Гарриет не слушала. Ее голова кружилась от слов последнего журналиста, и теперь ее окно возможностей обратиться к миру закрылось. Она не знала, что должна была чувствовать по чьим-то предположениям. Не знала, достаточно ли сделала. Гарриет испытывала лишь оцепенение и незащитность и понятия не имела о том, что будет дальше.

Сейчас

Кондиционер тихо жужжит в углу, но не производит достаточной свежести для того, чтобы охладить комнату. Но всё равно, вместо того чтобы снять свой кардиган, я ловлю себя на том, что запахиваю его поплотнее вокруг тела. Я не хочу, чтобы детектив Роулингс видела ярко-красные пятна на моей груди: безошибочный признак того, что я нервничаю. Затягивая шерстяной пояс вокруг талии, я задерживаю его концы между пальцев, потирая их так же, как делала со своим уютным одеялом в детстве.

– Давайте поговорим немного больше о вашей дружбе с Гарриет, – предлагает детектив. – Вы сказали, что, хотя вы и были близкими подругами, но не встречались друг с другом в компании своих мужей?

Я качаю головой:

– Почти никогда. Я помню только один случай, когда Брайан был у меня дома, – они тогда приходили на барбекю. – Я ничего больше не уточняю. Я едва разговаривала с Брайаном, пока играла роль хозяйки, обходя группки друзей, предлагая всем напитки и блюда с кебабами. Я не отдыхала, пока все не поели, а к тому времени Гарриет и Брайан уже ушли.

Я задумываюсь – восприняла ли детектив Роулингс со скепсисом эту информацию, потому что по ее виду сказать сложно. Отстраненное выражение ее лица может быть недоверием или неприязнью ко мне – я понятия не имею. Но дела обстояли именно так. Мы с Гарриет встречались в течение дня в ту пору, когда наши дочери были совсем маленькими, и это устраивало нас обеих. Мне не хотелось смешивать новую подругу и свой давний трещину брак, и мне нравилось, что я могла поговорить с кем-то, кто не знал Тома. Это давало уверенность, что Гарриет твердо на моей стороне. Я могла рассказать ей всё, как было, и меня не осуждали. Меня слушали с симпатией. И иногда я даже преувеличивала и представляла всё намного хуже, чем происходило на самом деле, только потому, что мне было приятно, когда кто-то выражал мне свое сочувствие.

И да, я признаю, что у меня не было ни малейшего желания проводить время вместе с Брайаном. Я в ужасе отпрянула, когда Гарриет рассказала, что каждый вечер после того, как укладывают Алису спать, они садятся вместе на кухне и обсуждают, как у кого из них прошел день. Как Брайан рассказывает ей о тонкостях своей работы в страховании и взамен выказывает нешуточный интерес к ее дню с Алисой. Я бы затруднилась сказать, что на самом деле требуется от Тома на его работе, да и он вряд ли имел представление, водила я детей на плавание на прошлой неделе или

это было несколько месяцев назад. Брак Гарриет и Брайана всегда казался мне немножко необычным. Чересчур приторным.

– Но вы, вероятно, всё же говорили друг с другом о своей домашней жизни? – спрашивает детектив. – Разве подруги так не делают?

Я прикусываю губу, пока думаю, что должна ответить. Усталость не просто подкрадывается ко мне, она накрывает меня, как цунами, и я волнуюсь, что скоро скажу всё что угодно, всё, что потребуется, лишь бы закончить эту беседу.

Глаза Роулингс покраснели; она, должно быть, тоже устала. Возможно, она согласится меня отпустить. Или, может, она знает больше, чем дает понять, и как только я выкажу признаки слабости и пойду на уступки, она арестует меня и не оставит мне выбора. В конце концов я решаю, что не стоит рисковать.

– Конечно. Мы разговаривали о множестве разных вещей.

– Типа чего? – Ее слова звучат агрессивно, даже если она не имела такого намерения.

– Ну, я много говорила о своем браке. Несмотря на то что мы с Томом расстались два года назад, мне было плохо какое-то время.

Я уверена, что Роулингс не интересуется состоянием моего брака, но мой слабеющий разум ныряет в воспоминания. Я вижу Гарриет и себя, сидящих на скамейке в парке, и мысленно слышу наш разговор. Это было время, когда я сказала ей, что мы с Томом расстаемся.

«Ты действительно этого хочешь? – спросила тогда Гарриет. – Вы не пробовали сходить в семейную консультацию или что-нибудь в этом духе?»

«Пробовали, – ответила я. – Ну, во всяком случае, однажды. Но я обнаружила, что у него есть кто-то еще. Это не измена в прямом смысле. По крайней мере, пока – еще нет. Но он сблизился с кем-то и отправлял ей сообщения; ну, ты знаешь, те, которые неприемлемы, если вы женаты».

Я рассказала Гарриет, что спросила Тома прямо об этих сообщениях: «мое сердце в твоих руках», «я весь горю» и тому подобное. Отчаянно желая, чтобы он сказал мне, что они ничего не значат. Однако Том всегда был слишком честным, и румянец залил его лицо, когда он извиняющимся тоном пробормотал объяснение, что пока ничего не произошло, но он флиртовал с какой-то женщиной.

«Что это ты погрустнела? Ты ли, что ли?» – подшутила я над Гарриет, когда ее настроение омрачилось.

«Я всегда считала Тома хорошим человеком», – ответила она.

«Он во многом хорош. Просто я больше не могу быть замужем за ним», – улыбнулась я.

Гарриет потянулась и взяла меня за руку. «С детьми всё будет хорошо, – произнесла она. – У них есть два замечательных родителя, которые их любят, и это невероятное счастье. Кроме того, лучше уйти из разрушенного дома, чем жить в нем, – добавила она. – Кто-то однажды сказал мне это».

Я поняла, что слезы текут по моему лицу. Ее полная поддержка была той силой, в которой я больше всего нуждалась.

«Не у всех людей так, как у вас с Брайаном», – сказала я Гарриет. Это был первый раз, когда я поняла, что есть преимущества в ее типе брака.

Детектив Роулингс спрашивает меня, рассказывала ли Гарриет о своем собственном браке, и я отвечаю, что нет.

Роулингс пристально смотрит на меня, ожидая, что я продолжу. Когда я этого не делаю, она внезапно говорит:

– Расскажите мне о тех случаях, когда вы встречались с Брайаном наедине.

Я устремляю взгляд в потолок, усаживаясь немного прямее. Я не предполагала, что она спросит об этом.

Я не ожидала, что она узнает.

– Это было только однажды, – говорю я наконец. – Или дважды, – добавляю я, когда она продолжает внимательно следить за мной. – Это было всего два раза.

– И о чем он приходил поговорить с вами?

Я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю. Я не знаю, какой случай мне следует обсудить. Наверное, лучше сосредоточиться на втором.

– Брайан приходил ко мне домой два дня назад, – начинаю я. – Я рассказывала Ангеле Бейкер! – добавляю я, оправдываясь. – Она их контактный офицер по этому делу... – Я съезжаю с данной темы, потому что, конечно, детектив уже знает об этом. Она, вероятно, знает о каждом разговоре, которые были у меня с Ангелой и инспектором Хейзом за последние две недели.

– Расскажите о другом случае, – предлагает Роулингс. – Когда это было?

Мои пальцы тянутся к пустому стакану, подрагивая, когда я хватаюсь за него. Мне нужно попросить у нее еще воды, но она, конечно, подумает, что я выигрываю время на раздумья. И, скорее всего, решит – мне есть что скрывать.

– Шесть месяцев назад, – отвечаю я, затягивая пояс своего кардигана так плотно, что дальше он не идет.

– И зачем вы встречались?

– Брайан сказал, что пришел ко мне, потому что волнуется.
– О чем именно? – Детектив наклоняется вперед и кивает мне, чтобы я продолжала.

– Он сказал, что беспокоится за Гарриет. – Я пожимаю плечами. – В этом не было ничего особенного. – Я потираю рукой правый глаз и снова смотрю на часы. – Вы не знаете, долго ли я вам еще здесь понадобится? – спрашиваю я. Мой голос звучит слишком хрипло.

– Будет полезнее, если мы сможем продолжать, – говорит она, по-куриному наклоняя голову в сторону. В комнате наступает тревожная тишина.

Наконец я киваю.

– Брайан сказал – его беспокоит, что Гарриет многое неправильно понимает и забывает.

– Забывает?

– Да, вроде того – где она была. Это не показалось мне чем-то серьезным. – Я слегка улыбаюсь, но детектив не улыбается в ответ.

– Расскажите, о чем конкретно говорил Брайан.

Я сжимаю свой язык зубами, пока не прикусываю так сильно, что ощущаю во рту металлический привкус крови.

– Конкретно? – Я снова набираю полную грудь воздуха, и это звучит как вздох. – Он сказал мне, что Гарриет страдает послеродовой депрессией. Я подумала, что это нелепо, поскольку, если он беспокоится, что Гарриет ничего не помнит, то ему достаточно просто побеседовать с Томом. Он бы рассказал Брайану, что я забываю большую часть его слов просто потому, что половину времени не слушаю.

Я вспоминаю Брайана, стоявшего в моем саду; водившего рукой по дубовому столу на веранде, оглядывавшегося вокруг. Я не могла понять – восхищался он моим садом или ненавидел его.

«Я очень волнуюсь за свою жену, – сказал он. – Что меня особенно тревожит – так это то, что она подвергает Алису опасности. Вчера она ушла и оставила Алису в машине одну. Забыв, что она там».

Брайан перестал водить пальцами по древесине и повернул голову, взглянув мне в глаза. И я инстинктивно отступила на шаг.

«Гарриет была так озабочена тем, как добраться до почтового отделения до его закрытия, чтобы обновить свой паспорт, что полностью забыла о дочери. Шарлотта, с ней могло случиться что угодно, – добавил он. – Мою маленькую девочку могли похитить».

Некоторое время назад

Гарриет

– Могу я вам с этим помочь? – Ангела показала на чистую посуду на сливной доске, снимая кухонное полотенце с ручки духовки. – Я всегда предпочитала вытирать посуду, когда меня заставляли помогать на кухне в детстве, – улыбнулась она.

Прошло двадцать четыре часа с тех пор, как Алиса исчезла. Гарриет пыталась занять себя каким-нибудь делом, чтобы ей не приходилось думать о том, как прошло их обращение о пропавшей дочери.

– Меня не напрягает мытье посуды. Мне всегда нравилось смотреть в сад во время этого занятия, – ответила Гарриет. – Думаю, я жила бы где-нибудь на природе, если бы могла.

– В самом деле? Где бы вам хотелось жить больше всего?

Гарриет сделала паузу. Ей нравилось, что Ангела проявляет к ней интерес, хотя она и понимала, в чем его скрытые причины. Детектив остается детективом.

– Возле моря, – сказала она. – Когда я была маленькой, я представляла, что живу в доме на краю пляжа. У него было открытое крыльцо спереди, где я могла сидеть, читать и смотреть на волны, и деревянная дорожка, которая вела через дюны к воде.

– Ух ты! – Ангела положила полотенце на край сливной доски и мгновение помолчала. – Звучит замечательно!

Гарриет пожала плечами.

– Обычно я рисовала дом в своем воображении. У меня хранится в памяти его кристально чистая картинка, и если я закрою глаза, то смогу увидеть каждую его частичку. Мерцающая вода, рябь на песке, щели между досками настила, через которые я могу смотреть. Я представляла себя сидящей в кресле на крыльце, глядящей на море и мечтающей. – Гарриет улыбнулась. – Я могу вообразить что угодно, когда смотрю на море.

– Я понимаю, что вы имеете в виду, – сказала Ангела. – Так вот почему вы переехали в Дорсет – чтобы жить поближе к морю?

– Предполагалось, что так. – Гарриет поспешно схватила металлическую щетку и принялась скрести кастрюлю. Если бы она надавила чуть сильнее, то эмаль начала бы слезать, однако Гарриет не смягчилась. Брайан хотел кипяченого молока и оставил белый слой пенки на дне. Легче было использовать микроволновку, но на такой компромисс Брайан не был готов пойти. Он предпочитал кипятить в кастрюльке.

– Так вы много купаетесь? – спросила Ангела.

Гарриет прекратила скрести. Она моментально утратила картинку своего домика у моря и заменила ее банальным пригоревшим молоком Брайана. Она почти забыла, что они говорили об этом.

– Нет, – ответила Гарриет через секунду-другую. – Я не умею плавать.
– В самом деле?

Она знала, что это удивит Ангелу. Кто захочет жить на пляже, если боится заходить в воду?

– Тогда расскажите мне побольше о переезде в Дорсет, – продолжала упорствовать Ангела, но Гарриет сомневалась, стоит ли открывать этот ящик Пандоры. Она не была уверена, что сейчас подходящее время для этого; ведь она знала Ангелу только со вчерашнего дня.

– Вам не обязательно это делать, – сказала Гарриет вместо этого, кивая на кружки и тарелки, постепенно скапливающиеся на сливной доске рядом с мойкой.

Ангела покачала головой и встряхнула кухонное полотенце.

– Нет, я хочу помочь. – Она взяла одну из кружек и снова начала вытирать. – Вы всегда жили в Кенте, когда были ребенком?

– Да. Я там родилась. Там неплохо – вы бывали когда-нибудь?

– Да, у меня есть тетя, которая живет в Вестерхеме.

– Знаю, где это. Там красиво.

– И вы жили в ту пору только вдвоем с мамой? После смерти вашего папы?

Гарриет кивнула:

– Да, только я и мама, с тех пор как мне исполнилось пять. Это всё, что я когда-либо знала.

– Наверно, это было трудно, – произнесла Ангела. – Ваш папа умер, когда вы были еще такой маленькой.

– Да. – Гарриет помолчала. – Хотела бы я, чтобы он был в моей жизни, – добавила она. – Почему-то я думаю, что он бы мне очень понравился.

Ангела грустно улыбнулась.

– А что насчет матери Брайана? – спросила она. Когда Гарриет взглянула на детектива, та небрежно отложила полотенце и начала протирать тряпкой сливную доску.

– Я встречалась с ней только один раз, – ответила Гарриет. – Брайан взял меня к ней домой через месяц после нашего знакомства. Он был очень взволнован, сказал, что хочет показать ей меня, но его мать не проявила ко мне никакого интереса. Когда я выходила из комнаты, то слышала, как он говорил ей, что собирается на мне жениться, а она рассмеялась со словами,

что брак – это пустая трата времени. А затем заявила, что ему пора домой, потому что ей нужно подготовиться к игре в бинго. Я никогда ее больше не видела, и, насколько я знаю, Брайан тоже.

– Это очень печально.

Гарриет пожала плечами.

– Моя собственная мама была совсем другой. – Она пристально смотрела на сад за окном. – Мы жили в квартире, которая выходила окнами на парк. У нас не было собственного сада. Мама ненавидела этот парк. Она говорила, что там, того и гляди, произойдет несчастный случай. Однажды мы видели, как ребенок упал с рамы для лазанья. Он лежал, согнувшись под странным, неправильным углом. – Гарриет наклонила голову в сторону и вытянула руку, чтобы показать, насколько неестественной была поза мальчика. – Мама помчалась туда с криками, чтобы кто-нибудь позвонил в «Скорую». «Где, черт возьми, мать этого мальчика?!» – кричала она. К счастью, он оказался в порядке. Всё закончилось хорошо. Но всякий раз, когда мы гуляли где-нибудь рядом с парком после этого, мама хватала меня за руку и быстро пробегала мимо него. Не думаю, что я когда-нибудь снова туда войду. – Гарриет прервалась и взглянула на Ангелу. – Она была забавной, моя мама. Я являлась всем, что у нее было, и я думаю – всем миром для нее, но она не позволяла мне делать множество вещей. Она всегда орала на меня, чтобы я слезла с парапета, который и был-то всего три кирпича в высоту – на тот случай, если я вдруг упаду. – Гарриет вскинула брови.

– Она беспокоилась о вас. Это то, что делают матери.

– Это было нечто большее. Она измеряла мне температуру каждый вечер, просто на всякий случай – а вдруг у меня жар. Она всегда была первой из мам, встречающих детей у школьных ворот, и даже когда я училась в средних классах, всегда провожала меня до автобусной остановки, потому что якобы шла в магазин и ей все равно по пути. Никто не ходит по магазинам в восемь тридцать утра. Каждое утро.

– Почему же тогда вы позволяли ей это, Гарриет?

– Потому что я знала, что с ней будет твориться, если я не позволю. Как я уже сказала, я была для нее всем.

– Это слишком тяжелая ноша для ребенка.

– Возможно. Во всяком случае, это означало, что я проводила гораздо больше времени в своей спальне, чем большинство детей, и именно там я создавала свои истории. Эти маленькие альтернативные жизни были в моей голове, как дом у моря. Иногда я представляла, что живу там со своей воображаемой семьей. Мама, папа и все мои братья и сестры.

Сумасшествие, не правда ли?

– Вовсе нет. У меня была воображаемая сестра. Я одна из четверых детей, и все остальные – мальчики. Я так отчаянно хотела сестру, что придумала ее!

– Я была одной из пятерых в своей голове. Мы обычно все сидели вокруг большого деревянного стола на Рождество, смеялись и подшучивали друг над другом. Там стоял кавардак, но мне всегда было с кем поговорить, если дела шли плохо. Это полностью отличалось от реальности. Некоторые дети в школе говорили, что я ненормальная. Иногда я забывала, что нахожусь на людях, когда разговаривала со своей семьей, – смущенно улыбнулась Гарриет.

– Да уж, вам не приходится жаловаться на недостаток воображения.

– Я хотела, чтобы Алиса не была одиноким ребенком, – заключила Гарриет, немедленно пожелав взять назад все свои слова. Что она ожидала услышать от Ангелы? Гарриет повернулась обратно к мойке и снова начала скрести кастрюлю. В любом случае она, вероятно, сказала слишком много. Почему она вообще упомянула о своей воображаемой семье?

– Что, по-вашему, случилось с Алисой? – спросила она.

– Я думаю, что обращение поможет нам собрать воедино картину произошедшего, – осторожно ответила Ангела. – Оно заставит людей задуматься, кого они видели на празднике, и, будем надеяться, продвинет дело вперед.

– То есть вы пока ничего не знаете? – уточнила Гарриет. – Инспектор Хейз сказал, что у вас есть какие-то направления, которые вы изучаете. Которые он пока не может разгласить.

– У нас нет ничего конкретного, – призналась Ангела. – К сожалению.

Гарриет кивнула и уронила щетку и кастрюльку обратно в раковину. Пятно молока по-прежнему непреклонно вцеплялось в дно, но оно ее больше не беспокоило.

– Гарриет, мне нужно ненадолго заглянуть отметить в участок, но потом я опять вернусь. Я буду рядом, насколько это возможно, но если вам нужно что-то еще, вы должны сказать мне. Вы знаете это, не так ли? Это то, для чего я здесь. – Ангела выжидательно взглянула на Гарриет.

Гарриет кивнула:

– Спасибо вам.

Ангела понятия не имела, что еще она может сказать утешительного.

– Мы сделаем всё возможное, чтобы вернуть Алису как можно скорее, – добавила она. – Я обещаю вам.

– Ангела. – Гарриет подняла взгляд и посмотрела в лицо офицера. –

То, что журналист сказал насчет Шарлотты, ну, вы в курсе. То, что она была в «Фейсбуке», когда Алиса исчезла. Это правда?

– Я полагаю, да, но вам не стоит принимать это слишком близко к сердцу. Возможно, она была там всего несколько секунд. Старайтесь не думать об этом.

Гарриет отвернулась и уставилась в окно.

– Я не знаю, о чем еще думать, – тихо произнесла она.

Когда Ангела вернулась в дом Ходдеров позже в этот день, она притащила с собой инспектора Хейза. У них появились новости, сказали они Гарриет и Брайану. Нашелся свидетель, который был там, на празднике. Одна из матерей видела пожилого мужчину, который выглядел подозрительно, но она, очевидно, покинула праздник до того, как узнала, что пропала девочка. Слухи не дошли до нее быстрее обращения, просмотренного этим утром.

– Что вы подразумеваете под словом «подозрительно»? – спросил Брайан, влезая между Гарриет и детективом, как будто укрывал свою жену от плохих новостей.

– Женщина сказала, что она не узнала этого мужчину и что он был один, бродил безо всякой цели с начала праздника. – Хейз скептически поднял брови, вызвав у Гарриет мысль, что он не питал особых надежд на это свидетельство. – Во всяком случае, ей показалось что-то не совсем правильное в том, как он ходил по полю. У нас есть фоторобот, и мы хотим, чтобы вы оба на него взглянули. – Хейз протянул лист бумаги, который Брайан выхватил прежде, чем Гарриет получила шанс его увидеть.

Брайан коротко глянул на фоторобот, а затем вернул детективу, покачивая головой.

– Я его не знаю, – сообщил он.

– А вы, Гарриет?

Ее руки дрожали, когда она дотянулась и взяла бумагу. Гарриет не хотела смотреть на нее, боясь того, что увидит. Что, если она узнает лицо, так решительно отвергнутое Брайаном?

– Посмотри внимательно, Гарриет, – подгонял ее Брайан. И, хотя муж старался казаться спокойным, она чувствовала его раздражение из-за ее медлительности.

В конце концов она опустила глаза на страницу. И отрицательно покачала головой.

– Совсем ничего? – уточнил детектив, хотя, казалось, ждал подобного ответа и того, что всё это «свидетельство» окажется пустой тратой времени.

Брайан взял фоторобот у Гарриет и взглянул еще раз.

– Хотя... Возможно, есть что-то странно знакомое в нем, я допускаю. Какого он возраста, с ее слов?

– Она предположила, что ему сильно за шестьдесят, – ответил Хейз. – Что вы имеете в виду, говоря «странно знакомое»? Можете сказать конкретнее?

– Просто в нем есть что-то такое, как будто я мог где-то его видеть. Но... – Брайан покачал головой. – Я не могу сказать, где.

– А вы, Гарриет? – снова спросил Хейз, с почти незаметным намеком на вздох, который, скорее всего, получился у него непроизвольно. – Точно нет?

– Абсолютно. Извините, – сказала Гарриет.

– Не стоит извинений. Это был выстрел вслепую. Это я приношу извинения за то, что подал вам излишние надежды на пустом месте. Конечно, это не значит, что мы не будем больше им заниматься, – добавил он, взмахнув портретом в воздухе.

Гарриет стояла у входной двери, когда Хейз уходил, чувствуя, как приветливый ветерок снаружи коснулся ее лица. Это будет так легко – пойти вслед за ним прочь из дома. Помимо короткой поездки в отель для обращения тем утром она никуда не выходила, и тесные стены давили на нее еще сильнее, чем обычно. Гарриет чувствовала себя в ловушке, словно находилась в гробу и кто-то забивал последний гвоздь. Теперь у нее было непреодолимое ощущение, что если она не выбежит через дверь прямо сейчас, то никогда больше не сможет процарапать себе выход.

– Я иду прогуляться, чтобы проветрить голову! – крикнула она в сторону кухни, где, как могла видеть, Ангела убирала кружки со стола. Брайан появился в дверях быстро, как кролик. Гарриет схватила свой кардиган с вешалки и поскользнулась на паре ботинок, аккуратно засунутых в угол рядом с удочками, которые не шелохнулись.

– Я пойду с тобой, дорогая. – Он уже протянул свою руку за курткой.

– Нет. Пожалуйста. Мне просто надо немного побыть одной. – Гарриет не хотела, чтобы он шел рядом, шаг за шагом, сжимая ее руку и обводя вокруг квартала. Тогда это будет уже не ее идея – выбраться наружу и подышать свежим воздухом.

– Гарриет, – Брайан держался за ее руку, словно ребенок, который не может отпустить свою родительницу. – Если ты пойдешь одна, я буду беспокоиться о тебе. Я буду чувствовать себя ужасно, если останусь здесь, не зная, где ты.

Как ей теперь сбежать? Когда он смотрит на нее с этим несчастным

выражением, застывшим на лице. Как только Гарриет выйдет из дома, муж последует за ней, и она не сможет его остановить.

– Просто позвольте ей уйти, – мягко сказала Ангела сзади, вытирая руки о полотенце. Гарриет глубоко вздохнула, а Брайан уставился на нее. – Это пойдет ей на пользу, – продолжала Ангела, кивнув Брайану. И когда она деликатно взяла его за руку, Гарриет использовала свой шанс выскочить на улицу.

Брайан остался неподвижным в коридоре. Она чувствовала его позади себя, но не осмеливалась оглянуться. Вместо этого она поспешила вниз по дорожке. С быстро колотящимся сердцем, ожидая, что в любой момент муж может вырваться на свободу.

– Как я уже сказала, я ненадолго, просто прогуляюсь вокруг квартала! – крикнула Гарриет назад, поворачивая направо от калитки. Она могла лишь плакать от облегчения, пока ноги уносили ее так быстро, как только возможно – прочь из этого дома.

Шарлотта

Я не смогла бы показаться в офисе на этой неделе, и мой менеджер поспешно сказал, что я могу взять столько времени, сколько потребуется. «А сколько мне потребуется?» – подумала я, повесив трубку в понедельник утром. Два дня прошло с тех пор, как Алиса исчезла, но казалось – что несколько недель. И очень возможно, что наша жизнь так и не вернется в нормальное русло.

Следующие пару дней я впустую накручивала себя, размышляя, что могу сделать и как помочь. Я ходила взад-вперед по дорогам, окружавшим поле, в надежде вдруг увидеть Алису, хотя понимала, что мои поиски тщетны – местность была тщательно прочесана в течение нескольких часов после ее исчезновения.

Я позвонила инспектору Хейзу и предложила, что найду деньги для помощи в поисках.

– Зачем это? – спросил он.

– Ну, не знаю, на пиар, на какие-то публичные мероприятия. Я смогу найти столько, сколько нужно, – сказала я, будучи уверенной, что мой отчет передаст их мне безо всяких вопросов и не ожидая ни пенни назад. Фонды для поисков пропавших людей создавались и раньше, призывая делать взносы; несомненно, полиция была бы благодарна за помощь,

думала я.

Хейз сообщил мне, что в этом нет необходимости, но я уже была доведена до отчаяния.

– Что я могу сделать, Од? – кричала я подруге по телефону. – Я должна что-то делать! Я не могу просто сидеть и ждать новостей.

– Я не знаю, – призналась она. – Думаю, что твоим приоритетом должна быть Гарриет.

– Но она не хочет меня видеть!

– Возможно, тебе стоит спросить Ангелу, что ты можешь сделать, – предложила Одри, и мне стало интересно – слышу ли я усталость в голосе подруги или мне это только кажется. Я потеряла счет тому, сколько раз звонила ей за последние несколько дней.

– Да, это хорошая идея, – сказала я. – Прости, Од.

Вместо этого я сосредоточилась на рутинных делах, которые не требовали размышлений, в свободное время между доставкой Молли и Джека в школу и привозом их обратно в конце дня. Я купила новую швабру, упаковку тряпок и спрей для каждой поверхности и отчистила свой дом сверху донизу. Я отдраила посудные шкафы, опустошила, помыла и вновь наполнила холодильник и соскребла остатки наклеек, всё еще наклепленных с внутренней стороны окон, которые я заменила два года назад. Я перебрала детскую одежду и купила Джеку новую пижамную пару.

В среду я купила свежие продукты у мясника и бакалейщика. Но когда пришло время готовить ужин, я так устала с этой уборкой, что не могла сосредоточиться. Стоя у плиты и подготавливая ингредиенты для лазаньи, я поймала себя на том, что думаю об Алисе, о расследовании и о том, что было в прессе, и в итоге бросила это всё в одну кастрюлю и подала на стол как кучу из каши, которую дети отказались есть.

– Это действительно гадость, мамочка, – сказала мне Молли, отпихивая тарелку от себя подальше.

– И мерзость, – добавила Эви.

– Сама знаю, – вздохнула я. – Не ешьте это. Я поставлю пиццу в духовку. – Я собрала их тарелки и опрокинула в мусорное ведро, изо всех сил стараясь не признавать, что всё, что я делаю, кричит о моей несостоятельности.

Стоя спиной к детям, я разрывала коробку с пиццей и лишь краем уха слышала, как Молли говорит:

– Мамочка, Софи сказала сегодня что-то ужасное.

– Неужели, дорогая? И что это было? – Я водила пальцем по обратной стороне коробки, пока не обнаружила рекомендуемую температуру в

духовке.

– Она сказала – ее мама не удивлена, что ты не следила за Алисой.

Я обернулась, роняя пиццу на пол и игнорируя этот факт.

– Что ты говоришь?

– И еще она сказала, что не доверила бы тебе присматривать даже за кошкой. Это Софи сказала мне сегодня. Я ответила ей, что у нас нет кошки и у них тоже нет, но она сказала, что я глупая и она другое имела в виду. Что она имела в виду, мамочка?

– Ничего. – Я заставила себя улыбнуться. – Звучит так, будто Софи просто ведет себя, как дура.

– Софи сказала – это значит, что она больше не сможет приходить сюда играть одна.

Мои пальцы дрожали. Эта дрожь быстро распространялась дальше, по моим рукам и ногам. «Пожалуйста, скажи мне, что Карен на самом деле не говорила такого», – шептал тихий голос внутри меня. Карен звонила мне после выходных сообщить, что у нее была очередная адская пара дней, потому что ее свекровь снова прискакала без приглашения. Мы хохотали над этим до слез, потому что она всегда рассказывала свои истории очень забавно.

Но это не те слова, которые шестилетний ребенок сам может придумать.

Я подобрала пиццу с пола, проверила, не покрыта ли она пылью, и сунула в духовку.

– Я уверена, что здесь какая-то путаница, – я улыбнулась Молли. – Я поговорю с Карен и разберусь в этом.

– Я хочу, чтобы Софи снова приходила на чай, – произнесла Молли, свесив голову так, что я не видела ее глаз.

– Конечно, она будет приходить, – заверила я, всё еще с улыбкой, приклеившейся к моему лицу. – А теперь у тебя есть десять минут, чтобы пойти поиграть, а я позову тебя, когда ужин будет готов, – добавила я чересчур тонким голосом. – Давай! – подтолкнула я Молли, практически выпихивая из кухни.

Мои руки тряслись, когда я подтянула стул к островку и уселась, чтобы успокоиться. Я прекрасно пряталась от себя самой, когда убиралась, чистила и заполняла свой день бессмысленными делами. Но одно глупое замечание – и я снова разваливаюсь на куски.

Карен в понедельник прислала мне цветы с открыткой, в которой говорилось, что она думает обо мне. Цветы стояли на подоконнике – разноцветные тюльпаны, потому что она знала, что я их люблю.

Я потянулась к мобильнику, мой палец завис над ним. Я хотела услышать от Одри, что всё это глупости, что никто не судачит обо мне. Я хотела, чтобы она сказала – Карен, вероятно, говорила что-то другое, а Софи истолковала по-своему, и это всё – недоразумение. Я хотела посмеяться и положить телефон с облегчением, что мои подруги не осуждают меня за моей спиной.

Но по средам Одри ходила на регби со своими мальчиками; она не отвечала, и тогда я нажала другую кнопку на телефоне. Я зарекалась это делать, но не смогла справиться с собой.

– Эй! – произнес Том, когда поднял трубку. – Всё в порядке?

– Нет.

– Шарлотта, что случилось? Что-то касательно Алисы?

– Нет, это совсем другое.

– Просто ты плачешь. Притормози и скажи мне, в чем дело.

И тогда я рассказала ему, что услышала от Молли.

– Ох, Шарлотта...

В тот день, когда мы с Томом развелись, я дала себе клятву, что не буду кидаться к нему всякий раз, когда мне станет трудно. «Твоя жизнь – твои правила, – сказала моя мать, когда я сообщила ей, что мы с ним расстаемся. – Твой отец ушел и попытался однажды вернуться, и я была достаточно глупой, чтобы ему это позволить. И ты знаешь, что случилось потом. Кроме того, дети не скажут тебе “спасибо”, если ты будешь то рубить сплеча, то передумывать».

Но моей матери было проще. Она никогда не теряла чужого ребенка.

– Позвони Карен, – предложил Том.

– Я не могу.

– Конечно, можешь; она же твоя подруга.

– И что сказать? «Я знаю, что ты мне больше не доверяешь»?

– Спроси ее, что она говорила.

– Том, почему ты всегда так всё упрощаешь? А если она скажет мне, что говорила это? Что, если она скажет, что именно это и имела в виду? – Я плакала.

Я знала, что мне не следовало ему звонить. Я не представляла, как буду выяснять у Карен, что она говорила. Я скорее позволю мыслям съесть себя, чем пойду с ней на конфронтацию.

Остановившимся взглядом я смотрела на свой телефон, размышляя, что делать. Мой мобильный больше не был связующим звеном между мной и моими друзьями. Первоначальный шквал сообщений, которые я получала после праздника, заметно сократился. Теперь телефон пиликал

оповещениями гораздо реже, чем до выходных, и его молчание было тревожным.

Я в очередной раз открыла «Ватсапп», что регулярно проделывала в предыдущие несколько дней, но не нашла ничего нового со времени праздника. Я прокручивала вверх и вниз различные группы: «Класс Молли», «Класс Джека», «Книжный клуб»... Там всегда были сообщения, ожидающие, чтобы я их прочитала. Ни дня не проходило без того, чтобы кто-нибудь не задал вопрос о домашней работе или школьной форме либо не создал новую группу для вечернего чата.

Я оттолкнула телефон прочь. Я пыталась игнорировать мысль, которая начала меня беспокоить, – страх, что новые групповые чаты создаются без меня, что мои друзья хотят обсудить вещи, которые я не должна видеть. Но после того, что Молли рассказала мне, я начала верить, что это происходит.

С тех пор как журналист на пресс-конференции указал, что я была в «Фейсбуке», когда пропала Алиса, я не заходила на свою страницу и даже удалила приложение из телефона. Каким-то образом я убедила себя, что просто вход на сайт станет спусковым крючком для мониторинга моей активности. Как если бы кто-то ждал меня там, чтобы наконец сказать: «Ха, смотри. Вот она снова здесь, она не способна без этого обойтись!» Я поделилась своими опасениями с Одри, которая заявила, что они смехотворны, но я всё же не рисковала.

Когда дети вечером легли спать, я поняла, что больше не могу держаться. Мне надо принять всё, что бы ни было сказано. Мне нужно это знать. Я налила себе большой бокал вина, который взяла с собой в постель, и, глубоко вдохнув, открыла свою страницу в «Фейсбуке».

Мое сердце учащенно билось, пока я прокручивала посты о предстоящих каникулах и высоких достижениях детей своих друзей. Неистово разыскивая... что именно – я сама не знала. Пост, в котором говорилось бы, какой ужасной матерью я оказалась? Много лайков и возмущенных смайлов под ним?

Чем больше я смотрела, тем спокойнее становился мой пульс. Я не находила ничего подобного. Но затем я наткнулась на страницу «Помогите найти Алису!», которую кто-то завел, попросив остальных поделиться и писать, если у них есть какие-либо новости. Ее создала одна из мам, которую я едва знала, хотя в какой-то момент мы стали друзьями на «Фейсбуке». Я посмотрела фотографию профиля, на которой была она со своими двумя девочками. Если я ее не знаю – то Гарриет тоже не должна знать, и это заставило меня задуматься, почему она оказалась инициатором этой кампании. Если кому и делать что-то такое, то скорее уж мне.

Я бегло просмотрела комментарии, которые там оставляли другие пользователи, но их было так много, что я не могла прочитать всё. Многие выражали поддержку и участие. Предостережения остальным не выпускать своих детей из виду, когда на наших улицах разгуливает монстр. Молитвы, которые были скопированы и размещены вместе с личными словами надежды, что Алису найдут в ближайшее время. Некоторые решили поделиться своим мнением о том, что случилось. Многие думали, что это, скорее всего, тот же человек, который похитил Мэйсона.

Мое имя упоминалось несколько раз. Люди, которых я не знала, писали, как им жаль меня.

«Это просто показывает, что вы не можете отрывать глаз от своих детей ни на минуту!» – говорили они.

«Никому нельзя доверять, даже на школьном празднике!»

И: «Не знаю, что хуже – потерять своего собственного ребенка или чьего-то».

Я сделала большой глоток вина и неуклюже поставила бокал на тумбочку, чуть не опрокинув его. Мне тоже захотелось прокомментировать. Я понятия не имела, что сказать, но желала, чтобы они знали – я была там, читала их мысли, дышала, жила в том аду, о котором они говорили.

Я закрыла глаза, прислонившись спиной к изголовью кровати; слезы рвались наружу из-под век. Я могла прочитать между строк; я знала, все они думали об одном и том же – это моя вина, что Алиса пропала. Они были аккуратны со своими словами, но их чувства очевидны: я проявила беспечность и потеряла чужую дочь.

Я знала – они подразумевали это, потому что именно так подумала бы я, если бы на моем месте оказался кто-то другой. Это было то, что я сама думала о себе.

Мне следовало бы перестать искать и убрать свой телефон, порадовавшись, что не нашла ничего ядовитого. Но вместо этого я села поровнее и вбила имя Алисы в поисковую строку «Гугл». Со странной решимостью наказать себя и зная, что не сдамся, пока этого не сделаю. И это не заняло много времени – найти то, что я искала.

Я сразу обнаружила свое имя в разделе комментариев на сайте «Дорсетского Ока», под статьей, написанной Джошем Гейтсом, журналистом с пресс-конференции. Его злое перо привлекло внимание местных жителей. Люди, которых я не знала, некоторые – под анонимными никами, были возбуждены возможностью рвать меня и утверждать, какая я ужасная мать.

Нельзя было позволять мне присматривать за чужим ребенком,

никогда! Это несомненно. Моих собственных детей нужно у меня отобрать, потому что совершенно очевидно, что они не в безопасности. Если бы я потеряла его ребенка – он себя не сдержал бы, сказал один из комментаторов. Что именно сделал бы – он не уточнял, но угроза была понятна.

Я поперхнулась воздухом и закашлялась, прижав кулак ко рту и не в силах отдышаться. Эти люди жили рядом со мной. Они были из Дорсета, кто-то из них, возможно, даже из моей деревни! И они ненавидели меня. Каждый из них меня ненавидел.

Я заползла под одеяло, натянув его на голову. И, крепко зажмурив глаза, я рыдала и вскрикивала под одеялом, вероятно, до тех пор, пока не провалилась в сон.

* * *

На следующее утро я посадила детей в машину, чтобы везти в школу, спрятав свои красные, опухшие глаза под солнцезащитными очками. Высадив Джека у школьных ворот и отведя Молли в ее класс, я возвращалась обратно с Эви через игровую площадку, когда Гейл меня окликнула.

– Привет, рада, что застала тебя, – сказала она, запыхавшись, пока меня догоняла.

– Привет, Гейл, как ты?

Она отбросила свой длинный гладкий «конский хвост» за плечо, сдвинув темные очки на макушку. После вчерашнего вечера я была рада, что Гейл отыскала меня на игровой площадке. Я даже почувствовала себя виноватой за то, как временами стонала от нее. Гейл ведь не так уж и плоха, даже если иногда сложна в эксплуатации.

– О, я в порядке, моя милая, я в порядке.

– Это замечательно.

– Я просто хотела поймать тебя, чтобы сказать, что тебе уже не нужно брать Розы на балет сегодня вечером.

– Ч-что ты имеешь в виду? – запнувшись, пробормотала я. – Я всегда беру Розы на балет.

– О, я знаю, но сегодня вечером ее подбросит мама Тилли. Она предложила, и ты знаешь – ну, честно говоря, я не знала, поедешь ты или нет, поэтому я ответила ей, что это будет чудесно. – Гейл сверкнула на меня

белой линией зубов и сделала шаг назад, уже готовясь уходить.

– Я всё равно повезу Молли, – произнесла я. – Так что для меня не проблема взять и Розы тоже. И Тилли живет в другой стороне деревни.

– О, ну да, спасибо тебе, Шарлотта, но с тем же успехом я могу отпустить ее и с Тилли, мы ведь уже договорились.

– Ага, – сказала я. – Я вижу.

– Ну, в любом случае скоро увидимся! – Гейл, махнула рукой в воздухе, разворачиваясь на каблуках.

– Гейл! – Я окликнула ее прежде, чем успела обдумать, что же собираюсь сказать. – Погоди-ка минутку. – Я протащила Эви через игровую площадку. – Ты на самом деле думаешь, что не можешь доверить мне сводить твою дочь на балет? Ты боишься, что я могу вернуться домой без нее? – Мой голос сорвался, когда я говорила, и я поняла, что зашла слишком далеко.

– Нет! Боже, нет, моя милая, ничего подобного! – ответила она, вновь улыбнувшись. И эта улыбка была всё такой же неискренней, не затрагивающей ее глаза. – Говорю же, я просто не знала, поедешь ты или нет.

– Ты могла бы спросить меня! – выкрикнула я. – Это всё, что тебе нужно было сделать. Ты могла бы просто сперва спросить!

– Да, я знаю. Я понимаю это теперь, конечно. Что-то я ступила. – Гейл глуповато хохотнула, и я подумала – если сейчас я протяну вперед руку, то смогу сбить эту фальшивую улыбку с ее лица.

Я повлекла Эви к своей машине так быстро, как только позволяли ее маленькие ножки.

– Она просто тупая сука! – крикнула я в трубку. Я позвонила Одри, как только вернулась домой. – Что они все говорят обо мне? И можешь не отвечать, потому что я и так знаю.

– Не обращай внимания на Гейл. Она ограниченная и невротичная. Она на всё слишком остро реагирует.

– Ты знаешь, что это неправда, она говорит только то, что думают остальные. – Я рассказала ей о словах Карен, дошедших до меня через Молли. – Неужели все думают, что мне нельзя доверять?

– Нет. Конечно, нет.

– Тогда почему чувствуется, что это именно так? – Я заплакала. – Я видела комментарии в Интернете, Од. Ты читала их? Я читала. Увидела их собственными глазами. Почитай статью на сайте «Дорсетского Ока». Нет, лучше так, – сказала я, хватая свой мобильный телефон и заходя в

Интернет, – я сама пришлю тебе ссылку.

– Шарлотта, тебе нужно успокоиться. Что бы ни говорили эти комментаторы, они просто тролли. Это мерзкие люди с провинциальным мышлением, и им больше нечем заняться. Это не мысли тех, кто имеет какое-то значение, и ты в глубине души это знаешь.

– Но речь идет обо мне. Это личное. Они говорят лично обо мне. – Я рухнула в кресло. – Поэтому не важно, что я знаю в глубине души, потому что они обсуждают мою жизнь.

– Понимаю, дорогая, понимаю, – произнесла Одри мягко. – Но они тебе не друзья. Среди них нет никого, кто знает и любит тебя.

– За исключением некоторых. Карен и Гейл.

– Которые не говорили о тебе ничего ужасного, – сказала Одри. – Они просто иногда ведут себя глупо. Они ставят свои семьи на первое место, и, возможно, они даже не знают, что им сейчас лучше делать. Но пожалеют об этом, если узнают, что причинили тебе боль.

– Они говорили что-то подобное обо мне раньше? – спросила я. – Меня осуждали до того, как Алиса пропала?

– Шарлотта, – Одри вздохнула. – Нет, конечно, они ничего такого не делали. То, что произошло с Алисой, – могло случиться с любым из нас. Это ужасно, но это случилось не из-за тебя или каких-то твоих действий.

– Тогда как получается, что я чувствую себя, словно всё наоборот? – прошептала я.

Перед тем как повесить трубку, Одри напомнила мне о школьном собрании в следующую среду.

– Тебе следовало бы прийти.

– До него еще шесть дней, – отозвалась я. – За это время может случиться всё, что угодно.

Мне не хотелось задумываться, что именно я под этим подразумеваю, но надеялась я на то, что Алису найдут. Мысль о том, что проходит неделя, а новостей по-прежнему нет, была невыносима.

– О, конечно. Будем уповать на Господа, что маленькая Алиса найдется в целости и сохранности. Но подумай о собрании как о своей возможности поговорить с людьми, которые, как ты считаешь, судачат о тебе, и тогда ты сможешь успокоить свой разум.

– Возможно.

– Серьезно, Шарлотта, тебе это нужно.

Я пообещала Одри, что подумаю об этом, но знала, что не пойду. Я охотнее предпочту спрятаться, чем встретиться с матерями, которые с любопытством станут меня разглядывать.

Как только я отложила телефон, он зазвонил опять. Это был инспектор Хейз, поинтересовавшийся, буду ли я дома на протяжении следующего часа. Я ответила, что никуда не собираюсь. И бессмысленно смотрела детский канал вместе с Эви, пока ждала его.

Когда он приехал, я провела его на кухню, разговаривая о пустяках, пока наливала попить Эви. Дочка пришла вслед за мной, требуя перекусить и спрашивая у полицейского, не хочет ли он с ней поиграть.

– Нет, Эви, – я сунула ей пакетик изюма и яблоко. – Возвращайся в другую комнату, а я скоро приду. Простите, – сказала я детективу, когда она скрылась. – У вас есть дети?

– Да, у меня их двое, – ответил Хейз серьезно. – Миссис Рейнолдс, есть некоторые новости.

– Ох... – По выражению его лица я поняла, что они не будут хорошими.

– Миссис Рейнолдс. Боюсь, что мы нашли тело.

Гарриет

– Что это значит? – Брайан вышагивал взад-вперед по маленькой кухне, как зверь в клетке.

– Мы не знаем, – ответила ему Ангела.

– Но тело было не очень далеко?

– Нет, – сказала она. – Менее чем в пяти милях от места, где он был похищен.

– И это точно Мэйсон? – спросил Брайан.

– Да, боюсь, что его опознали.

– Бедная семья! – всхлипнула Гарриет. – Я даже представить не могу, что они чувствуют. Я даже подумать не могу...

– Тогда не нужно, – посоветовала Ангела. – Пока еще ничто не указывает на то, что случившееся с Мэйсоном связано с Алисой.

– Так что же с ним случилось? – требовательно воскликнул Брайан. – Как он умер? Он был убит сразу? – Он перестал расхаживать, сжал руками спинку стула и подался вперед, наклоняясь к Ангеле.

– Я понимаю, что вы хотите всё это знать, но пока не могу рассказать подробностей.

– А я не желаю их слышать. – Гарриет прикрыла уши руками.

Брайан приблизился к жене сбоку и бережно отнял ее руки от головы.

– Тебе и не нужно это, любовь моя, – сказал он, целуя их с тыльной стороны. Его губы задержались на ее коже, оставив мокрое пятно, когда он отстранился. Он мягко опустился на стул рядом с ней, всё еще цепко сжимая ее руки. И добавил: – Ты не должна думать обо всем таком.

Однако Брайан не оставил ей другого выбора, кроме как думать обо всем таком, поскольку продолжил задавать Ангеле вопросы о Мэйсоне, на которые та не могла ответить, о чем многократно ему и повторяла. Хватка Брайана оставалась плотной. Его лицо было близко; Гарриет чувствовала дуновение его теплого дыхания на своих щеках, когда он говорил. Стойкий запах его одеколona проникал ей в нос и в горло с каждым вдохом.

В конце концов Гарриет высвободилась, сославшись на то, что ей нужно в ванную.

Она не знала, что означает найденное тело Мэйсона, но ее сердце болело за его родителей. Теперь у них нет надежд – все они закончились, и ничего уже не станет лучше. Она хотела написать им о том, как она сочувствует и понимает, что их жизнь, должно быть, разбита вдребезги. Только она не понимала. Потому что Гарриет, в отличие от них, не теряла надежды. Так что вместо этого она записала свои мысли в маленький блокнот «Молескин», который прятала под половицей в спальне, и пожелала родителям Мэйсона найти утешение в чем-то другом.

Большее утешение, чем могла найти сама Гарриет. Они с Брайаном скользили, как призраки, по дому, который теперь стонал от одиночества. Брайан то и дело протягивал руки, чтобы прикоснуться к ней, шептал разные слова ей на ухо, однако они не успокаивали. Каждый шаг, сделанный по деревянной лестнице, устрашающим эхом отдавался в ее голове. Свет ламп в прихожей больше не казался теплым – они лишь отбрасывали пугающие тени, вытянутые вдоль половиц.

Гостиная выглядела так, словно из нее начисто вымели любые следы Алисы. У Гарриет чесались руки схватить пластиковые коробки с игрушками, тщательно уложенные в углу, и вывалить на пол, притворившись, будто ее дочь по-прежнему здесь. Сама ли Гарриет поспешно убрала их, как только Алиса ушла спать в пятницу вечером, или это Брайан тщательно навел порядок, вернув комнате вид зоны, свободной от детей?

Но Гарриет понимала, что не может начать разбрасывать Алисины игрушки по дому. Она представляла, что скажет Брайан, если она это сделает. Это дало бы ему еще один повод убеждать ее принимать лекарства, которых, как она знала, не существует.

Временами она просто сидела на кровати Алисы, вода рукой по

розовому одеялу, расшитому птицами, всё еще смятому с тех пор, как дочь спала под ним в последний раз. Гарриет смотрела на углубление в подушке, оставленное головой Алисы, представляя ее светлые волосы, раскинувшиеся веером вокруг лица, однако этот образ быстро растворялся.

Сейчас на кровати был только бегемот, которого Гарриет бережно положила туда после того, как нашла застрявшим сбоку от автомобильного кресла Алисы. Ее сердце разрывалось напополам, стоило ей лишь подумать, что Алиса теперь без серого бегемота, который сопровождал ее повсюду.

Спустя неделю ощущение присутствия Алисы в спальне уменьшилось настолько, что Гарриет задумалась: а существовала ли она в реальности, или это плод ее воображения? Это было настолько страшно, что она снова начала записывать всё в свою книжку.

В итоге она стала заходить в спальню дочери все реже и реже, но мысль о том, что Алиса теперь непонятно где, спит в каком-то невообразимом месте, открывает глаза и не видит своих резиновых бабочек, висящих на лесках на окне, медленно убивала Гарриет.

* * *

Прошла неделя с тех пор, как Алиса пропала. Это случилось в субботу утром, и ее исчезновение всё еще было горячей новостью. Горстка журналистов продолжала торчать за калиткой, и теперь, после нахождения тела Мэйсона, у них появилось даже больше интереса, чем раньше.

Гарриет всё-таки читала всё, что могла, как бы больно это ни было. Она часто запиралась в ванной с айпадом Брайана и прочесывала веб-сайты, чтобы видеть, что говорят люди. А затем удаляла историю браузера. Брайан не понял бы ее потребности, которая превратилась в одержимость. Он лишь сказал бы, что это нездорово.

И возможно, оказался бы прав. Ей не нужны были незнакомцы, высказывающие свои мнения о ней и Брайане. Ее интересовало мнение Ангелы – человека, живущего в этом аду вместе с Гарриет, но она-то как раз его мало выражала.

Гарриет нравилось присутствие Ангелы в ее жизни. Она думала, что в сильно других обстоятельствах они могли бы стать подругами. Ей было интересно, какую информацию Ангела скормливает своим начальникам в участке. Ее работа – наблюдать и делать выводы об их крошечной семье,

так что она наверняка имела собственное мнение. Что она делала вместе с ними, вращаясь вокруг каждого из них, двух посторонних ей людей, запертых в темнице собственных страданий? Ангела ела вместе с ними, караулила их сон, видела их в худших проявлениях. Что Брайан говорил ей, когда Гарриет не было в комнате?

Когда Ангела ушла в тот вечер, Брайан накинулся на Гарриет.

– Я не единственный, кто волнуется за тебя! – начал он, придвигаясь к ней на диване слишком близко. Неприятный запах несвежего кофе доносился от его дыхания.

– Что ты имеешь в виду?

– Другие люди тоже заметили, – заявил он. – Я говорю тебе это только для твоего же собственного блага.

– О чем ты говоришь, Брайан?

Он вздохнул, вытирая руки о джинсы, проводя ими вверх-вниз.

– Когда ты выходила прогуляться на днях, Ангела настоятельно тебе сказала, что не хочет, чтобы ты ходила одна, но ты проигнорировала ее и всё равно пошла. Почему ты так поступаешь со мной, Гарриет?

– Ангела никогда такого не говорила, – возразила Гарриет и медленно покачала головой, вспоминая.

– Увы, это так, любовь моя. – Брайан повернулся к ней, нахмурил брови и склонил голову набок, изучая ее. Потом протянул руку к ее лицу, чтобы мягко отвести в сторону несколько выбившихся из прически прядей. – Ты сказала, что тебе надо немного прогуляться, но Ангела ответила, что это не лучшая идея, и попросила тебя остаться в доме. Однако ты была настойчива. Даже когда Ангела предупредила, что это небезопасно, – добавил он, задержав руку на ее голове.

Гарриет пристально смотрела на мужа.

– Я просто хочу понять, зачем ты делаешь это со мной, – сказал он.

– Я ничего с тобой не делаю. Ангела не говорила мне, что я не должна выходить, – повторила она.

– Ох, Гарриет. Ты не помнишь, да? – Брайан, придвинулся еще ближе. И взял ее за руки, стиснув пальцами повыше локтей. – Я знал, что это снова случится, – продолжал он.

– Брайан, я знаю, что Ангела мне этого не говорила. Я бы вспомнила об этом. Если бы она сказала мне не выходить, я бы не стала.

– Ох, Гарриет... – Он покачал головой. – Ты хоть представляешь, как тяжело это для меня? Я пытаюсь разобраться в деле с Алисой, и я не могу волноваться и за тебя тоже. – Он сжал ее чуть крепче. – Есть вещи, которые ты предпочитаешь забыть.

Когда Гарриет не ответила, Брайан продолжил:

– Мы вернемся к доктору. Я запишусь на прием в понедельник утром.

– Мне не нужно встречаться с доктором. – Она была настроена решительнее, чем обычно. Она вовсе не хотела, чтобы ее снова отвели к врачу.

Сжав еще один раз напоследок, он выпустил ее руки и, встав, отошел к окну. Его голова опустилась. Гарриет наблюдала, как медленно колышутся его плечи. Вверх, вниз, вверх, вниз.

Когда она больше не могла выносить напряжения, то нарушила молчание:

– Хорошо. Извини. Я верю тебе. Я вспомнила сейчас; я знаю, твои слова насчет Ангелы, – правда. Так что мне нет необходимости опять встречаться с доктором, Брайан.

– Это хорошо, любовь моя, – произнес он, оборачиваясь и улыбаясь; в его темных прищуренных глазах прыгали солнечные зайчики. – Я знал, что в конце концов ты вспомнишь.

Сейчас

Детективу Роулингс я не нравлюсь. Это ясно по тому, как она смотрит на меня хмурым изучающим взглядом из-под своих тонко выщипанных бровей. Я не из той породы мам, с которыми она хотела бы дружить, хотя я сомневаюсь, что у нее есть собственные дети.

Роулингс интересуется различиями между Гарриет и мной. Не такими вызывающе очевидными, как деньги и дома, а маленькими нюансами, которые нас разделяют.

– Вы были рады поделиться всеми подробностями своей жизни, – говорит она. – Но поступала ли Гарриет так же с вами?

Детектив уже знает ответы на большинство своих вопросов. Я уверена, что ее цель – выявить промахи и несоответствия в моих словах.

– Я не делилась всем подряд, – возражаю я в свою защиту. – Многие детали моей жизни – личные.

– Но вы говорили о своем воспитании и тонкостях вашего брака.

– С Гарриет – да, – признаю я. – Но Гарриет моя подруга; так делают друзья.

– Однако Гарриет не открывалась вам таким же образом?

– Послушайте, я действительно не понимаю, к чему вы клоните. – Я не собиралась огрызаться и теперь задумываюсь – не перешла ли я черту.

– Да или нет, Шарлотта?

– Гарриет рассказывала мне то, что хотела. Я не могу заставить кого-

либо говорить о своей домашней жизни, если они этого не желают, – отвечаю я.

– Или, может быть, вы не пытались, – замечает Роулингс и откидывается назад на стуле, как будто удовлетворена своей козырной картой.

Мои пальцы прекращают беспокойно ерзать по поясу и вместо этого крепко сжимаются вокруг него до тех пор, пока из них не уходит сила. Я знаю – она думает, что я не была хорошей подругой для Гарриет, что я брала больше, чем отдавала, но ее осуждение злит меня. Ей оказалось удобнее расположиться на стороне Гарриет, если здесь вообще есть стороны, которые можно принять. Еще до того, как я вошла в эту комнату, детектив, вероятно, уже всё для себя решила.

– Мне придется взять еще один перерыв, если вы хотите, чтобы я отвечала на дальнейшие вопросы, – резко говорю я.

– Конечно, конечно. Берите столько, сколько вам нужно. – Роулингс указывает жестом на дверь, но не улыбается, и снова я задумываюсь – стоит ли сказать ей, что я не готова оставаться тут дольше.

Как только я выхожу на свежий воздух внутреннего двора, я звоню Тому.

– Как дети? – спрашиваю я прежде, чем у него появляется возможность что-то сказать. – Они спят?

– Конечно, – говорит он. Он сам кажется сонным, как если бы я его разбудила. Но если и разбудила, то меня это не особенно заботит.

– Что насчет Молли? – продолжаю я. – Она в порядке? У нее понизилась температура?

– Я думаю, да, – отвечает Том. – Впрочем, она быстро уснула.

– Иди и проверь ее, – велю я ему. – Если лоб горячий – градусник в ванной.

– Шарлотта, я знаю, где лежит градусник, – произносит он. – Ты уверена, что с тобой всё в порядке?

– Я в порядке. Кажется, вечерок затягивается. Это займет больше времени, чем я думала.

– Ты всё еще в участке? – Он кажется удивленным. – Я думал, ты уже на пути домой.

– Я уверена, это еще не слишком надолго. Очевидно, им нужно многое узнать из первых рук.

– Но они ведь не... ну, ты понимаешь. Они ведь не подозревают в чем-то тебя? – спрашивает Том осторожно. – Я имею в виду, они ведь не думают, что ты сделала что-то плохое, верно?

– Нет, – я притворно смеюсь. – Конечно, нет. Как я тебе уже говорила, я здесь, чтобы помочь им, вот и всё. Лучше я сделаю всё это сейчас, а потом, надеюсь, им больше не придется со мной разговаривать.

– Да, конечно. Просто такое чувство, что ты там уже действительно давно.

– Так и есть, Том, прошло почти четыре часа, – говорю я, глядя на свои часы.

– И правда.

Я чувствую, как он пытается понять – что происходит на самом деле, и задумывается: может, я ему что-то недоговариваю? Но затем Том решает, что я говорю всё как есть. Как заметила проницательная Роулингс – люди вроде меня рассказывают всем, что происходит в их жизни.

– А есть еще какие-нибудь новости? – спрашивает он. – Ну, ты знаешь, о...

– Нет, – отвечаю я, прислоняясь к стене. Ноги меня не держат. – Нет, об этом мне не говорили. Да я и не знаю, сказали ли бы они, в любом случае.

– Ну ладно, аккуратней там. – Я думаю, Том готов вернуться ко сну. – Позвони мне, как выйдешь.

– Хорошо. Спасибо тебе. – Я надеюсь, он не спросит, за что, но благодарна ему, что он находится там ради меня, заботясь обо мне так, как я больше не могу ожидать ни от кого другого.

Я вспоминаю, как вскоре после рождения Молли Том сказал кое-что, не вызвавшее у меня большого отклика в то время. «Теперь ты всегда будешь матерью моих детей, – сказал он. – Всё изменилось, теперь между нами совсем иные масштабы. Что бы ни случилось, я никогда не перестану заботиться о тебе».

Я отмахнулась от него тогда, но теперь знаю, что он имел в виду, и от этого расстояние между мной и моей семьей кажется еще более невыносимо далеким.

Когда я заканчиваю разговор и возвращаюсь в участок, мое сердце трясется так же, как мои ноги, пока я волокусь к торговому автомату взять очередной кофе. Я жду, пока наполнится чашка, и тут ловлю в поле зрения детектива Роулингс в дальнем конце коридора, встречающую кого-то у входных дверей. Когда детектив отшагивает в сторону и яркий свет ламп заливают вход, я понимаю, что она разговаривает с Хейзом, который, вероятно, только что приехал. И хотя я должна с облегчением увидеть знакомое лицо, у меня лишь сильнее екает в груди.

Гарриет

В воскресенье утром, через восемь дней после исчезновения Алисы, Гарриет проснулась в шесть утра и вышла из дома. Первым делом она проверила и убедилась, что Брайан всё еще спит. Он спал, и это было неудивительно, так как он шуршал и скребся внизу большую часть ночи, как огромная мышь, и ушел в постель только под утро.

Гарриет заметила, что его привычки и режим сна изменились за последнюю неделю. Накануне он отправился на рыбалку, но прошел всего час, а он уже вернулся обратно домой, чтобы находиться вместе с Гарриет. И хотя она всегда первой ложилась спать, Брайан обычно вскоре следовал за ней. Однако в течение недели Гарриет лежала в постели одна, почти без сна, а Брайан бодрствовал до двух или трех часов ночи, бродя кругами под ней. Она понятия не имела, что он там делал.

Гарриет спустилась по лестнице, споткнулась о ботинки, приткнутые под вешалкой, и осторожно, чтобы не разбудить спящего мужа, открыла и закрыла за собой входную дверь. С чувством благодарности, что журналисты не ждут ее в такую рань, она глубоко вдохнула утренний воздух и забралась в свою машину.

Проезжая вдоль ближайшего участка береговой линии, Гарриет взглянула на скалы. Высокие и зубчатые, они отвесно спускались вниз к морю. Когда поднимался ветер, волны бились об эти камни. Неосвещаемая дорога считалась опасной в ночное время, и было несколько случаев, когда превысившие скорость автомобили вылетали за край. Помятый барьер-отбойник тянулся параллельно дороге, как отрезвляющее напоминание об этом.

Гарриет ехала еще минут пять, пока не добралась до крутого поворота, возле которого притормозила и свернула по каменистой дорожке вниз к автомобильной площадке.

Она любила это место. Сам пляж здесь был крошечным и очень галечным. Алиса всегда жаловалась, что ей не нравится идти по камням к морю, потому что ногам больно, но Гарриет находила его красивым. Она могла просто сидеть на берегу и шевелить пальцами ног в воде, прозрачной, как стекло, пока Алиса набирала камушки в ведро.

Гарриет открыла багажник, вытащила небольшую сумку из-под одеяла для пикников и пошла к морю. Это выглядит так умиротворяюще, подумала она, когда стянула платье и положила его на камни. Поигрывая завязками своего красного купальника, она вошла в воду, осторожно, шаг за

шагом, не сводя глаз с горизонта. Холод не беспокоил ее. Он притупил ее чувствительность, а ей и нужно было ничего не чувствовать, хотя бы только на мгновение.

С каждым шагом вода постепенно накрывала ее тело, дюйм за дюймом поглощая ее. Она подкрадывалась к ее бедрам, захлестывала талию, медленно поднимаясь к подмышкам, до тех пор пока Гарриет не погрузилась вся целиком. Она опустила голову под воду и держала ее там так долго, как могла, до нехватки воздуха.

Освобождение пришло мгновенно. Так происходило и раньше – Гарриет чувствовала анестезию, и вся ее боль куда-то уходила. И это было великолепное ощущение.

Но оно никогда обычно не длится особенно долго.

А потом Гарриет поплыла. Всё дальше и дальше, рассекая воду энергичными взмахами, поддерживая правильное кровообращение. Каждый раз, когда она опускала голову в воду, только основной инстинкт выживания возвращал ее обратно.

Хотя она и сказала Ангеле, что не умеет плавать, на самом деле бывали времена, когда Гарриет плавала в море каждую неделю, круглый год. Кристи, университетская подруга, втянула ее в это. Гарриет любила эйфорию, которую испытывала, позволяя воде поглотить себя. Ничто не могло сравниться с тем моментом чистого блаженства, когда она становилась частью природы, а та – ее частью.

Но в один день она это прекратила. Это случилось через шесть недель ее замечательных новых отношений с Брайаном. Он удивил ее, заявившись к ней с большой корзиной для пикника, и еще больше – когда проехал тридцать миль, чтобы отвезти ее на пляж.

«Я знаю, это твое любимое место», – сказал он, и Гарриет почувствовала, что проваливается в свою любовь еще глубже. Она вспомнила, как молилась, чтобы ничто не поставило под угрозу их отношения. Никто никогда не заставлял ее ощущать себя такой особенной.

Брайан разложил на песке клетчатое одеяло. Они разговаривали, смеялись и кормили друг друга клубникой.

«Разве это не выглядит маняще?» – кивнула Гарриет в сторону воды, когда они, держась за руки, брели вдоль берега, шлепая по волнам, плещущимся вокруг их ног. Налетевшая волна, более высокая, чем до этого, быстро и сильно погнала бурлящую воду по направлению к ним. Гарриет вскрикнула от детского восторга, но Брайан отскочил назад с выражением нелепой паники на лице.

«Я пойду посижу на коврике», – сказал он и развернулся на пятках, не оставив ей другого выбора, кроме как последовать за ним.

Вернувшись к безопасному одеялу для пикника, Брайан, покраснев от смущения, признался, что не только не умеет плавать, но и вообще боится воды. Гарриет упрасивала его открыться и рассказать, почему, но чем больше она наседала, тем больше он уклонялся, пока в конце концов не выпалил:

«Это не то, о чем мне нравится говорить. Но кое-что случилось со мной в детстве, и я бы предпочел не думать об этом чересчур усердно».

Он отвернулся, и Гарриет ничего не ответила, а просто потянулась к нему, коснувшись его ноги. Брайан вздрогнул и тихо произнес:

«Моя мать была не слишком внимательна. Она думала – ничего особенного, если я зайду в море один, хотя мне было шесть лет. Она даже не заметила, что меня затянуло под воду, пока какой-то незнакомец ей не крикнул».

«Ох, Брайан, – сказала Гарриет. – Прости меня».

«Да это не проблема на самом деле», – отозвался он, резко сменив тон, и начал собирать незаконченный пикник. Гарриет поняла, что ей нужно что-то делать. День превращался в испорченный, и она уже чувствовала, как Брайан ускользает от нее. Со всепоглощающим чувством жалости и страха, что она может потерять его по-настоящему, Гарриет сказала первое пришедшее в голову – что она тоже не умеет плавать.

Брайан повернулся к ней и перестал собирать еду. Он взял ее лицо в свои ладони и произнес:

«Теперь я абсолютно уверен, что мы созданы друг для друга».

Он выглядел таким благодарным от ее маленькой лжи во спасение, и Гарриет немедленно почувствовала их близость снова. В тот момент она не думала о последствиях – что теперь, пока они вместе, она никогда не сможет зайти в море. Но тогда она была так влюблена в Брайана, что казалось – очень легко без этого обойтись.

С тех пор Гарриет жила со своей ложью. Она потеряла связь со многими друзьями, включая Кристи, вскоре после начала отношений с Брайаном, поэтому не было угрозы, что он случайно узнает правду. Эта тема редко поднималась сейчас, но если вдруг такое случалось, Гарриет просто говорила людям, что не умеет плавать.

В то воскресенье Гарриет вернулась домой в семь сорок утра. Брайан всё еще спал, так что она тихо прокралась в ванную и спрятала свой мокрый купальник на дно корзины для белья, где он никогда бы его не

нашел. Запах соленой воды скрыть было труднее, и пока теплые струи душа стекали по ее телу, она размышляла – как Брайан на самом деле поступит, если узнает.

«Всё, о чем я прошу, – это чтобы ты была честна со мной, Гарриет. Я ведь не слишком много прошу, верно?» Он всегда умолял ее быть честной. Как будто в их браке не хватало честности.

На следующее утро телефон Гарриет звякнул оповещением о неожиданном сообщении.

– Всё нормально? – спросила Ангела, когда Гарриет вперила взор в послание.

– Да. Я только что получила весточку от старой подруги.

– Ох, вот как.

Для Гарриет это тоже явилось сюрпризом.

– Забавно, – сказала она. – Я только вчера думала о своих университетских подругах, а сейчас одна из них мне написала.

– Что она пишет? – спросила Ангела, наполняя ведро водой. Она предложила вымыть на кухне пол, хотя, на взгляд Гарриет, он выглядел безупречно чистым.

Гарриет прочитала текст вслух:

– «Я не знаю, по-прежнему ли это твой номер, но я увидела тебя в новостях. И хочу, чтобы ты знала – я думаю о тебе. Дай мне знать, если я могу что-нибудь сделать». – Гарриет подняла глаза. – Это от моей подруги Джейн. Она была одной из моих лучших подруг в универе. Она, Кристи и я всё делали вместе.

– Это хорошо, что она вышла с вами на связь.

– Да, так и есть. Я не видела ее целую вечность. Ну, всех их, вообще-то.

– Отчего же? Вы просто отдалились друг от друга? – Ангела закрыла кран и тяжело опустила ведро на пол. Гарриет задумалась, ожидает ли она помощи в уборке, но это было последним, что ей хотелось делать.

– Нет, – ответила она. Ангела выжидательно молчала, со шваброй наготове. – Ну, может, и так; я не помню в точности, что случилось, – продолжила Гарриет, с рассеянным видом поглаживая телефон пальцем.

Конечно же, она помнила. Каждую подробность.

– Мне очень нравились Джейн и Кристи. Я никогда не имела много подруг в школе; я не была популярной девочкой и полагаю, моей популярности не способствовало в том числе и то, что мама держала меня в такой... – Она взмахнула рукой в воздухе. – Какое слово я ищу?

– Вы имеете в виду то, как она опекала вас? – спросила Ангела.

– Да. Она не спускала с меня глаз в буквальном смысле слова. Трудно заводить друзей, когда твоя мама всегда пасется неподалеку.

Ангела опустила голову прежде, чем Гарриет успела поймать выражение ее лица. Ангела подумала, что она стала такой же, как ее собственная мать? Это до боли ясно – что сходства больше, чем хотелось бы самой Гарриет.

– Джейн была похожа на меня, – продолжала она. – Прилежная и рассудительная. Другие, наверно, думали, что мы нудные. – Она улыбнулась воспоминаниям. – Кристи была дикой, однако. Не тусовщицей или кем-то в этом роде, но отважной, рискованной. У нее были такие сумасшедшие кудрявые рыжие волосы. Это она втянула меня в... – Гарриет резко осеклась и поиграла пальцами со своей кофточкой. Как легко она почти открыла правду. Живой пример того, как мало она говорила о своих старых подругах. – Кристи любила путешествовать. Когда мы покинули универ, она отправилась в поход. Она хотела, чтобы я пошла вместе с ней.

– Но вы этого не сделали?

Гарриет покачала головой.

– Я даже никогда не была за границей, – она грустно улыбнулась. – Вы можете в это поверить? У меня никогда не было паспорта^[5].

Ангела окунула швабру в ведро, расплескав воду через край. Она взглянула на Гарриет:

– В самом деле?

Гарриет могла видеть, что Ангела поражена, но, конечно, это было не так уж необычно.

– Вам правда не нужно было этого делать. – Она указала на пол. – Он не настолько грязный.

– Я просто хотела быть полезной, – улыбнулась Ангела. – Так вы скучаете по своим подругам?

– Я так не думала, но теперь, после того как Джейн... – Гарриет умолкла, растерявшись.

– Тогда напишите ей ответ и скажите, как приятны ее слова и что вы хотите поговорить. Никогда не поздно восстановить связи, Гарриет. Настоящие друзья всегда рядом с вами, и не имеет значения, сколько времени прошло.

– Только я не думаю, что была так же добра к ней, – тихо сказала Гарриет.

– Что произошло? – спросила Ангела, неподдельно удивившись.

– Это случилось через пару месяцев после того, как я начала встречаться с Брайаном. Джейн обычно приглашала меня в гости в свою

квартиру, но это приглашение никогда не распространялось на него. Я не возражала, потому что мне было приятно увидеться с ней и наедине, но Брайану это не нравилось. Он сказал, что если бы она была такой хорошей подругой, то не пыталась бы держать меня подальше от него. – Гарриет вспомнила, как он расстроился. Она говорила ему снова и снова, что уверена – ему тоже были бы рады, но Брайан тупо отказался слушать.

– На самом деле, я думаю, Джейн он был просто не особо интересен, но из вежливости она этого не говорила. Однако Брайан допустить такого не мог. Он уверял: «Ей не нравится то, что у тебя есть парень, Гарриет. Такие девушки, как она, не выносят, когда их подруги счастливее, чем они сами».

«Злорадство, любовь моя, – говорил он ей. – Ты наверняка слышала об этом. Совершенно очевидно, что Джейн просто завидует тебе и будет счастлива, только если ты несчастна».

Конечно, Гарриет слышала о таком, но это было не о Джейн. Джейн выбежала со своего экзамена, когда узнала, что мама Гарриет умерла, и полчаса спустя собрала подругу заново из плачущего комка, вжимавшегося в уголке в пол больничного коридора. Она стояла рядом на похоронах ее мамы, а когда Гарриет выходила на сцену, чтобы принять награду «Перспективный студент», именно Джейн сидела на местах, выделенных для семьи, громко аплодируя своей лучшей подруге.

– Я приняла сторону Брайана и спросила Джейн, ревнует ли она меня. Она сказала, что я рехнулась, и я попыталась объяснить Брайану, что он ошибся. Но он ответил: «Конечно, она так говорит, она полностью манипулирует тобой». – Гарриет вздохнула. – Я поверила ему, – произнесла она с грустной улыбкой. – Нет, на самом деле я никогда ему не верила. Я просто выбрала его.

– Ох, Гарриет, – вздохнула Ангела. – Я уверена, что Джейн простит вам всё, что случилось в прошлом. Очевидно, что она достаточно беспокоится о вас, если вышла на контакт, а кроме того, – продолжила она, отставив швабру к раковине и потянувшись взять Гарриет за руку, – я думаю, что вам сейчас не помешает подруга.

– Я не заслуживаю ее. – Гарриет отошла от Ангелы и принялась возиться с чашками в раковине.

– Вы поддерживаете связь с кем-нибудь еще из вашего прошлого? Например, из школы, в которой вы работали в Кенте? – спросила Ангела.

Гарриет покачала головой, думая о Тине. Причине, по которой они переехали в Дорсет.

– Нет. Все остальные тоже исчезли из моей жизни, – произнесла она

категорически.

Ангела открыла рот, будто собираясь что-то сказать, но тут у нее зазвонил мобильный.

– Это Хейз, – сообщила она, жестом указав направлении коридора – «я пойду туда». Она приняла звонок, покидая кухню. – Какого черта? Что вы имеете в виду? – пробормотала она, исчезая в гостиной и закрывая за собой дверь.

Гарриет шагнула вперед. Голос Ангелы звучал приглушенно, но она без труда могла разобрать, что та говорит.

– Кто? Брайан? Но зачем ему это делать?.. Нет, вы правы, – Ангела вздохнула. – Это многое меняет.

Шарлотта

Когда в понедельник утром в дверь позвонили, я была погружена в раздумья. Никто из нас не ожидал, что пройдет целая неделя без новостей об Алисе. Я подбросила детей в школу, Эви в детский сад и позвонила в офис объяснить, что всё еще не могу прийти очно. И как часто сейчас бывало, в моей голове бродили мысли о Гарриет и Брайане.

Когда звонок продребезжал второй раз, я открыла дверь человеку, выглядящему смутно знакомым. У него была козлиная бородка и глаза, выпученные из-под челки, которая свисала слишком низко.

– Шарлотта Рейнолдс? Я Джош Гейтс, – представился он, протянув руку. Аляповатый золотой перстень сверкал на его мизинце. Я осторожно кивнула.

– Как вы себя сегодня чувствуете? – спросил он в раздражающе фамильярной манере, как продавец.

Я ответила, что нормально.

– Я из «Дорсетского Ока».

– О-о. – Теперь я поняла, где его видела. Это тот журналист с пресс-конференции, который обвинил меня в том, что я была в «Фейсбуке», когда Алиса исчезла. Тот, кто впоследствии написал статью в газете. – Мне нечего сказать, – я начала закрывать дверь, но быстрая, как молния, нога Джоша остановила ее. – Пожалуйста, не могли бы вы убрать ногу?

– Я подумал, может, вы захотите рассказать всю историю со своей стороны? Поможем людям узнать правду?

– Я же говорила вам, что мне нечего сказать. А теперь, пожалуйста,

уберите свою ногу с моего порога. – Я снова толкнула дверь, но она не сдвинулась с места.

– На самом деле я не про этот случай. Я имею в виду другую историю, Шарлотта.

– Какую другую? О чем вы вообще говорите?

– У вас тут прекрасное местечко, – произнес он, заглядывая мне через плечо. – Должно быть, стоит изрядно. Может, я зайду, чтобы мы смогли поболтать внутри?

– Я спросила вас, о чем речь, – процедила я сквозь зубы.

– Ну, я слышал, что вы не в первый раз теряете ребенка.

– Что?

– И однажды ваш мальчик, Джек, пропал.

– Я не... я... – Я тряхнула головой. В уголке моего сознания словно сверкнула вспышка, когда я вспомнила тот случай с Джеком, о котором говорил Джош. Я рассказывала о нем лишь одному человеку, и мой мир, и без того теперь сложенный из шатких кусочков, начал разваливаться на глазах.

– Судя по всему, однажды днем он ушел, а вы не заметили его отсутствия? – Джош удивленно приподнял брови.

– Кто вам это сказал? – воскликнула я, хотя, конечно, уже знала, кто. Я просто не могла поверить, что Гарриет так поступила.

– Так это правда?

– Убирайтесь вон с моей собственности! – прошипела я, пинком вышвыривая ногу Джоша за дверь и захлопывая ее. – Проваливайте от моего дома! – крикнула я. – Я звоню в полицию!

– Я всегда могу поговорить с продавцом газет, который его нашел, если вы предпочитаете так, – сообщил Джош через дверь.

– Просто отвалите! – всхлипнула я. – Оставьте меня в покое! – Я прислонилась спиной к входной двери, соскользнула вниз и уткнулась лицом в руки. Коридор кружился вокруг меня, вызывая волны тошноты. Почему все так интересуются мной? Они должны были сосредоточиться на чудовище, которое похитило Алису, но вместо этого их внимание приковано ко мне. Почему все так хотят убедиться, что я одна виновата?

Это случилось три года назад, когда Джек потерялся. Я шла домой из магазина вместе с детьми. Молли спала в двойной коляске, ее младшая сестра рядом с ней кричала всю дорогу, а Джек проскочил на несколько метров вперед. Как только я впустила нас всех в дом, мне нужно было накормить Эви, пока она не разбудила Молли.

«Надеюсь, ты не будешь требовать этого вечно», – пробормотала я, вытаскивая Эви.

Я толкнула коляску в коридор и усадила Эви на свои колени в гостиной. Джека было не слышно, и я предположила, что он играет со своей новой железной дорогой.

Когда Эви присосалась к моей груди, в доме воцарилась тишина. Я откинула голову на спинку дивана, прикрыла глаза и позволила слезам усталости стекать по щекам. Мое утомленное тело болело, и мне не понадобилось много времени, чтобы провалиться в сон, пока я кормила Эви.

Когда я проснулась, веки Эви трепетали на ранних стадиях сна. Я не хотела ее беспокоить, но всё равно тихо позвала Джека. Он не ответил, но он отвечал не всегда, так что я снова откинула голову и закрыла глаза.

Когда зазвонил телефон, я его проигнорировала. Я не желала двигаться, и мне не хотелось перекладывать Эви в коляску, где всё еще спала Молли. Когда телефон замолчал и сразу же зазвонил снова, я осторожно переместила Эви на диван и встала, чтобы ответить на звонок. Как только я вышла в коридор, первое, что я заметила, – широко открытая входная дверь.

«Джек, ты где?» – крикнула я. Я была уверена, что закрыла ее за собой. Эви начала плакать снова. Я видела, как она извивается на диване, и знала, что вообще-то не должна оставлять ее там, но Джек по-прежнему не отвечал.

«Джек? – Я посмотрела на свои часы. Мы находились дома больше получаса. – Джек! – Его имя застряло у меня в горле, когда я взбежала вверх по лестнице, заглядывая в каждую из комнат. – Если ты прячешься, тебе нужно выйти прямо сейчас!»

Телефон зазвонил в очередной раз, и когда прекратил, то немедленно начал звонить опять. Наверно, с пятого раза я подняла трубку и крикнула в нее: «Да?» Лишь затем, чтобы услышать спокойный голос мистера Хэдлоу из углового магазина, сообщившего, что Джек возле его прилавка. Кто-то, проходя мимо, нашел его снаружи.

– Почему ты никогда мне этого не рассказывала? – спросила Одри, появившись у меня через пятнадцать минут после ухода Джоша Гейтса. Я всё еще сидела на полу в коридоре, когда она приехала.

– Тому я тоже ничего не говорила.

Я ничего не сказала мужу, потому что это подтвердило бы мой провал. Я не могла рассказать и матери, которая напомнила бы мне, что трое

детей – это больше того, с чем я способна справиться. И я не говорила Одри, потому что она начала бы заверять меня, что «такие вещи случаются», но я бы всё равно увидела шок на ее лице. Одри запирает за собой входную дверь и не оставляет двери машины широко открытыми на всю ночь по ошибке. Она не потеряет ни футляр от солнечных очков, ни часы, ни своих детей. И Одри никогда не потеряет чужого ребенка.

– Но ты говорила Гарриет?

– Это так важно сейчас? – отозвалась я, хотя чувствовала себя виноватой. Я не могла сказать Одри, что доверилась другой подруге, потому что хотела иметь кого-то, кто не осуждал бы меня ни за что. Не теперь, когда я хорошо убедилась, что Од моя единственная подруга, не осуждающая меня сейчас.

– Да или нет? – настаивала Одри. – Очевидно, она выболтала всё этому персонажу из ужастиков, Гейтсу.

– Я рассказала ей только для того, чтобы она поменьше волновалась, – призналась я.

– Это как?

– Она паниковала из-за чего-то совершенно неважного, вроде того, что забыла взять запасной подгузник для Алисы. Я даже не помню, что это было. В любом случае, это произошло через год после того случая, как я потеряла Джека. Я хотела донести до Гарриет, что мамы не идеальны, даже те, о которых она, кажется, так думала. – Мы обе знали, что Гарриет возводила меня на пьедестал. – Я рассказала ей, чтобы она почувствовала себя лучше, и заставила пообещать, что она никому не скажет.

– Ну, она всё так и сделала.

– Я сказала: «Не говори даже Брайану», а она ответила: «О Боже, нет, я бы никогда не сказала Брайану», так что я не беспокоилась о дальнейшем.

– Это странно сказано.

– Что именно?

– «О, Боже, нет, я бы никогда не сказала Брайану».

– Возможно.

– Я бы никогда так не выразилась о Дэвиде.

– Ох, Од, – вздохнула я. – Неужели это действительно имеет значение?

– Нет, наверное, нет, – ответила Одри. – Но я всё равно думаю, что это странно.

– Что же мне теперь делать? – спросила я, уронив голову на руки. – Гарриет должна по-настоящему ненавидеть меня, чтобы сообщить об этом журналисту. – Рассказав ему эту историю, она подтвердила то, что он и так уже подозревал обо мне на пресс-конференции. Что я безответственная и

мне нельзя доверять. – Я не могу поверить, что она это сделала, – добавила я. – Я знаю, ей, должно быть, больно, но это... как-то неправильно.

Сейчас

– Как вы думаете, почему Гарриет обратилась к прессе? – спрашивает детектив Роулингс.

– Я не знаю, что именно она это сделала, – говорю я. Мои глаза воспалены от постоянного растирания. Я желала бы иметь возможность приложить к ним пакет со льдом, но всё, что я могу сейчас сделать, это попытаться прекратить прикасаться к нежной коже.

– Но она, вероятно, рассказала кому-то? – Детектив неумолима. – Несмотря на то что вы просили этого не делать. Это, должно быть, вас разозлило?

– Разозлило? – Я готова рассмеяться над женщиной, которая, очевидно, не имеет об этом никакого понятия. – Нет, не разозлило. В некотором смысле я думаю, что у нее есть полное право рассказывать об этом журналисту, или своему мужу, или кому она пожелает. – Я вздыхаю. – Мне кажется, это Брайан. Думаю, что в какой-то момент Гарриет рассказала ему, и он поговорил с Джошем Гейтсом.

– Почему вы так думаете?

– Из-за того, что он сказал, когда пришел ко мне в среду вечером, два дня назад, – отвечаю я язвительно. Я делаю вдох, а затем добавляю, несколько более спокойно: – Я изо всех сил пытаюсь понять, насколько это актуально. То, что случилось, когда Джек был маленьким, не имеет ко всему этому никакого отношения.

– Мы просто пытаемся выстроить полную картину. – Роулингс поджимает губы, складывая их в идеальное сердечко.

Я отворачиваюсь в сторону и откидываюсь назад на стуле, сопротивляясь желанию скрестить руки на груди. Она подбирается ко мне, и я должна быть осторожна. Но сказать, что я устала, – это грубое преуменьшение.

– Давайте поговорим о звонке, который вы приняли этим утром, – предлагает детектив. – Утром пятницы, спустя тринадцать дней после вашего последнего разговора с ней. Наверно, вы испытали шок?

– Так и было.

– Что вы делали, когда Гарриет позвонила?

– Я предполагала встретиться с инспектором Хейзом. Он попросил меня подъехать в участок, но потом мне позвонили из школы и сказали, что Молли нездорова. Поэтому я сперва собиралась забрать ее.

– И звонок от Гарриет был совершенно неожиданным?

– Да.

– Какой она вам показалась?

– Испуганной. Отчаявшейся, – говорю я, вспоминая звук ее голоса с пугающей ясностью.

– А как вы думаете, почему она позвонила вам?

– Наверно, потому, что я была первым человеком, о котором она подумала.

– После того, что случилось, Гарриет всё равно обратилась к вам? Почему она так поступила? – спрашивает Роулингс.

– Я не знаю, – мой голос поднимается на тон выше. – Она казалась напуганной. Скорее всего, потому, что Гарриет больше некому было звонить.

– И как только она вам позвонила, вы поспешили к ней на помощь? – спрашивает детектив, поднимая на меня глаза в ожидании ответа.

– Ну... нет, – отвечаю я. – Как я уже сказала, мне нужно было забрать свою дочь из школы.

– Так ваша близкая подруга звонит вам, испуганная и отчаявшаяся, и какое-то время всё, что вы делаете, – это ничего?

– Не «ничего». Я должна была присматривать за дочерью после...

– Но вы не позвонили в полицию?

– Нет.

– И не рассказали кому-то еще?

– Нет.

– Несмотря на то, как отчаянно звучал голос Гарриет?

Я молча киваю.

– Тогда я не понимаю, почему вы мешкали, вместо того чтобы делать хоть что-то, Шарлотта? – спрашивает Роулингс. – Почему вы сидели сложа руки в течение часа – или даже больше, – прежде чем решить, что делать?

Мой рот остается сухим вне зависимости от того, сколько раз я сглатываю. Я наклоняюсь вперед на стуле, держа руки под собой. Мое сердце болит; оно бьется так сильно, что почти выскакивает из груди, и всё это время детектив не сводит с меня глаз.

Но я не могу рассказать ей правду.

– Ну же, Шарлотта? – давит она на меня, поторапливая с ответом. Вдоль линии моих волос выступает тонкая полоска пота, и я вытираю лоб. Я должна что-то сказать, но чем сильнее я стараюсь, тем быстрее слова убегают от меня. Мой голос звучит низко и хрипло, когда я наконец шепчу:

– Я хотела бы взять еще один перерыв. Пожалуйста...

Некоторое время назад

Гарриет

Старший инспектор Хейз прибыл через десять минут после того, как Ангела повесила трубку, и Брайан быстро провел его в задний сад.

– Давайте в дальнейшем не волновать мою жену, – буркнул он детективу. – Она достаточно в курсе дела на данный момент.

Гарриет наблюдала за ними через окно. Оба мужчины повернулись к ней спиной; Ангела молча стояла рядом с ними. Гарриет знала, что, если бы это было что-то серьезное, они бы отвезли Брайана в участок, но всё-таки отчаянно хотела услышать, о чем они говорили. Что он натворил такого, что заставило детектива примчаться сюда так быстро?

Когда Брайан в конце концов вернулся в дом, Ангела и Хейз остались, разговаривая, в саду. Брайан захлопнул дверь и ударил кулаками по столу. И вскинул голову, заметив застывшую Гарриет.

– Почему они допрашивали тебя? – Она продолжала наблюдать за детективами в окно.

– Они не допрашивали меня, – коротко произнес Брайан. – У них были вопросы, да, но они не допрашивали меня. – Он замялся, словно думал о том, что сказать дальше. – Ты хочешь есть?

– Нет, я не голодна, – ответила Гарриет.

Его тело обмякло, когда он убрал свои шарообразные кулаки со стола.

– Ты ничего не ела всё утро. Я приготовлю тебе тост.

– Брайан, я не хочу тост.

– Я положу тебе немного меда на него. – Он начал рыть нору через банки в буфете, пока не нашел сзади горшочек с медом. Брайан знал, что она не любит меда. Это только он им питался.

Гарриет глубоко вздохнула.

– Почему ты не скажешь мне, о чем они хотели с тобой потолковать? – Она ненавидела просить, но боялась, что Брайан теперь что-то знает об Алисе, а она нет.

– Гарриет! – Брайан сильно хлопнул банкой о стол. – Я собираюсь что-нибудь поесть. Как я только что тебе говорил, я расскажу всё, после того как поем. Ну пожалуйста – можешь ты выслушать меня хоть раз и принять к сведению мои слова, а не пытаться всем манипулировать? Ты должна

понимать, что ты со мной делаешь.

Крик зарождался у нее внутри, готовый выстрелить из тела, словно пуля, как это часто случалось. Если бы Гарриет открыла рот, то не смогла бы сдержать его, он вышел бы наружу и залил комнату той болью, которая ее переполняла. Она слишком хорошо знала, что если закричит, то Брайан победит. Позовет Ангелу и инспектора и заявит им, что у его жены, похоже, опять нервный срыв.

Брайан не скажет ей, что произошло в саду, пока не будет готов. Не скажет до тех пор, пока не наиграется этой ситуацией вдоволь. Возможно, муж будет молчать, пока она не покинет комнату, вся в раздумьях, что же за беседа с детективом состоялась возле песочницы.

Смирившись, Гарриет зажмурила глаза, чтобы загнать обратно готовые вырваться слезы, и стояла так, пока не ощутила запах тоста.

– Кушай! – улыбнулся Брайан, размахивая перед ней кусочком, покрытым медом.

– Я не голодна.

– Тогда зачем ты только что просила меня приготовить его для тебя? – сорвался он и швырнул тост в раковину.

Как только старший инспектор Хейз их покинул, Ангела вошла на кухню и обнаружила, что Гарриет сидит за столом, обхватив голову руками.

– Я пытаюсь чем-нибудь накормить свою жену, – сказал Брайан. Когда Гарриет взглянула на него, он улыбнулся ей.

– О чем вы разговаривали в саду? – спросила Гарриет. Ее не волновало, кто ответит, лишь бы это наконец сделал хоть кто-то.

– Вы ничего не сказали, Брайан? – удивилась Ангела.

– Ох, Гарриет, – Брайан покачал головой и метнулся через комнату к жене. Припав на колено рядом, он взял ее лицо ладонями, нежно поправив ей волосы. – Конечно, я рассказал ей, Ангела, – заявил он, не отрывая глаз от жены. – Я только что прошел через всё это с ней, пока вы оба были снаружи. Ты уже забыла, любовь моя? Я сказал Гарриет, что во всем разберутся и ей не о чем тревожиться. Потому что я не хочу, чтобы она волновалась еще больше. – Он выглядел обеспокоенным, когда поднимался с пола.

– Вы немного побледнели, Гарриет, вы в порядке? – спросила ее Ангела.

– Ты ничего не говорил мне, Брайан, – возразила Гарриет. – Так кто-нибудь из вас объяснит мне, что происходит? Пожалуйста.

Брайан снова глубоко вздохнул и кивнул.

– Конечно, я пройду через всё это еще раз, если это поможет, – произнес он с показным терпением. – Детектив хотел знать, почему мое алиби провалилось.

– Твое алиби провалилось? – переспросила Гарриет.

– Да. Кен Харрис, – сказал он, поглаживая ее плечи. – Ну, ты знаешь, какой он на самом деле. Ты сама говорила, что этот человек в половине случаев не помнит, какой сегодня день. – Брайан сделал паузу. – Ну, и теперь он, кажется, действительно не может вспомнить, что видел меня в тот день, когда пропала Алиса.

– Я никогда даже не встречала Кена Харриса, – медленно проговорила Гарриет, внимательно наблюдая за реакцией Брайана. Когда он не выдал никакой, она продолжила: – Так что это значит – то, что он не помнит, как видел тебя?

– Ничего. Пожалуйста, не смотри на меня так, Гарриет. Ты знаешь, что я говорю правду. Я бы не стал лгать о том, где я был.

Гарриет пожевала губу, не зная, что сказать, а Брайан наклонился ближе.

– Гарриет, я не вру, ты ведь знаешь это, не так ли?

Она слышала отчаяние в его голосе, чувствовала дрожь в его руках и видела, как умоляюще моргают его глаза над ней. Гарриет взглянула на молчавшую Ангелу и тихо произнесла:

– Я больше не знаю, во что верить, Брайан.

Десять минут спустя, в то время как Брайан всё еще был на кухне с Ангелой, Гарриет присела рядом с кроватью и откинула угол ковра. Она вытащила из-под неприбитой половицы свой блокнот, спрятала его под блузку и пробралась в ванную, осторожно переступив через айпад Брайана, который почему-то был оставлен заряжаться на лестничной площадке.

Она заперла дверь, села на закрытый унитаз и открыла толстый темно-серый блокнот «Молескин», которым побаловала себя во время поездки в Уорхэм. Перелистнув его на следующую чистую страницу, Гарриет разгладила корешок ладонью. Затем вытащила серебристую ручку и начала писать.

В мельчайших подробностях она записала, что только что произошло. Что Брайан на самом деле сказал ей, пока Ангела и детектив были в саду. Обещание ее мужа всё рассказать ей позже. Его намерение заставить ее съесть тост и мед. То, как спокойно он заявил Ангеле, что уже поведал жене историю об отсутствии у него алиби. Когда Гарриет закончила, она перечитала свои заметки, отмечая расхождения между тем, во что Брайан

пытался заставить ее поверить, и тем, что произошло на самом деле, пока не убедилась, что знает правду.

Перед тем как закрыть книжку, она полистала страницы, исписанные раньше и ставшие для нее спасательным кругом с тех пор, как она начала писать. Ее первая запись появилась восемнадцатого мая 2016 года, почти двенадцать месяцев назад.

Остальной мир может думать, будто Гарриет сошла с ума. Брайан может пытаться доказать, что так и есть. Но по крайней мере она нашла маленький способ ухватиться за реальность.

В тот же вечер, когда Гарриет набирала себе ванну, она подумала – насколько Брайан был невозмутимо спокоен весь день. Он казался ничуть не обескураженным тем фактом, что его алиби провалилось, пока шастал по дому, наводил порядок на полках, предлагал чашки с чаем и расслабленно листал старые выпуски «Рыболова».

Гарриет напустила в ванну такой горячей воды, что та почти обожгла ее, когда она дотронулась ногой, чтобы проверить. Но она не любила принимать ванны в воде, которая становилась холодной вскоре после того, как в нее залезешь. Когда пена сомкнулась вокруг ее шеи, она закрыла глаза и ощутила, как постепенно уплывает в состояние, близкое к дремоте. И почти уже засыпала, как вдруг раздался крик.

Она подскочила в полный рост, обнаружив Брайана, стоящего в дверях, и свой телефон, присоединенный к зарядке, соскользнувший с края ванны в воду. Гарриет взвизгнула и в ужасе выпрыгнула из ванны, а затем, голая, встала на коврике.

– Что ты делаешь? – вопил Брайан.

Она уставилась на него широко открытыми глазами. Вода стекала с ее дрожащего тела и капала в лужу вокруг ног.

– Я ничего не делала, – пробормотала Гарриет. Она никогда не чувствовала себя столь обнаженной, как теперь, от мысли, что она лежала голая в ванной в то время, как Брайан подкрался.

Муж снял полотенце с радиатора и обернул вокруг нее так плотно, что она не могла пошевелить руками.

– Ты могла убить себя, делая такую глупость.

– Но я этого не делала. Мой телефон даже не был на этом этаже. Я не заряжала его, я никогда не приносила его в ванную. – Гарриет попыталась выпутаться из полотенца, но с каждым движением Брайан всё туже пеленал ее.

– Так скажи мне тогда, что он здесь делает, – заявил он. – Ох уж, моя

доброта... – Брайан привлек ее к себе, и тут они услышали, как Ангела бежит вверх по лестнице.

– Что случилось? – спросила она, переводя взгляд с одного на другую.

– К счастью, ничего ужасного, – ответил Брайан, стрельнув глазами в ванну, где на дне под водой грустно лежал телефон, всё еще с воткнутым шнуром, тянувшимся к двери и дальше на лестничную площадку. – Пожалуйста, дайте мне минутку, чтобы одеть жену, – попросил он, и Ангела кивнула, молча отступив назад из ванной комнаты.

– Тебе повезло, что я успел вовремя! – сказал он, достаточно громко, чтобы Ангела могла слышать. – Я увидел, что телефон подключен, и выдернул его из розетки прежде, чем нашел тебя в ванной.

– Я не делала этого, Брайан, – повторила Гарриет, когда он вывел ее на площадку, где на верхних ступенях переминалась Ангела.

– Это был несчастный случай! – произнес Брайан, и она могла бы поклясться, что видела, как он подал бровями какой-то знак Ангеле. – К счастью, всё в порядке.

– Я видела, как твой айпад заряжался. Это был не мой телефон. – Гарриет оглянулась через плечо, но там не оказалось никаких признаков айпада Брайана. «Это была не я!» – одними губами сказала она Ангеле, которая глядела на вилку, вытащенную из розетки, как и говорил Брайан.

– Если бы меня здесь не было, – заметил он, когда они скрылись в спальне, – ты была бы мертва, любовь моя.

Гарриет

В среду, через одиннадцать дней после исчезновения Алисы, Гарриет поняла, что ей необходимо снова выйти из дома. Она крикнула Брайану и Ангеле, что идет в магазин за молоком. Но, прежде чем она добралась до входной двери, Брайан появился рядом с ней. Откуда он выпрыгнул в этот раз, Гарриет точно не знала, потому что он завел привычку щемиться по углам, а затем набрасываться на нее.

– Но нам не нужно больше молока, любовь моя, – заметил он. – Мы только что купили, вчера вечером.

– Нет, всё закончилось, – заверила она его, настаивая на своем. – Можешь проверить, если хочешь.

Брайан высунул язык, облизывая нижнюю губу. Он явно собирался протестовать, когда Ангела подала голос из кухни. Они оба повернулись,

чтобы увидеть, как она трясет пустой пластиковой бутылкой.

– На самом деле нам нужно молоко, – сказала она, и, пока Брайан смотрел в другую сторону, Гарриет воспользовалась шансом выскользнуть за дверь.

Она поспешила вниз по дорожке, не оглядываясь и потому не замечая, что он всё же стоит на пороге и наблюдает за ней. Когда она вернулась полчаса спустя, Брайан по-прежнему стоял возле открытой двери. Он был там всё это время? Наплевать, подумала она, пытаясь протиснуться мимо него. Всё, что ей требовалось – это попасть внутрь, чтобы прилечь, поскольку внезапно она почувствовала себя ужасно.

– И как твоя прогулка? – Брайан не сдвинулся с места, задержав ее на пороге. Его глаза шарили по лицу жены, пока он ждал ответа.

– Я только купила молока, – пробормотала Гарриет. Ее руки тряслись, и ее кидало то в жар, то в холод. Она надеялась, что это вскоре пройдет, – Брайан уже посматривал на нее странно.

– Ты в порядке? – спросил он наконец, отступая, так что она смогла войти в коридор. – Ты смотришься очень бледной. – Он потянулся и взял у нее молоко.

– Я чувствую себя нехорошо.

– Ты заболела? Выглядишь так, как будто собираешься. Я надеюсь, ничего не случилось, пока тебя не было? – Его улыбка исчезла.

– Нет, – прошептала Гарриет. – Ничего не случилось, я просто на самом деле плохо себя чувствую, и мне нужно прилечь. – Она выскользнула из ботинок и толкнула их ногой в угол коридора.

– Ладно, давай уложим тебя в постель. Я пойду и прилягу вместе с тобой.

Гарриет взялась за перила.

– Нет, – возразила она. – Я пойду одна. – Она начала подниматься по лестнице, когда он схватил ее за руку и задержал.

– Всё нормально? – спросила Ангела, выходя в коридор. Ее сумка висела на плече, а кардиган был перекинут через руку. – Вы выглядите не лучшим образом, Гарриет.

– Это не так, – сказал Брайан. – Но я позабочусь о ней. Кому, как не мне, любовь моя?

– Могу я что-нибудь сделать для вас перед уходом?

– Нет, – ответил Брайан. – Мы в порядке. Я могу дать своей жене всё, что ей нужно. Спасибо, Ангела, – добавил он в качестве запоздалой мысли; а может, потому, что Брайан никогда не забывал о своих манерах.

Всё, что хотела Гарриет, – это чтобы ее оставили в покое, но, пока она

поднималась по лестнице, Брайан шел прямо за ней. Когда она добралась до спальни, то попросила у него стакан воды – просто для того, чтобы он снова спустился вниз, что Брайан с неохотой и сделал. Свернувшись поверх покрывала, Гарриет обнаружила, что всякий раз, лишь стоило ей попытаться закрыть глаза – они открывались снова, словно в них были вставлены пружины. Завитушки на обоях танцевали перед ней, пока не расплылись в одно большое размытое пятно.

Гарриет знала каждый дюйм этих стен наизусть. Все выцветшие места, все кусочки, которые не совсем совпадают. Она влюбилась в них, когда выбирала, с ребенком в животе, размышляя – девочка у них или мальчик. Брайан непреклонно хотел сына. Наследника, кого-то, похожего на него, как он всегда говорил. Гарриет же, в свою очередь, наоборот, молилась, чтобы Господь подарил им девочку.

Сейчас Гарриет ненавидела эти обои. Их узоры заставляли ее чувствовать еще большую тошноту, пока она не поняла, что сейчас ее вырвет по-настоящему. Она привстала и прижала руку к губам, ожидая, пока тошнота пройдет.

Как же счастлива она была, ожидая появления Алисы. Казалось, будто прошла целая жизнь с тех пор, как она бродила по проходам «Маминой заботы», обещая себе всегда защищать своего ребенка. Однако она не могла предвидеть такого. Ужас от неведения – где ее дочь и в безопасности ли она – растекался по венам, парализуя ее. И поначалу Гарриет не заметила, что в их спальне что-то не так, хотя это было прямо у нее перед глазами.

Когда она наконец сфокусировала взгляд, серебряная рамка на ее туалетном столике приобрела ясные очертания.

– О, Господи! – Гарриет переползла в конец кровати и протянула руку, чтобы взять ее. В день, когда Брайан купил ей эту рамку три года назад, он вставил туда ее фотографию с Алисой. Он сделал снимок на пляже в Девоне и преподнес его Гарриет как подарок. Это было прекрасное изображение Гарриет с ее малышкой: они прижимались друг к другу щеками, и большие голубые глаза Алисы отражали свет. Ее желтая панамка в горошек сидела набекрень на макушке, и пучки по-детски светлых волос выглядывали из-под нее.

Но теперь Гарриет осознала, что видит совсем другую картинку. Фото со дня их свадьбы, которое ей никогда не нравилось, потому что ее глаза были полузакрыты и она смотрела в другую сторону от Брайана, в то время как он старательно тарасился на нее. «Взгляните на себя! – усмехнулся неопытный, но недорогой фотограф. – Вы ее обожаете!»

«Конечно, обожаю, она же моя жена», – сказал Брайан.

«Да, а она даже не взглянула на вас!» – рассмеялся молодой человек над тем, что казалось ему очень комичной ситуацией.

Брайан вскинул голову, посмотрев на Гарриет.

«Ну, она ведь намного красивей меня!» – улыбнулся он.

Когда фотограф закончил, Гарриет заставила себя выпить тепловатого шампанского.

«Почему ты так со мной поступаешь?» – Брайан наклонился поближе и заговорил ей в ухо.

«Как – так?» – Гарриет была искренне озадачена.

«Пытаешься выставить меня дураком в день нашей свадьбы. Что ж, у тебя получается. Этот парень смеется надо мной и, несомненно, скажет всем, что моя свежеиспеченная жена даже не хочет смотреть на меня, в то время как я не могу отвести от нее глаз».

«Не глупи, Брайан, конечно, я смотрела на тебя, – возразила Гарриет. – Я просто увидела, как официант пролил красное вино на рубашку того мужчины. – Гарриет хихикнула. – Он так переволновался, пытаюсь вытереть его, как...»

«Ладно, – отмахнулся он, взял ее под руку и повел к столику. – Разве это не замечательно?»

Когда Брайан скользнул в постель рядом с ней тем вечером, он оставил между ними холодное пустое пространство.

«Ты не спускала с него глаз весь вечер».

«С кого?» – повернулась Гарриет к своему отныне мужу.

«С официанта, само собой. Ты смущала меня нарочно, Гарриет».

«Что ты имеешь в виду? Я не смотрела на него», – оправдывалась она. Официант привлек ее внимание пару раз своей неумелостью, вот и всё. Неужели это выглядело так, будто она слишком много на него пялилась? Гарриет задумалась об этом, ощутив укол вины.

«Ты испортила мне этот день. Как думаешь, что ты заставила меня чувствовать в день нашей свадьбы, когда не сводила взгляда с другого мужчины?»

«Я не смотрела на него. В том смысле, о котором ты говоришь. Брайан, прости, я не хотела причинить тебе боль. То, что, по твоему мнению, происходило, – это неправда».

«Ты думаешь, что я вру? Что я всё это выдумываю? Я-то знаю, что видел».

«Нет, я не думаю, что ты врешь, но...»

«Ты выставила меня идиотом! – выпалил Брайан, и его лицо вспыхнуло гневом. – Так что не пытайся сделать вид, будто это моя вина!»

«Брайан, мне очень жаль». – Гарриет не могла поверить, что нанесла ему такую сильную обиду. Как же глупо она себя вела. Она потянулась, чтобы прикоснуться к мужу, придвинулась ближе в надежде, что – поскольку это их первая брачная ночь – он сможет простить ее. Брайан не был большим любителем выпить, так что, возможно, он просто немного перебрал. Но потом Гарриет вспомнила, что он не пил никакого другого алкоголя после шампанского на террасе.

«Иди ко мне», – нежно промурлыкала она. Она заставила бы его забыть всё то, чем он загрузился. Но Брайан откатился в сторону, и ей оставалось лишь смотреть на его спину и широкие плечи, вздымающиеся и опускающиеся от порывистого дыхания.

Гарриет лежала и глядела в потолок гостиничного номера. Слезы катились по ее щекам оттого, что их первая брачная ночь оказалась такой. Это было не то, на что она надеялась. Она никогда не чувствовала себя настолько одинокой.

«Прости, – прошептала Гарриет в спину мужа. – Я так виновата, я ни в коем случае не хотела обидеть тебя».

Она знала, что Брайан всё еще не спит, но он не отвечал.

– Я недоумевал, зачем ты заменила фото. – Голос Брайана заставил ее подпрыгнуть. – Тебе не нравилось то, которое я сделал? Где ты с Алисой. – Он появился в дверях с большим стаканом воды, который осторожно поставил на прикроватный столик. Его глаза неотступно следили за Гарриет.

– Ты же знаешь, что я его не меняла, – отозвалась она, выпустив рамку из рук. Та упала на кровать рядом с ней.

Брайан наклонился и поднял ее.

– А ты знаешь, что мне не нравится это.

– Я не меняла фотографию, Брайан, – повторила Гарриет, заметив, как он играет желваками.

– Получается, она сама исчезла^[6], – сказал он, помахивая рамкой у нее перед носом.

– Что ты такое говоришь? – Гарриет нервно передвинулась на кровати. – Брайан, ты меня пугаешь.

– Я? – переспросил Брайан, приближаясь до тех пор, пока она не почувствовала его дыхание на своей щеке. – Любовь моя, я не стал бы этого делать. – Он протянул руку и погладил завиток ее волос. – Ты, должно быть, опять запуталась. – И с этими словами Брайан отпустил ее волосы и вышел из спальни.

Шарлотта

К вечеру среды Одри убедила меня, что я должна присутствовать на школьном собрании. Хотя, когда Том прибыл приглядывать за детьми, я уже жалела, что попросила его приехать ради мероприятия, на которое на самом деле не хотела идти.

Мне придется прорваться через привычную рутину любезностей возле школьных ворот, пряча глаза за солнцезащитными очками, опустив голову и торопясь уйти прочь, прежде чем кто-нибудь сможет остановить меня.

К тому времени я уже перестала отвечать на сообщения и полностью положила на Одри, взявшую на себя роль посредницы, благодарящей подруг за любые слова, которые они мне передавали.

Од снова удалила «Фейсбук» из моего телефона. Она сказала, что запрещает мне читать что-либо в Интернете. Я знала, что если сделаю это, то непременно заговорю с ней о прочитанном, и тогда Од, вероятней всего, выполнит свое обещание отобрать мой телефон. Странно, но я начала находить это относительно легким – спрятаться от мира. То, о чем я не знала, – меня не задевало.

Однако это мое отвыкание делало мысль о собрании еще более ужасающей. Я собиралась только из-за настойчивости Одри, утверждавшей, что это станет для меня полезно, и своего нежелания подводить ее после всей ее помощи.

– Я думал, ты говорила, что это должно было начаться пять минут назад, – заметил Том, постукивая по своим часам. – Уже восемь пятьдесят. – Он застал меня копающейся в детских школьных сумках. Я уже разложила формы детей и вымыла бутылочки для воды – дела, которые обычно оставляла на утро. – Просто иди, – сказал он, практически выталкивая меня из входной двери.

– Когда это перестал работать свет? – проворчала я, увидев, что наружная лампа не загорелась автоматически.

– Я посмотрю, что с ним. – Том уставился на лампу, после чего вздохнул. – О, я слышу Эви. Я думал, ты говорила – она спит. Увидимся позже! – И он закрыл дверь, оставив меня стоять на полутемной дорожке.

Когда я подошла к своей машине, мелькнувшее движение заставило меня замереть. И над подстриженным кустом внезапно появилось лицо Брайана.

– Брайан, ты напугал меня! – воскликнула я, задумавшись, как долго он за мной наблюдает. Он ничего не ответил. – Ты, э-э, не хочешь зайти?

– Нет, – сказал он без выражения. – Я хочу, чтобы ты села в мою машину. – Когда я не двинулась с места, он добавил: – Не думаю, что у тебя сейчас есть моральное право отказать мне в этом. Не так ли?

Я нервно звякнула ключами в руке, оглянувшись на дом в надежде, что Том может смотреть в окно, но его там не было. Я неохотно кивнула и последовала за Брайаном к серебристой «Хонде», припаркованной за несколько домов отсюда. Он оставил пассажирскую дверь открытой, и, когда я забралась внутрь, в ноздри мне ударил запах мертвой рыбы, доносившийся из багажника.

В замкнутом пространстве машины было тихо и вдобавок жутко. Щелчок заблокированных дверей прозвучал громко и резко в тишине, когда Брайан повернулся ко мне лицом.

Уголки его губ дернулись, и, склонив голову набок, он неторопливо произнес:

– Расскажи мне, что тебе известно.

– Что мне известно о чем? – спросила я.

– Расскажи, что ты знаешь о моей жене.

Я беспокойно заерзала:

– Почему мы говорим о Гарриет?

– Я делаю для нее всё; она вся моя жизнь, – продолжал он. – И всегда так было. Но она не относится ко мне так же, хотя, полагаю, ты в курсе этого. Она, должно быть, рассказывала тебе обо всем.

– Нет, в действительности Гарриет ничего такого мне не говорила, – сказала я.

– Это разрушает меня. Она разрушает меня. Ты знаешь это? Да, конечно же, ты знаешь. Ты ее лучшая подруга, – он усмехнулся. – Несмотря на свои отговорки, ты должна знать всё.

Поведение Брайана было столь же тревожным, как и его внешний вид. Его волосы дико торчали в разные стороны, как будто он хватал их обеими руками и энергично взъерошивал. Его глаза были темными, а взгляд тяжелым, когда он смотрел на меня. Я никогда не видела Брайана в таком первобытном состоянии и, несмотря на ситуацию, понимала – что-то еще не так.

– Она рассказывала тебе, что не любит меня? – пошел он наконец на штурм.

Я неловко зашевелилась на своем сиденье.

– Гарриет любит тебя! – заверила я. Каким бы сильным ни было мое

нежелание отбиваться от его гнева по поводу Алисы, я всё равно подумала, что предпочла бы ту тему разговора этой. – Что бы ни происходило сейчас, в этом ты можешь не сомневаться.

– Я знаю, что вы были близки, Шарлотта. Иначе с чего бы ты рассказала ей, как потеряла сына?

– Что?..

– Это становится привычкой, не так ли? Терять детей. Похоже, это легко тебе дается.

– Брайан... – Воздух в машине, казалось, стал невыносимо удушлив. – Можно, я открою дверь? Или хотя бы просто окно?

Брайан проигнорировал мою просьбу, ударил ладонью по рулевому колесу и отвернулся, уставившись невидящим взглядом через лобовое стекло.

– Такие матери, как ты, должны расплачиваться за всё то, что вы делаете, – заявил Брайан. – Но вы не-е-ет, – понес он дальше. – Вы никогда...

– Мне нужно идти, – проговорила я. Мой голос дрожал. – Я хочу, чтобы ты сейчас же отпер дверь, Брайан.

– Я прослежу, чтобы они написали о тебе свою статью, – пообещал он. – Я прослежу, чтобы она появилась повсюду.

Я подумала – должна ли уже закричать, и услышит ли меня кто-нибудь, если я это сделаю. Воздух становился всё тяжелее, и я чувствовала, как мои вдохи учащаются. И единственное, что удерживало меня от того, чтобы начать колотить в лобовое стекло, – мысль, что всё это я вполне заслужила.

– Расскажи мне, что она тебе говорила! – выкрикнул Брайан. – Что тебе известно!

– Я не понимаю, что именно ты хочешь, чтобы я рассказала, – оправдывалась я. Гарриет никогда не произносила ни слова против своего мужа. – Гарриет всегда говорила о тебе только хорошее...

– Ты же знаешь, я всегда тебе симпатизировал, Шарлотта, – перебил он меня, внезапно меняя тему разговора. Его речь зазвучала спокойнее и мягче, и он подался вперед. – Конечно, я рад, что у нее есть подруга, но мне нужно, чтобы ты была честна со мной.

– Брайан, о чем ты говоришь?

– Я уверен, что ты сможешь ее образумить, – произнес он. – В любом случае сейчас мне пора ехать.

– Брайан, я не понимаю, что ты... – Я остановилась, когда он протянул через меня руку открыть дверь, толкнув ее так, что она распахнулась

настежь.

– Уверен, что понимаешь, Шарлотта, – сказал он. – Я не сомневаюсь, что ты знаешь очень хорошо, о чем я толкую. А теперь, пожалуйста, проваливай.

Я недоверчиво уставилась на него, когда вылезла из машины. Брайан закрыл за мной дверь, завел мотор и поспешно уехал. Все мои мысли о школьном собрании растворились. С облегчением я проделала весь путь обратно к дому.

Я понятия не имела, что сейчас произошло. Вышла ли у них с Гарриет какая-то ссора; была ли это попытка Брайана свалить всё на меня. И что делал бы любой другой отец в его ситуации? Я не остановилась на мысли, что Гарриет в какой-то опасности, поскольку, несмотря на поведение Брайана в этот вечер, я по-прежнему не думала, что он виноват. В конце концов, его слова были ничто по сравнению со словами троллей – что они сделали бы со мной. Мне следовало бы ожидать гораздо худшего.

Сейчас

– Мне что, напомнить вам факты? – спрашивает детектив Роулингс. – У нас имеется пропавший человек и еще один, умерший сегодня вечером.

– Я знаю. – Я прижимаю пальцы к своим закрытым глазам, сдавливая их еще сильнее. – Я знаю.

– И мы всё еще не добрались до истины, – продолжает она.

– Я рассказываю вам всё, что мне известно! – восклицаю я.

– Неужели? – Детектив усаживается глубже на своем стуле и пристально смотрит на меня.

– Да, – уверяю я, хотя сама понимаю, насколько это звучит неискренне.

Гарриет никогда не рассказывала мне, что происходит в ее браке. Однако, как бы я ни старалась поверить, что она сама не хотела ставить меня в известность, я не могу избавиться от чувства, что просто не выглядела для этого достаточно надежной.

Возможно, то же самое увидела и детектив в тот момент, когда я вошла в комнату. Что с самого начала нашей дружбы я была погружена лишь в собственную жизнь. Но разве не все мы, мамы, похожи в этом друг на друга? Стайка кудахчущих кумушек на игровой площадке, сплетничающих и хрипло хохочущих, ведущих себя так, словно школа нам что-то должна за наше присутствие?

Я видела, как некоторые мамы в те несколько дней после школьного праздника уводили своих малышек прочь от меня, в страхе, что если я окажусь слишком близко, то кто-нибудь из их детей тоже пропадет. Не все

они. Не Од, конечно. Но это заставило меня понять, насколько непрочными были нити, которые связывали нас вместе. Насколько некоторые дружеские отношения строятся на такой малости, что могут развалиться при малейшем напряжении.

«Нет, нет! Я не такая, как они!» – хочется мне крикнуть детективу Роулингс. Я всё еще чувствую стремление убедить ее, что это не так, и поэтому меня тянуло к Гарриет.

Гарриет напоминала мне о том человеке, которым я хотела бы быть. И которым я всё еще была в своем сердце. Гарриет не целовала манерно воздух и не размахивала сумочкой так, словно в одиночку собиралась решать все проблемы третьего мира. Я могла рассказать Гарриет что угодно и знала, что она будет деликатна.

Она тоже могла бы рассказать мне всё. Но только она этого не сделала.

– Однако вы не видели никаких подсказок? – упорно продолжает Роулингс.

Сейчас я оглядываюсь в прошлое, где, возможно, было много зацепок, но говорю детективу, что – нет, не видела. Однако, пока я сижу здесь, в выбеленной комнате, рядом с по-прежнему жужжащим магнитофоном, и разум мой постепенно растворяется, – я вспоминаю конкретное время, когда мы с Гарриет сидели на нашей обычной скамейке в парке.

Эви была совсем малышкой и наконец-то уснула в коляске, а я, хоть и не могла полностью расслабиться из-за угрозы ее пробуждения в любой момент, прикрыла глаза и наслаждалась покоем, как голос Гарриет вдруг раздался за моей спиной. У меня от неожиданности екнуло под ложечкой. Я не думала, что мы договорились встретиться.

Когда я открыла глаза, то увидела Алису, ковыляющую к песочнице, где Молли наполняла ведро. Гарриет стянула свой кардиган и вытащила коробку для завтрака, и я, помню, подумала, что это выглядит так, словно она решила остановиться здесь на ночлег.

«Какие у тебя планы на сегодня? – спросила я ее. – Вы с Алисой куда-то идете?»

«Нет, ничего особенного. Мне нужно вернуться в магазин попозже».

«Что, в такой прекрасный день, как этот?» – удивилась я.

«Да, я купила джемпер для Брайана, и мне нужно его вернуть». – Гарриет полезла в сумку и вытащила джемпер, зажав его в кулаке.

«У Тома был такой, – пробормотала я, поглаживая рукой мягкую шерсть. – Что с ним не так? Неужели не понравился Брайану?»

«О, я думаю, вероятно, понравился. Я ошиблась только в одном. Он сказал, что просил меня взять красный. – Гарриет подняла глаза и пожалала

плечами. – Могу поклясться, он просил – зеленый».

Я вздохнула и аккуратно сложила джемпер. Это два цвета едва ли можно перепутать, и я почувствовала досаду из-за ошибки Гарриет. В те времена моя терпимость была почти на нуле, и ее невозмутимая чокнутость меня раздражала.

«Я бы не отказалась пройтись по магазинам, – сказала я. – Нужно нам как-то выделить день, растратить немного денег и побаловать себя».

Когда Гарриет ничего на это не ответила, я поняла свою бестактность и смутилась.

«Я имею в виду – я хотела бы угостить тебя чем-нибудь. Ты окажешь мне любезность, если просто пойдешь. Я подброшу Эви своей маме на весь день».

«Да, возможно».

Я взглянула поверх Гарриет, которая махала Алисе, зажав в руке пакетик с изюмом, в то время как ее дочка играла в песочнице, не обращая на это никакого внимания. Неподалеку какая-то мать кричала на своего маленького сына. Ее палец колыхался в дюйме от его лица, когда мальчик начал рыдать.

«Он даже не сделал ничего плохого, – произнесла Гарриет. – Я наблюдала за ним. Он просто хотел еще разок покачаться на качелях».

Мать закричала громче; мальчик попятился назад. Она занесла руку, а в следующий момент шлепнула его сзади пониже спины и повела через парк.

«Нам надо что-то сказать!» – встрепелась Гарриет.

«Не вмешивайся!» – быстро проговорила я, накрывая ладонью руку Гарриет.

«Но он в ужасном положении».

«Я знаю, и это отвратительно, но никто не поблагодарит тебя за то, что ты скажешь что-то, – ответила я. – Кстати, насчет этого похода по магазинам... – добавила я, отчаянно пытаясь избежать конфликта с той матерью, которая уже подходила к воротам. У нее были жесткие черты лица, выглядевшие так, словно она постоянно злилась, и я знала, что станет хуже, если Гарриет бросится ей наперерез. – Когда же мы отправляемся?»

Я открыла сумку Гарриет и собиралась положить джемпер обратно, как вдруг заметила в ней ожерелье, блеснувшее на дне.

«Гарриет, я не видела этого раньше! – Я вытащила цепочку, нежно удерживая в ладони золотой кулон в виде листа. – Какая красота!»

«Мое ожерелье! – ахнула Гарриет и выхватила у меня цепочку. – Где ты... где оно было?»

«Это просто лежало в твоей сумке. Оно великолепно! – Оно на самом деле было прекрасным, и я не могла вспомнить, чтобы Гарриет его когда-нибудь носила.

«Я думала, что потеряла его. – Гарриет рассматривала его с подозрением, вертя лист пальцами. – Я думала... – Она встряхнула головой и не закончила фразу. – Ожерелье принадлежало моей маме. Я знаю, что оно было в моей шкатулке. Я не носила его, потому что оно такое драгоценное. Но потом оно исчезло, и я искала повсюду».

«Ну, теперь оно снова у тебя!»

«Но я обыскала весь дом! – Голос Гарриет, продолжавшей восхищаться кулоном, стал тише, и я уставилась на нее, задумавшись, с кем она разговаривает – с ним или со мной. – Я не понимаю. Как оно вообще могло оказаться в моей сумочке?» – добавила она почти шепотом.

«Действительно ли так необычно, что ты нашла его там?» – Я вздохнула, испугавшись, что, возможно, сказала это Гарриет вслух, когда вновь закрыла глаза. Я слышала голос Од так ясно, как если бы она сидела на скамейке между нами.

«Шарлотта, я не сомневаюсь, что твоя подруга очень мила, но она добрую половину времени выглядит так, будто улетела с феями».

Я вспоминаю, как повернулась, чтобы взглянуть на Гарриет, которая пристально смотрела в одну точку где-то вдалеке, мимо Алисы, мимо деревьев, выстроившихся вдоль парка. Ее губы подрагивали; она глубоко погрузилась в свои размышления. Я полностью потеряла Гарриет, а Эви зашевелилась, и я знала, что в любую минуту она начнет кричать. И я почувствовала, как раздражение распространяется внутри меня, словно огонь.

– Когда вы спрашиваете меня, были ли какие-то признаки, – говорю я детективу Роулингс, – всякие нелепые воспоминания приходят мне в голову, и я думаю, что, если продолжу всё это вспоминать – вдруг я упущу что-то действительно важное?

Она не отвечает мне, и меня окатывает обжигающая волна разочарования, что мы ходим вокруг да около и каким-то образом продолжаем всё время возвращаться к тому, с чего начали.

Моя спина сутулится, а руки, обмякшие, как желе, безжизненно свисают по сторонам. Я подаюсь вперед, уронив ладони на стол.

– Пожалуйста, – говорю я, – мне нужно домой. Я хочу уехать прямо сейчас.

Но я точно знаю – если бы я почувствовала, что происходит за

закрытыми дверями Гарриет, – то могла бы помочь. Я бы никогда не стала уговаривать ее оставить свою дочь со мной, убеждая, что Алиса будет в безопасности. Я знала больше, чем многие, о том – как контролировать некоторых отцов и мужей, потому что мой собственный отец являлся таким же. Гарриет понимала это, но всё равно не поделилась со мной. Она не верила, что я сумею помочь ей.

А Брайану было известно гораздо больше, чем она предполагала.

Некоторое время назад

Гарриет

В четверг утром, через двенадцать дней после пропажи Алисы, Гарриет проснулась с чувством, что к добру или к худу – но всё вот-вот изменится. Она выдохнула с облегчением, вспомнив, что сегодня Ангела не доберется к ним домой раньше четырех часов пополудни.

Она осторожно следила за Брайаном, пока тот кружил рядом, словно бомба замедленного действия. Он не произнес ни слова с тех пор, как вышел из спальни накануне вечером, оставив ее разглядывать их свадебное фото. Но по тому, как он сновал вокруг, Гарриет видела, что он всё еще взвинчен.

В ванной комнате над ее головой скрипнули половицы. Было уже позднее утро, а Брайан еще не оделся. Много раз вот так же сидела она за кухонным столом, сжимая в руках кружку с чаем и ожидая появления мужа, но никогда настолько поздно, как в тот день. Гарриет не знала, чего ожидать, пока ее разум метался по событиям прошлого вечера в попытках выявить, не сделала ли она чего-то неправильно. Гарриет была уверена, что Брайан ей напомнит. На протяжении многих лет воспоминания исчезали в темных глубинах ее сознания, и раньше у нее не имелось способа вытащить их обратно. Она знала, как трудно приходилось Брайану, потому что он говорил ей об этом достаточно часто. Однако ее муж всегда был непоколебим в своей поддержке.

Брайан всегда будет рядом с ней. Ради нее.

Это он тоже говорил ей часто.

Он клялся в этом.

Угрожал этим.

Сперва Гарриет не хотела верить, что у нее проблемы с памятью, но

Брайан оказался настойчив. Два года назад он впервые отвез ее к частному доктору, имеющему практику на другой стороне Чидденфорда. Гарриет сидела молча, пока муж описывал ее проблемы, множество ошибок, которые она совершала, и свое беспокойство о безопасности жены и дочери.

«У меня не было проблем в детстве», – ответила она доктору на вопрос – знает ли она, когда это началось.

«Ну, они часто приходят с возрастом», – сказал тогда Брайан многозначительно.

«Как в тот день, когда я встретила тебя?» – задумывалась Гарриет теперь.

Неизвестность приводила в ужас. Сначала твердая уверенность в чем-либо, а затем единственный человек, которого любишь и которому доверяешь, – говорит обратное.

Однажды Гарриет обнаружила себя стоящей посреди супермаркета в лихорадочных попытках вспомнить – предпочитает Брайан бисквиты, покрытые молочным шоколадом или темным.

«Я столько раз тебе говорил, Гарриет, – сказал он, когда вечером того же дня она протянула ему пакет с молочно-шоколадным десертом. – Мне больше нравятся темные».

Когда в следующий раз Гарриет пошла в супермаркет, она всё время перекачивала его слова на языке. «Темный шоколад. Темный. Алиса, запомни, что темный».

Они стояли в проходе с выпечкой, и ее пальцы дрожали, когда она заносила их над темными. «Алиса, что я тебе сказала?»

«Темные». – Дочка кивнула, когда Гарриет осторожно положила бисквиты в корзину.

Когда они вернулись домой и она положила один из них рядом с его кружкой, Брайан взял свой бисквит и повертел в руках, как будто никогда не видел ничего подобного. Затем взглянул на Гарриет и сказал: «Ох, любовь моя. Поди-ка сюда. Ты сделала это снова, не так ли? Я предпочитаю молочный шоколад».

Гарриет теряла рассудок. К тому времени она была в этом уверена. Она боялась, что в конце концов потеряет всё.

«Однажды ты потеряешь Алису», – часто говорил он ей.

Он оказался прав насчет этого. Теперь она потеряла дочь.

Поскрипывание над ней прекратилось, и Гарриет застыла, прислушиваясь к его шагам вниз по лестнице. Конечно, теперь она знала,

что больше не теряет рассудок. Она прекрасно понимала, что Брайан пытался убедить ее в этом. Она твердо уяснила это за последние двенадцать месяцев, с того дня как начала писать в свой блокнот.

Однако, честно говоря, нечто безумное она всё же совершила.

Когда Брайан вошел в кухню, то встал у стола и взглянул на нее, но всё равно не произнес ни слова.

– Всё в порядке? – спросила Гарриет так спокойно, насколько могла.

– Мне надо выйти. Мне нужно кое с кем поговорить, – ответил он, не двигаясь с места.

– С кем?

Брайан слегка дернул головой. Казалось, он сомневался – можно ли оставить жену одну в доме. И это заставило ее задуматься, настолько ли важно его дело, чтобы он всё равно решился уйти.

– Помни – Ангела скоро придет.

– Да. Я знаю.

– Она появится здесь через полчаса, так что у тебя нет времени никуда отлучиться.

Гарриет кивнула. Часы позади Брайана показывали почти полдень. Ангелы не будет здесь еще четыре часа.

– Двенадцать тридцать, Гарриет. Вот в какое время она придет, – продолжал он, как будто провоцировал ее противоречить, но Гарриет только снова кивнула. В конце концов Брайан насупился и вышел из кухни.

– Я ненадолго! – крикнул он, закрывая за собой входную дверь.

Ей пришло в голову, что Брайан собирается встретиться с Кеном Харрисом, который не подтвердил его алиби, но сейчас она не могла ни о ком из них думать. Где бы Брайан ни находился тогда на самом деле – это была наименьшая из ее проблем. Гарриет требовалась ясная голова, чтобы сообразить – что она собирается делать дальше, поскольку у нее имелось лишь четыре часа до прибытия Ангелы и еще меньше времени до возвращения мужа.

Закрыв глаза, она прижала к ним кончики пальцев.

«Думай, Гарриет».

Последние двенадцать месяцев мелькали, как кадры фильма в темноте кинозала, за ее закрытыми веками. Осознание, что Брайан создал жизнь, из которой они с Алисой не могли сбежать, появление призрака из ее прошлого, абсолютное отчаяние – заставили ее план показаться хорошей идеей.

Гарриет знала, что уходить опасно, но Алиса являлась ее

первостепенной задачей. Это всегда было из-за Алисы. И это была вина Гарриет, что ее дочь пропала двенадцать дней назад.

Потому что Гарриет являлась тем человеком, который всё это спланировал.

Каждая мельчайшая деталь исчезновения Алисы с праздника была придумана для того, чтобы они могли убежать от Брайана.

Но всё изменилось за последние двадцать четыре часа, и теперь Гарриет на самом деле не знала, где ее дочь. И если она не выберется отсюда прямо сейчас и не отыщет Алису, то появится очень реальный шанс, что она действительно потеряет рассудок и, возможно, свою дочь – по-настоящему.

История Гарриет

Среда, 18 мая 2016 года

Боюсь, я могу сделать что-то плохое.

Брайан вернулся с работы прошлым вечером и бросился вверх по лестнице. Он был в бешенстве.

– Почему ты оставила Алису в ванной одну?

– Я не делала этого, – возразила я в шоке. – Я бы никогда так не поступила.

Он посмотрел в своей манере – склонив голову набок и скользя по мне взглядом.

Это всегда обескураживает меня, потому что я знаю – это означает, что я сделала нечто, о чем не могу вспомнить.

– Тогда почему же она только что сказала мне, что это так? Алиса не стала бы лгать.

Он прав. Мы оба знаем, что она не лжет.

– Я беспокоюсь, Гарриет. – Брайан глубоко вздохнул и сжал губы так, что его подбородок сморщился, словно очищенный грецкий орех. – Если так будет продолжаться, Алиса может получить травму.

– Я не оставляла ее ни на мгновение, – произнесла я. Я представила ту картину – себя в ванной, сидящую на скамеечке для ног, облокотившись на ванну и подставив руку под кран, пока наливала больше горячей воды. Я наполнила кувшин и окатила Алису со спины, заставив завизжать от удовольствия, а потом повернулась и взяла с радиатора чистое полотенце, чтобы обернуть вокруг дочки, когда та вылезет из ванны. Я помнила всё это. Я не выходила из ванной. Но если Алиса говорит, что это так...

Моя проблема с памятью уже здесь. Это всегда начинается от середины. Появляется небольшая черная дыра и медленно распространяется к краям, как пролитые чернила, до тех пор, пока на картинке не появляется зияющая пустота, которую я больше не могу заполнить.

– Алиса немного напугалась, любовь моя, но с ней всё будет в порядке.

Когда Брайан продолжает поддерживать разговор со мной – дыра растекается быстрее. Интересно, знает ли он об этом.

– Эй, Гарриет, не плачь! – вытер он мои слезы большими пальцами.

– Я бы никогда не причинила ей вреда! – всхлипнула я.

– Я знаю, что ты не делала бы этого, – сказал он мягко. – Я знаю. Но

ей достаточно было всего лишь соскользнуть под воду, и... – муж покачал головой. – Алиса была бы мертва.

Я, зажимая уши, крикнула на Брайана, чтобы он даже не говорил такого. Я никогда не позволила бы этому случиться.

Но... что, если бы я это сделала?

Я сказала Брайану, что мы вернемся к доктору снова. Я позвоню ему сегодня и запишусь на прием. И он напишет обо мне еще больше в истории болезни. Напишет черным по белому – что моя дочь не в безопасности наедине со мной.

Может, это и не так. Всю ночь я не могла уснуть, потому что всякий раз, лишь стоило мне закрыть глаза, я видела Алису, исчезающую под водой. Рядом со мной умиротворенно посапывал Брайан, довольный своей чистой совестью.

Конечно, есть множество вещей, которые я забываю, но никогда раньше это не подвергало мою дочь опасности. Наутро я спросила Алису:

– Ты помнишь, как купалась вчера вечером?

– Да. – Она взглянула на меня странно, но это был странный вопрос.

– Расскажи мне об этом, – попросила я, щекоча ее за бока, пока она не захихикала. – Тебе понравилось?

Алиса пожала плечами.

– Всё было хорошо.

– Разве я оставляла тебя одну? – спросила я. – Потому что если это так, то мамочка очень об этом жалеет. Я не должна была так поступать.

– Нет, – ответила дочка. – Ты никогда не оставляешь меня одну.

– Это хорошо. – Мое сердце громко стучало. – Ты должна всегда говорить мне, если я это сделаю. Может, ты рассказывала что-то папе о том, как принимала ванну?

– Нет. – Она снова хихикнула, но на этот раз немного нервно. – Папа не видел меня прошлым вечером, потому что я пряталась за диваном.

– Правда? Он не разговаривал с тобой, когда вошел?

Алиса покачала головой.

– Я оставалась там, пока он не поднялся наверх, чтобы поговорить с тобой. – Она отвела взгляд в сторону. – Мамочка, я что-то не так сделала?

– Нет-нет, Алиса, вовсе нет. – Луч солнечного света проник в окно, дробясь на осколки, и заставляя меня прищуриться. – На самом деле я думаю, что никто из нас ни в чем не виноват.

Я должна не забыть спросить Алису, почему она пряталась за диваном. Это выглядит для нее очень странным поступком.

Гарриет

В тот день, когда я оставила Алису с Шарлоттой, я знала – если всё пойдет по плану, моя подруга не приведет ее обратно домой. Пока мы ехали к дому Шарлотты, я не могла оторвать глаз от Алисы, постоянно глядя на нее в зеркало заднего вида. Я хотела впитать каждую частичку ее образа, потому что не знала, сколько времени пройдет до тех пор, пока я снова ее увижу.

Левой рукой Алиса крепко сжимала бегемота. Она наклоняла к нему голову и то и дело тянула большой палец правой руки ко рту, но всякий раз спохватывалась и отдергивала его обратно. Мы недавно говорили с ней о том, что сосание пальцев плохо влияет на зубы. В какой-то момент на полпути бегемот выскользнул из ее объятий и провалился между сиденьем и дверью. Я не заметила, что она не держит его в руках, когда вела ее по дорожке к крыльцу.

Я позвонила в дверь и взглянула на окно спальни, где шторы всё еще были задернуты. Я искала какие-то знаки, могущие подсказать мне, что продолжать не следует. Что угодно, отчего я пойму – несмотря на то что я зашла так далеко, мой план является смехотворным и не сработает. Если Шарлотта забыла, что я приведу Алису, – подумала я, снова нажимая на дверной звонок, – тогда это будет знак. Я не смогу повернуть это без Шарлотты.

Алиса прильнула к моему боку, и я прижала ее к себе покрепче. С каждым вдохом я ощущала резь в груди, словно меня пронзали копьем.

– Ты будешь в безопасности, Алиса, – пробормотала я скорее себе, чем ей. Я делаю это для того, чтобы мы обе были в безопасности.

Когда появилась Шарлотта, еще одетая в пижаму, мое сердце екнуло от страха, что всё может пойти не так. Я захотела сказать ей, что передумала и пойду вместе с ними на праздник. Она бы и глазом не моргнула. Она, кажется, и ожидала, что я всё равно не оставлю Алису.

Шарлотта болтала что-то, не обращая внимания на крики Эви на заднем плане, пока Алиса вжималась в меня всё сильнее. Но если я отступлю сейчас – что мы будем делать? Я столько раз через это проходила. Других вариантов не оставалось.

Я наклонилась и снова сказала Алисе, что с ней всё будет хорошо. Я, наверно, выглядела очень дерганой для Шарлотты, но она попыталась разрядить обстановку, начав рассказывать мне, как они станут веселиться и как чудесно, что я решила пройти этот увлекательный курс бухгалтерии.

Я знала, что она сама не верит в то, что говорит. Никто из нас не верил.

Мои занятия в отеле в течение дня предназначались не более чем для алиби. Они также станут объяснением, на которое может купиться Брайан, когда захочет узнать – почему я не сообщила ему, что оставила Алису с кем-то. Полиция найдет красные долговые требования, которые он спрятал от меня в своем прикроватном ящике. Мне всегда хотелось вытащить их и предъявить мужу. Надеюсь, они увидят пачку квитанций, аккуратно сложенных под его штанами. Никто не усомнится, что я просто пыталась помочь. Чего они, надеюсь, не найдут – так это денег, припасенных мною на черный день, закопанных в коробке под кустом рядом с песочницей.

В конце концов я отпустила Алису и пошла прочь. Я не оглядывалась. Я не хотела, чтобы они видели, как я глотаю слезы, стекающие по лицу. Это была самая смелая вещь, которую я когда-либо совершала, но никогда я так сильно не боялась.

* * *

В час дня четверга, через двенадцать дней после праздника и за три часа до появления Ангелы, я вышла из дома, взяв с собой лишь самое необходимое: более чем скромную сумму наличных, бегемота Алисы, зубную щетку и свой блокнот. Я всё еще надеялась, что мне не придется совершать четырехчасовую поездку, чтобы найти свою дочь, потому что знала, как сильно рискую, покидая дом. Надеялась, что выйду с ними на связь до того, как выеду за пределы Дорсета. Мой телефон не работал благодаря погружению на дно ванны, поэтому я полагалась на остановки у таксофонов.

Я молилась, чтобы на мой следующий звонок ответили. Я не желала заострять внимание на том факте, что прошло уже двадцать четыре часа с начала моих попыток до него дозвониться, и думать – что же это могло означать.

Мои руки дрожали на руле, пока я ехала. В зеркале заднего вида бегемот улыбался мне с сиденья Алисы. Она была бы на седьмом небе от счастья получить его назад, но я не знала, смогу ли оставить его с ней. Вдруг Ангела заметит, что бегемот пропал?

– Дерьмо! – Я ударила руками по рулевому колесу, ощутив укол боли. Всё шло ужасно неправильно. Как бы я ни поступила, начиная с этого момента появится слишком много последствий, и, если я не смогу

связаться с ним в самое ближайшее время, моя голова не будет достаточно спокойной, чтобы думать ясно.

Через тридцать минут я находилась почти на окраине Дорсета, когда заметила таксофон в переулке и притормозила. Пока я набирала предоплатный^[7] номер, который запомнила, я понимала, что, если ответа не будет, мне потребуется проехать весь путь до Корнуолла, чтобы отыскать коттедж, который я видела только на фотографии.

Гудки заполнили мое ухо, но они продолжались и продолжались, пока в конце концов резко не прекратились.

– О, Господи. Где же ты? – Я всхлинула. Всё это было неправильно. Он так убедительно говорил мне, что всегда станет отвечать на мои звонки, что я поверила ему.

Было слишком поздно спрашивать себя – зачем я ему доверилась. Я знала его всего шесть месяцев. Я знала Брайана вдвое дольше, прежде чем вышла за него замуж и убедилась, как ошибалась насчет него.

– Ты глупая женщина! – Я привалилась к стене телефонной будки и постучала себя кулаком по лбу.

План побега от Брайана казался мне когда-то настолько продуманным в моем воображении, что хотя я и знала, что многое может пойти неправильно, но никогда не ожидала такого. Теперь план свисал кусками разорванной цепи, и, зажмурив крепко глаза, я поняла не только, что моя дочь может быть абсолютно где угодно, но и – что во всем этом виновата я.

Понедельник, 4 июля 2016 года

Брайану выдали премию на работе.

– Давно обещанная выплата! – просиял он. Я подумала, что это стыд и позор – что он не получал никакой благодарности за свою преданность раньше, но Брайан казался вполне удовлетворенным этой новостью, которой поделился со мной в выходной.

Сегодня утром он объявил, что хочет дать мне кое-какую мелочь, чтобы я могла побаловать Алису и себя в магазинах.

– Брайан, но это больше, чем мелочь! – ахнула я, наблюдая, как он отсчитывает двадцатифунтовые купюры и складывает их в длинный белый конверт.

– Здесь три сотни фунтов, Гарриет! – подмигнул он мне, лизнул конверт и запечатал его. – Ты можешь купить всё, что пожелаешь. Я оставлю это здесь, – он показал на верхушку холодильника. – Пойдешь сегодня за покупками?

– Конечно! – Я почти запрыгала на месте, как маленький ребенок. Я

приобрету что-нибудь себе, а затем позволю Алисе самой выбрать новый наряд, и мы даже сходим в магазин игрушек. Возможно, всё, что нам было нужно, – это подтверждение успехов Брайана на работе? И всё может стать лучше?

Я поцеловала мужа на прощание и оставила его допивать кофе, а сама отправилась поднимать и одевать Алису. Когда мы с ней спустились вниз, Брайан уже ушел на работу.

– Сегодня мы пойдем по магазинам! – сказала я. – Хочешь купить себе новое платье?

– Как у Молли?

– Да, прямо как у Молли. Или что-нибудь еще, посмотришь, что тебе понравится. – Я протянула руку к конверту на холодильнике и бережно положила его во внутренний карман сумочки. В нем лежало больше денег, чем у меня когда-либо было на себя, и я прижимала сумку рукой, защищая ее, пока мы проходили через торговый центр.

На прилавке первого магазина я разложила два понравившихся мне джемпера и розовую юбку с оборками, от которой Алиса не могла оторвать рук.

– Можно, я попозже покажу это Молли? – спросила она, поглаживая вышитых птиц, разлетающихся по подолу. Юбка оказалась немного велика ей, но Алиса быстро росла, и я знала, что вскоре она станет впору. И она действительно была прекрасна.

Я потянулась к сумке за конвертом.

– Молли будет в школе, – ответила я. – Но, возможно, мы сможем показать Эви? – Я запустила пальцы под клапан и полезла внутрь. – Ох... Это не может быть правдой...

– Какие-то проблемы? – спросила девушка за прилавком.

Да, возникла проблема. Вместо трехсот фунтов, которые, как я видела, отсчитал Брайан, – теперь в конверте лежала только десятифунтовая купюра.

– Простите. – Я растерянно взяла Алису за руку. – Мне нужно вернуться. – Я повернулась и потянула Алису к дверям.

– Мамочка? – Ее маленькие ножки бежали за мной, пока я торопилась выбраться из магазина. – Это значит, что я не смогу взять юбку?

Как только мы вышли из торгового центра, я присела рядом с ней и взяла ее руки в свои.

– Глупая мамочка забыла деньги, – улыбнулась я. – Но я обещаю тебе, – сказала я от всего сердца, крепко сжимая ее ладони, – обещаю, что однажды я обязательно вернусь и принесу тебе эту юбку.

Понедельник, 8 августа 2016 года

Я сказала Брайану, что будет трудно готовить хорошую еду каждый вечер с таким сокращением моих денег на хозяйство.

– Тебе просто нужно стать немного более изобретательной, любовь моя. – Он улыбнулся и взъерошил мои волосы.

– Почему мы должны экономить? – Я отстранилась и пригладила свои волосы. – Я думала, на работе всё стало лучше.

– О, не используй это слово – «экономить». – Брайан потер пальцами свой нос и глубоко вздохнул. – У нас нет проблем с деньгами, Гарриет. Ты знаешь, почему я это делаю. Мне нужно снова научиться доверять тебе.

Я прикусила губу изнутри. Я не хотела повышать голос.

– Мне просто нужно больше на жизнь, – сказала я терпеливо. – Алисе нужна новая обувь и...

– Гарриет! – фыркнул муж. – Неужели ты правда думаешь, что я дам тебе наличные? Ты помнишь тот случай, не так ли? Я не хочу это повторять. Ты потеряла три сотни фунтов.

– Я ничего не теряла. Денег не было в конверте.

– О, пожалуйста, давай не будем проходить через всё это снова, – вздохнул он. – Деньги не исчезают сами. Просто веди подробные записи всех расходов, сохраняй все квитанции и чеки, и если Алисе нужна новая обувь, то мы вместе сможем сходить и купить ей в субботу. Хорошо? Хорошо? – повторил Брайан, когда я не ответила. – Это будет неплохо для нас – приятный семейный поход за покупками. Совместный. Как только я вернусь с рыбалки и ты будешь готова – идем и покупаем Алисе новые туфли. – Он протянул руку и снова взъерошил мои волосы. – Ну, видишь? Всё в порядке.

Гарриет

Я сидела в машине, уставившись остекленевшим взглядом на незнакомую дорогу впереди, сжимая сумочку на коленях и размышляя – есть ли у меня другие варианты. Выбора не было. Мне надо найти отдаленное убежище, в котором мы планировали спрятать Алису.

С этого момента придется платить наличными за то небольшое, что мне нужно. Но я всё еще уповала на то, что не пройдет много времени, прежде чем я узнаю, что Алиса в безопасности, и смогу понять – что делать

дальше.

Страх гнал меня к Корнуоллу, но я также была исполнена ужаса перед тем, что оставила позади. И чем дольше я отсутствую – тем будет хуже.

Брайан, наверно, уже вернулся домой?

Я представила его лицо, когда он входит в дом и понимает, что меня нет. Какое-то время он будет предполагать, что я выскочила на минутку, но как скоро он поймет, что мне пора бы уже вернуться? Через сколько времени он сообщит Ангеле о моем исчезновении? Как быстро он убедит их, что я настолько неуравновешенна и расстроена, как он и говорил, – что они должны незамедлительно меня разыскать?

Я положила сумку на сиденье рядом с собой и завела двигатель. Я не могла больше терять время – мне нужно добраться до места как можно быстрее.

Как только я увидела мигающие огни полицейской машины, припаркованной у моего дома в день праздника, я поняла, что мой план начал исполняться и Алиса исчезла. Брайану уже сообщили новость о пропаже дочери, и вскоре они расскажут мне. Теперь отступить было некуда, и я продолжала размышлять, наблюдая за ними через стекло.

Брайан вытащил меня из автомобиля и повел вверх по садовой дорожке; его удочки лязгали, как лодочные мачты на ветру. На очень короткий момент мое сердце кольнуло сочувствием к нему. Несмотря на всё, что он делал, я усомнилась – заслуживает ли он думать, будто его дочь похитили.

«Алиса пропала». Его слова прозвучали криком в неподвижном воздухе. Я осела на землю, когда ноги обмякли подо мной, словно мои силы забрали вместе с дочерью. Тогда меня на самом деле сразила мысль о том, что в этот самый момент я и правда не имею представления – где Алиса. Я могла бы показать на карте – где она должна быть, но в моем воображении каждая дорога и автомагистраль между нами представлялись растянувшейся бесконечностью, и я испугалась, что, возможно, действительно потеряла ее навсегда.

Неужели я совершила ошибку? Что, если кто-то другой забрал ее на празднике? Как мне знать, не попали ли они в аварию? Я выкрикнула имя Алисы, царапая ногтями бетон, пока меня не затащили внутрь и не заставили выслушать о ее последних известных перемещениях.

Когда Ангела предложила, что было бы неплохо поговорить с Шарлоттой, я знала, что это может стать моим провалом – я захотела бы рассказать ей всё. Как категорично я ни отказывалась, Брайан настаивал на

этом, и в конце концов я уступила. Однако, как только моя подруга шагнула в гостиную – я не смогла на нее смотреть. Я хотела заморозить время вокруг себя, чтобы подползти к ней по полу и прошептать на ухо: «Я знаю, где Алиса. В этом нет твоей ошибки. Прости за всё, через что я заставляю тебя пройти, но я делаю это ради нее». Но пока каждое слово Шарлотты сочилось страхом и чувством вины, я поняла, как глупо было убеждать себя, что однажды она поймет – почему я совершила подобное.

До текущего момента я утешалась тем, что это ненадолго, до тех пор, пока моя дочь не появится снова. И Шарлотта сможет вернуться к своей жизни. Обилие подруг поможет ей пережить этот короткий срок, и никто не станет ее винить. Фактически я не только думала, что они не станут обвинять ее, больше того – я не сомневалась, что они начнут ей сочувствовать. «Как ужасно ей сейчас, должно быть», – скажут они. Их сердца раскроются ей навстречу. Ведь это могло бы случиться с кем угодно.

Однако я никак не ожидала, что Шарлотта будет писать в «Фейсбуке» в тот момент, когда заберут мою дочь. И что журналист подхватит это и вывернет так, что она окажется в глазах общественности слишком небрежной и невнимательной, и в конечном счете ответственной за пропажу моей дочери. Хуже того, каждый новостной репортаж об Алисе привлекал внимание незнакомцев, набрасывающихся на Шарлотту в комментариях и выставяющих ее плохой матерью. Все они были сосредоточены на ошибках Шарлотты, и я не могла представить, как она с этим справлялась. И всё же я продолжала успокаивать себя, что, как только Алиса вернется, все всё простят и забудут.

Но в глубине души я понимала – что с ней сотворила. Потому что от вида Шарлотты в гостиной, пытающейся собрать по кусочкам картину произошедшего и понять, как она могла потерять Алису, сердце мое разбивалось на осколки. Теперь ей никогда этого не изжить.

Потом Брайан расхаживал по гостиной, возлагая каждую унцию вины на плечи Шарлотты и умело оставаясь весь в белом, как и всегда. Конечно, на сей раз он мог невозбранно продемонстрировать свои чистые руки, хотя его никогда не останавливало, если это было не так. «Это ты совершил, Брайан, – думала я, наблюдая, как он рыскает по комнате и лупит себя кулаком по ладони другой руки, когда Ангела не смотрит. – Если бы ты не сделал мою жизнь такой невыносимой, я никогда не прибегла бы к такому».

Была какая-то ирония в том, что я никогда не рассказывала Шарлотте о своем муже из-за боязни ее потерять, а теперь понимала, что всё равно потеряла. Когда она пришла к нам домой тем вечером, стало ясно: нас уже слишком многое разделяет, чтобы суметь вернуть ее.

Однажды у меня была еще одна подруга. После Джейн и Кристи и до Шарлотты я работала в Кенте вместе с девушкой по имени Тина – администратором нашей школы.

Иногда мы с Тиной выскальзывали пообедать в местную пекарню. Ей было около тридцати, и она жила одна в перестроенной односпальной квартире с двумя котами, которых, как предполагалось для домовладельца, у нее нет. Она всегда интересовалась жизнью в браке и тем, что это с виду не делает людей такими счастливыми, какими, казалось, они должны бы быть.

«Я счастлива», – сказала я ей за обедом.

Тина фыркнула и небрежно провела салфеткой по носу, заставив меня задуматься – как она не зацепляет крошечный гвоздик пирсинга, сверкавший при движении. Она откусила большой кусок от бутерброда с креветками.

«Нет, это не так», – возразила она, капнув соусом на тарелку.

«Конечно, так!» – Я находилась замужем год, и муж часто говорил, как любит меня и как я прекрасна, и что только ради меня стоит жить. У нас имелось достаточно денег на скромную жизнь, и мне нравилась работа в школе на неполный рабочий день, даже если я не наилучшим образом использовала свое образование. Как такое возможно, чтобы я не была счастлива?

«В самом деле? – Тина широко раскрыла глаза. – Можешь, положи руку на сердце, сказать – что всё замечательно?»

Я заерзала на стуле и опустила глаза на свой нетронутый сэндвич. Брайан, возможно, не являлся тем человеком, с которым я хотела бы прожить до конца своих дней, и, наверно, я не всегда ощущала, что всё идет правильно. Честно говоря, мне удавалось довольно регулярно его расстраивать. Только накануне вечером он спросил, почему я никогда не выказывала к нему особых чувств.

«Почему мы не видим Брайана? – не унималась Тина. – Он приезжает забрать тебя, но никогда не выходит. Да и ты избегаешь общества, впрочем».

«Вовсе нет, – возразила я. Я не могла рассказать Тине, что Брайан не переваривает ее дерзкое чувство юмора и его коробит от ее шумности. – На самом деле я приду в пятницу на вечеринку по случаю окончания семестра», – внезапно объявила я, зная, что мне это сойдет с рук, так как Брайан, вопреки обыкновению, уехал на конференцию и дома ночевать не будет.

В тот пятничный вечер, когда Тина выпила свой шестой стакан «Пино

Гриджио», она невнятно произнесла: «Брайан странно держится с тобой. Он словно ставит себя выше».

Я отмахнулась от нее, но эти слова запали мне в голову. И несколько месяцев спустя, когда у нас с Брайаном случилась ссора, я завершила ее тем, что ушла из нашей квартиры и остановилась у Тины.

«Не могу поверить в то, что я только что сделала, – сказала я ей. Меня трясло. Я никогда раньше не сопротивлялась ему. Брайан хотел, чтобы я сократила свои часы в школе, однако в этот раз я не собиралась соглашаться. Я любила свою работу и даже только что получила шанс на повышение. – Мне предложили работу миссис Майер», – объяснила я Тине.

«Ну и в чем проблема с этим? – спросила она. – Ты однозначно должна на это пойти. Ты можешь выполнять эту работу с закрытыми глазами».

Я тоже так думала, вот только Брайан хотел, чтобы я больше времени проводила дома.

Тина поперхнулась вином, умудрившись выплюнуть полный рот обратно в свой стакан. «Ты ведь шутишь, правда?»

Я не шутила. Он сказал мне, что я должна быть больше домохозяйкой, чем карьеристкой. И спросил, хочу ли я, чтобы наш брак считался действительным, потому что если я поступлю по-своему, то выберу для этого неправильный путь.

Но когда Тина продолжила всячески поносить Брайана, я поймала себя на том, что отстраняюсь от нее, не в состоянии защитить своего мужа, но всё больше и больше стремясь сделать это. Он по-прежнему оставался Брайаном – человеком, которого я любила, и я была не согласна с тем, что он всё контролирует – как Тина выразилась. Мне хотелось верить, что беспокоясь и отговаривая, он лишь заботится обо мне, просто потому, что, думай я по-другому, – то что в нашем браке могло бы быть неправильнее этого?

К тому времени, как Брайан появился у двери Тины, я уже готова была броситься к нему в объятия и сказать, что люблю его. Я заверила его в том, что не пойду на повышение, но настаивала на своем: я не готова полностью отказаться от своих часов в школе.

Я пыталась не обращать внимания на его затянувшуюся одержимость идеей – что Тине слишком легко на меня повлиять. На то, как он расстроен, что я ставлю своих подруг и свою «так называемую карьеру» на первое место. В то время я просто радовалась, что сумела за себя постоять, хотя в глубине души знала – муж чувствовал себя преданным.

И я никак не ожидала, что три недели спустя, когда я вернулась в школу после пасхальных каникул, Брайан заберет меня после занятий и

скажет, что мы больше не поедem домой в нашу квартиру.

«Сюрприз! Я купил тебе твою мечту, Гарриет!» – заявил он, хлопая в ладоши.

«Что-что ты сделал? – засмеялась я. – О чем ты говоришь?»

«Мы переезжаем, любовь моя», – пояснил Брайан, неприкрыто и внимательно следя за моей реакцией. – Всё уже упаковано, так что тебе не нужно беспокоиться о вещах».

«Не может быть, – я нервно хихикнула. – Но... мне нравится наша квартира, – сказала я, видя, как вытягивается его лицо. – Ты меня разыгрываешь, Брайан», – добавила я осторожно.

«Нет, это не так. Я купил нам дом на берегу моря в Дорсете. Мы начинаем всё заново. Новую жизнь», – произнес он, несколько более уныло, чем в начале разговора.

«Но... Ты хочешь сказать, что продал нашу квартиру и купил новый дом? Ты не мог так поступить. – Однако я понимала – именно это он и сделал, и оттого, что всё было оформлено на его имя, он не нуждался в моем согласии. – Но зачем?»

Брайан посмотрел на меня внимательно. «Это просто для того, чтобы быть вместе, только ты и я, Гарриет, – ответил он. – Разве это не то, чего ты хочешь?»

Мне потребовалось много времени, чтобы понять – Брайан почувствовал угрозу. Кто-то слишком близко подошел к тому, чтобы увидеть его таким, каким он и был на самом деле. Кто-то, на его взгляд, настраивающий меня против него. Я сопротивлялась ему. Я отказалась оставить свою работу. Это была вина Тины: это не могло быть моим решением. От других подруг оказалось легче избавиться, но одной из причин, по которым Брайан не любил Тину, являлась ее упертость. Когда Брайан перевез нас в Дорсет, он знал, что не позволит такому повториться. Он нуждался в дополнительном средстве убедиться, что я не ускользну от него. Иметь дочь было недостаточно. Он хотел, чтобы я поверила, будто я не выживу без него. И он делал это, поедая мне мозг, пока я не усомнилась в своем здравомыслии. Как я могла уйти, когда так полагалась на Брайана? Когда у меня не имелось собственных денег на жизнь? Как я могла сбежать, если он устроил всё так, чтобы безо всяких усилий суметь доказать: мне нельзя доверить присмотр за дочерью и ее очень легко у меня отобрать?

Пока я давила на газ, приближаясь к Корнуоллу, я гнала от себя тревожное чувство, что Брайан, возможно, оказался прав. Если бы мне можно было доверять, я бы знала, где сейчас Алиса. Но взамен этого я направлялась к месту, которое видела только на картинке в Интернете.

«Вот, дешевый, как грязи кусок, – сказал он мне, показывая на коттедж выходного дня на сайте аренды. – Он спрятан на дальней линии, почти пустынной, и это прекрасно. Там только три коттеджа, и никто не потревожит. Туда даже никто не доходит».

Я содрогнулась от фотографий разнокалиберной мебели и старомодной невстроенной кухонной техники. Вытянутый задний сад был значительно больше того, к которому привыкла Алиса, однако он также оказался заросшим и неопрятным, и я не представляла, что ей там делать после того, как ее привезут туда с праздника.

«Но, возможно, это и к лучшему?» – подумала я тогда. Мы нуждались в укрытии, где никто не заметит маленькую девочку и мужчину, которые появятся там в один из субботних дней прежде, чем они сами узнают, что вся страна ищет их. В месте, где никто не подумает их искать.

Однако теперь все эти особенности, которые, как я убеждала себя, хороши для нашей цели, – вызывали у меня болезненные чувства. Уединенная лачуга коттеджа казалась опаснее, чем просто конспиративная квартира, и я всё еще была больше чем в трех часах езды от нее^[8].

Сейчас

– Есть какие-нибудь новости? – умоляюще спрашиваю я.

Мне так мало известно о том, что происходит. Единственное, что я знаю наверняка, – что Шарлотту допрашивают в другой комнате где-то дальше по коридору – детектив, которая приезжала на пляж. Но это не новости, так нужные мне.

Детектив Лоури качает головой и говорит, что нет. У него маленькие круглые очки в проволочной оправе, светло-рыжая щетина и невозмутимое выражение лица. Он представился, когда меня привезли в участок, торопливо перебирая короткими ножками по коридору, пока я следовала за ним.

Я отчаянно хочу уйти, чтобы вернуться туда и точно выяснить – что произошло. Я уверена, детектив что-то скрывает. Возможно, он думает, что, держа меня в неведении, он может манипулировать мной в своих интересах и использовать мой страх, чтобы сломить.

Я смотрю на часы, а затем на дверь, борясь с безумным желанием вскочить со своего стула и кинуться к ней. Она заперта? Я уверена, что нет. Смогу ли я выбежать? В конце концов, меня же не арестовали. Лоури сказал, что я здесь, чтобы помочь ему в расследовании. Однако он вышагивает вокруг меня, словно я могу сорваться с места в любой момент. Конечно, я могу физически выйти, но что дальше? Куда направиться? Если

я сделаю это – уверена, они притащат меня обратно в наручниках. И так, даже если я захочу убежать, я понимаю, что это невозможно.

Я смотрю на стену справа от себя и думаю – не по другую ли ее сторону Шарлотта? Она может говорить что угодно, и я не имею права просить ее не делать этого. Я потеряла эту привилегию в день праздника.

– Вы в порядке, Гарриет? – спрашивает детектив Лоури.

– Простите?.. – Я вскидываю взгляд на него, и он кивает на мое запястье. Я не заметила, что растираю его. Я отдергиваю руку. Кожа покраснела, но жгучая боль утихла и вместо нее осталась лишь тупая пульсация.

– Я думаю, всё в порядке, – отвечаю я, хотя никто и не проверял. Но сейчас запястье – наименьшая из моих проблем.

Лоури всё еще рассматривает меня, глядя на мое запястье. Он выглядит обеспокоенным, поглаживая пальцем щетину, прежде чем делает какой-то вывод и утыкается в свой блокнот. Теперь он продвигается дальше и интересуется моей дружбой с Шарлоттой. Я рассказываю, что она всегда была мне хорошей подругой.

– Шарлотте было известно, что я не знаю никого в Дорсете, – говорю я. – Она оказала мне радушный прием. – Я испытывала благодарность за это, большую, чем даже сама ожидала. Мне потребовалось три месяца, чтобы найти место на неполный рабочий день и устроиться в начальной школе Сент-Мэри, и у меня всё еще не было никого, кого я могла бы назвать другом. Я видела Шарлотту на игровой площадке, стоявшую в окружении своей компании из мам. Она выделялась на фоне остальных – длинными светлыми волосами, всегда собранными сзади в хвост, узкими джинсами, дорогой одеждой и блестящими босоножками. Я не могла оторвать глаз от Шарлотты, хотя для этого не было никакой иной причины, кроме той, что она просто привлекала меня, как летящего на свет мотылька.

Я приходила в школу по утрам и поглядывала, во что она сегодня одета. Я собирала свои спутанные волосы в хвостик и смотрела, могу ли выглядеть, как она.

Шарлотта была картинкой, которую вы вешаете на холодильник: для напоминания, что вам есть к чему стремиться. Для меня она олицетворяла всё, что я хотела иметь в жизни: свободу и возможность делать выбор без чужого влияния.

– Шарлотта ввела меня в компанию своих подруг, но, честно говоря, у меня было мало общего с остальными, – продолжаю я.

– Но много общего с Шарлоттой?

– Удивительно, но да. Мы обе были воспитаны нашими мамами. Мы

потеряли образ отца в своей жизни с раннего возраста. Из-за этого между нами возникло взаимопонимание, а это не у всех получается.

Детектив Лоури смотрит на меня вопросительно, но я не хочу вдаваться в подробности.

Вместо этого я говорю:

– Это просто значит, что у нас имелось что-то общее. Что-то, о чем мы могли поговорить, – добавляю я, хотя я никогда особо о себе не говорила.

Я рассказываю ему о нашей дружбе, о том, сколько часов мы провели вместе, болтая на скамейке в парке.

– Ваша дружба выглядит немного... – детектив Лоури машет рукой в воздухе, подбирая нужное слово, – односторонней.

Я поднимаю на него глаза.

– Вам так не кажется? – спрашивает он, слегка постукивая ручкой по столу.

– Односторонней? Нет, я думаю, Шарлотта тоже этого хотела.

– Это как раз понятно, Гарриет. Я имею в виду, что она нуждалась в вас намного сильнее, чем вы в ней.

Я слегка улыбаюсь, потому что Лоури не мог допустить большей ошибки.

– Или, может быть, у меня создалось неверное впечатление, но, похоже, вы значили для Шарлотты гораздо больше, нежели она для вас.

Наверно, это правда, но только потому, что я сама создала его.

– Как вы думаете, в какой степени она понимает это сейчас? – спрашивает детектив, и его слова звучат пронзительным звоном в моей голове, долетая до меня через стол. Я знаю, к чему он клонит, но он не говорит об этом прямо.

– Дело не в том, что мы нуждались друг в друге, – лгу я, потому что именно в этом была суть нашей дружбы.

– Но почему вы никогда ничем с ней не делились, Гарриет? – спрашивает он. – Вы боялись, что Шарлотта вам не поверит?

Нет, не поэтому. Сначала я сама боялась поверить в происходящее, а потом боялась, что потеряю ее. Но меня также пугало то, что может случиться дальше, как далеко пойдет Брайан. Он легко избавился от Джейн, потому что я ему позволила. Он изменил всю нашу жизнь переездом из-за Тины, но теперь с Шарлоттой я не могла рисковать, потому что должна была думать и об Алисе.

Среда, 5 октября 2016 года

– Гарриет становится хуже, – сообщил Брайан доктору сегодня. –

Когда я пришел домой вчера, я узнал, что она заперлась в чулане на бóльшую часть дня. – Он выразительно вытаращил глаза.

– Вот как? – Доктор взглянул на меня из-под своих густых бровей. Возможно, я упоминала однажды о своем страхе перед замкнутыми пространствами. – И как вы с этим справились, Гарриет?

– Ужасная штука – клаустрофобия, – встрял Брайан. – Бедняжка даже двери туалета запереть не может. Однажды нам пришлось подняться на тринадцать лестничных пролетов, потому что она не села в лифт.

– А где была Алиса? Вместе с вами? – спросил меня доктор.

– Она была рядом, – снова вмешался Брайан, покачивая головой. – Крошка, должно быть, сходила с ума, пока ты сидела в этом шкафу. Меня беспокоит то, доктор Соьер, что вчера утром я прямо сказал жене не приближаться к нему, потому что замок неисправен.

Я закрыла глаза.

– Гарриет? – позвал доктор.

Какой был смысл отвечать? Брайан лишь стал бы мне противоречить. Я пожала плечами и сказала, что не могу вспомнить. Но я могла. Я всё хорошо помнила.

– Я думаю, моей жене нужно несколько больше таблеток, – заявил Брайан. Тем не менее я не стала утруждаться и что-то возражать. Легче плыть по течению вслед за ним. Если я так сделаю, ему не о чем будет со мной спорить. Я возьму эти чертовы таблетки и смою их в сортир.

Днем ранее

Я проснулась и испытала облегчение, когда поняла, что Брайан ушел из дома, не разбудив меня, и поэтому я смогу начать день без его мелькания перед глазами. Не важно, что на улице сильный дождь. Мы с Алисой останемся дома смотреть телевизор и играть в игры.

– Что ты ищешь? – спросила я Алису, обнаружив ее в гостинной среди перевернутых пластиковых коробок и разбросанных по полу игрушек. Мне нужно будет привести всё в порядок до того, как Брайан вернется домой.

– Игру с ракетами, – ответила она.

– Я поняла, о чем ты. С пришельцами и космическими кораблями? – Я присела рядом с ней, и мы вместе просмотрели ее игрушки, но она оказалась права. Ни ракетной игры, ни каких-либо других ее настольных игр не было.

– Странно, – сказала я. – Мы их куда-то убрали?

– Нет. – Алиса покачала головой.

– Нет, не думаю, что мы это сделали. Разве мы не играли в нее вчера? –

спросила я, уже теперь по привычке проверять всё с ее помощью.

– Играл, – подтвердила дочка и засмеялась. – Я выиграла пять раз!

– Ох, моя умница, ты права. Ты абсолютно права. И мы положили ее сюда, не так ли? – Я стукнула по одному из пластиковых ящиков.

– Да, – кивнула она.

– Тогда это очень странно. – Я встала. – Единственное место, о котором я могу подумать, – это нижний чулан. Подожди минутку. Mamочка пойдет и посмотрит.

Я редко пользуюсь нижним встроенным шкафом, но, кроме него, нет никаких дополнительных мест хранения чего-либо в нашем маленьком доме. Я придержала открытую дверь ногой и потянула за шнурок выключателя, но свет не загорелся.

– Проклятье, – пробормотала я себе под нос, зная, что коробка с запасными лампочками в задней части чулана. Я прищурилась в темноте и смогла разглядеть стопку настольных игр, засунутых на полку в дальнем конце. Просунувшись поглубже, всё еще упираясь пяткой в дверь, я наклонилась, чтобы взять ракетную игру, но не смогла дотянуться. Я продвинулась еще немного, и, когда коснулась коробки, моя нога соскользнула и я провалилась вперед, а дверь захлопнулась.

Я вскрикнула в кромешной тьме. Но тут же выпрямилась, опираясь рукой на коробку, и нащупала путь обратно к двери. Она не открывалась. Я толкнула ее так сильно, как только могла, но дверь так и осталась заклинившей. Мое сердце билось всё сильнее и сильнее, и я всё толкала и толкала, колотила в дверь, хотя какая от этого польза, если в доме только я и Алиса?

– Mamочка! – услышала я хныканье с другой стороны двери. – Ты где?

– Алиса, дорогая! Глупая мамочка застряла в шкафу. – Я старалась изо всех сил сдержать страх, чтобы он не прозвучал в моих словах, но была серьезно напугана. – Ты можешь попытаться потянуть за дверь снаружи?

Я почувствовала, как дверь подалась немного, когда Алиса потянула, но всё равно не открылась.

– Поверни ручку, – попросила я.

– Я не могу! – крикнула дочка.

– Ох, Алиса, не кричи. Mamочка будет в порядке; нам просто нужно найти способ выбраться. Ладно, встань подальше, – сказала я ей. – Ты далеко от двери?

– Да! – пискнула она.

Я толкнула дверь, собрав все силы, которые у меня были, однако она по-прежнему оставалась на месте.

– Ладно. Алиса, то, что я хочу попросить тебя сделать, – это по-настоящему серьезное дело. Как думаешь, ты можешь выйти в задний сад и забраться на большое кашпо с цветами? Наклонись через забор к дому мистера Поттера и крикни, что нужна помощь.

– Нет! – воскликнула Алиса. – Мне слишком страшно.

– Я знаю, но тебе придется. Хорошо? Ты должна сделать это для меня. Пожалуйста, будь большой, храброй девочкой и сходи посмотри, сможешь ли ты привлечь его внимание.

Мистер Поттер перелез через забор в наш сад и вошел в дом вместе с Алисой. Когда он подергал и провернул ручку, наконец-то вызволив меня из шкафа, я кинулась к нему на грудь и зарыдала, притягивая к себе и Алису тоже.

– Как долго вы там просидели? – спросил мистер Поттер.

– По ощущениям – несколько часов.

– Ну, замок каким-то образом заклинило. – Он сделал еще один рывок, и вся ручка целиком осталась в его руках. – Хорошо, что это не случилось минуту назад; вы могли бы пробыть там намного дольше.

– Большое вам спасибо, – поблагодарила я.

– Нет проблем.

– Пока вы здесь, не могли бы вы подождать? Я достану запасные лампочки – эти, должно быть, перегорели, – сказала я.

– Сомневаюсь, – отозвался сосед, глядя на потолок. – Там даже нет ни одной.

– Этого не может быть! Я меняла их всего несколько дней назад! – Я потрясла головой, хотя, конечно, понимание уже пришло ко мне.

Гарриет

Еще полгода назад, до прошлого ноября, я не осознавала, до какой степени Брайан держит меня под контролем. Но я просто понимала, что не стоит пытаться на это повлиять, если я не хочу потерять Алису.

Как-то утром, прошлой осенью, я взяла Алису в парк в Чидденфорде. У меня тогда случился приступ отчаяния. Брайан всех одурачил. В основном меня, но ему удалось преподнести всем остальным собственную версию реальности. Какой я имела шанс выстоять против него? Сумасшедшая жена, которая подвергает своего ребенка опасности. Кто поверил бы мне, если бы я рассказала правду?

Шарлотта уже сидела в парке, и я проскользнула на скамейку рядом с ней. Эви бегала вокруг, сжимая в своей маленькой ручке палочку для мыльных пузырей. Алиса стояла рядом со мной, не решаясь присоединиться к ней, пока не будет к этому готова. Шарлотта болтала о свадьбе своей сестры, и, как со мной часто случалось, я забылась в чудесной суете ее проблем, пока она не сказала: «До сих пор нет новостей о том мальчишке, Мэйсоне».

«Я знаю. Родители, наверно, чувствуют себя ужасно. Ты только представь, через что они проходят. Это невозможно вообразить. – Я содрогнулась, и наши глаза непроизвольно устремились вслед Эви, бегавшей по парку, более внимательно. – Я не многое читала об этом», – призналась я. Несмотря на то что его исчезновение было тогда главной новостью, каждый раз, когда я думала о пропавшем мальчишке, мне становилось плохо.

«Хмм. Я знаю, что скажу ужасную вещь, но как ты считаешь – родители замешаны?»

«Нет! Не может быть. А что, это правда?» – ахнула я.

«Я не думаю, но вот некоторые люди так говорят. Я читала статью в Интернете, и там перечислялись все странные причины, по которым дело не складывается, и это заставляет нас усомниться, разве нет?»

«Нет. Я не думаю, что это они, – ответила я. – Ни на минуту не поверю, что это так».

Шарлотта вздохнула. «Нет, я тоже, – согласилась она. – Но разве не ужасно, что это так искажается прессой? В жизнь его семьи вторглись. Они не могут ничего сделать без всеобщего внимания; это, должно быть, так трудно. – Она поиграла шарфом, лежащим у нее на коленях. – Но зато, полагаю, если им есть что скрывать – то они не смогут делать этого долго».

В тот же вечер я прочитала всё, что могла, о деле Мэйсона Харбриджа – «мальчика, который растворился в парке». Там была интересная мысль – никто не может исчезнуть совершенно бесследно. И Шарлотта говорила правильно: взгляды общества прикованы ко всему, что с этим связано. Родители Мэйсона шагу не могли ступить без того, чтобы кто-то не заметил.

Если бы люди заглянули за стены, которые Брайан так искусно выстроил вокруг нас, то что бы они увидели? Как долго он смог бы обманывать всех? Пресса влезла бы в нашу жизнь, полиция прочесала бы наш дом: проживая вместе с нами, наблюдая каждый момент, слушая всю ложь, которая исходит из его уст.

Всё, в чем я нуждалась, – чтобы каждый увидел то, что вижу я. Тогда

мы с Алисой сможем сбежать от него. И Алисе не потребуется исчезать надолго. Только до тех пор, пока все вокруг не узнают о монстре, с которым я жила.

В конце концов – настолько ли в действительности хитер Брайан, как ему кажется?

То единичное высказывание Шарлотты о семье Харбриджа всё не вылетало у меня из головы, и несколько недель спустя, в конце ноября, я впервые увидела шанс превратить эту идею в реальность.

Одним дождливым утром, в понедельник, я делала уборку в доме, когда в дверь раздался звонок. Я улыбнулась Алисе, рисовавшей за кухонным столом, и с тряпкой в руке приоткрыла дверь, обнаружив стоявшего на пороге мужчину. Он казался таким же потрясенным, какой, вероятно, выглядела и я. Схватившись одной рукой за косяк, он слегка наклонился вперед, будто собирался что-то сказать.

Я скользнула взглядом по его лицу, нервно встряхнула головой и отступила на шаг. Я не узнала его, но эти большие зеленые глаза были так знакомы...

– Гарриет, – в конце концов произнес он. И это был не вопрос, а утверждение.

– Нет, – пробормотала я, всё еще покачивая головой. – Это не можешь быть ты. – Я взглянула вверх и вниз по улице, но вокруг больше никого не было, а затем снова на него, пока он неловко вытирал ноги.

Он уткнул взгляд в землю, предоставив мне возможность разглядывать полянку посреди редущих седых волос.

– Что... – начала я, затаив дыхание. Слишком много вопросов проносилось в моей голове. «Что ты здесь делаешь? Какие-то плохие новости? Как ты меня нашел? Ты действительно тот, кто я думаю?»

– Как ты считаешь, я могу... эмм... войти?

Я снова покачала головой. Я не могла его впустить. Что мне сказать Алисе?

– Мне не нужно оставаться надолго. Я просто рад возможности поговорить с тобой.

И в конце концов я распахнула дверь и провела его на кухню, пообещав Алисе, что, если она посмотрит телевизор в гостиной и не будет нам мешать, мы испечем сегодня торт.

Ей не нужно было повторять дважды, и, как только Алиса вышла из кухни, я жестом попросила мужчину сесть. А сама встала возле раковины и сказала:

– Все думают, что ты умер.

* * *

– Значит, ты тогда не поверила, что я умер? – Мой отец, Лесс, не знал, куда деть руки, и непрерывно покручивал обручальное кольцо на пальце. Я внимательно наблюдала за этими руками, пытаюсь вспомнить, как они подбрасывали меня в детстве или играли со мной, но ничего не приходило в голову.

– Нет, я знала правду, – ответила я тихо. Что я помнила, так это первый раз, когда мама сказала кому-то в магазине, что мой отец умер. Я посмотрела на нее в шоке, удивляясь, когда это могло произойти, но мама слегка покачала головой, и даже в таком юном возрасте я быстро сообразила, что она говорит неправду. Это была ее очередная выдумка.

«Значит, папочка не умер?» – спросила я ее позже, когда мы были одни.

«Нет, живехонек, – ответила мама, хлопая большой простыней, которую она отчаянно пыталась сложить. В конце концов она свернула ее в комок и сунула в сушилку. – Но он сбежал, и маме будет намного легче, если мы скажем людям, что он умер».

Мне не понравилось, как это прозвучало. Но я не стала спорить, потому что она была моей мамой. И я ни к кому не могла бы обратиться с вопросом – правильно ли мы поступаем.

Незаметно для себя я впитала ее ложь, и в какой-то момент с годами мне стало легче говорить людям, будто он умер, чем признать тот факт, что мать намеренно выдумала такую ужасную историю. К тому времени, как я встретила Брайана, я даже не рассматривала возможность рассказать иную версию.

Когда я стала старше, то узнала маму достаточно хорошо, чтобы понять – она не вынесла бы жалеющих взглядов, перешептывания соседей за спиной, вопросов и домыслов: что же заставило в конце концов моего отца уйти. Или даже, возможно, – почему он продержался так долго. Я не знаю, вину ли мама себя за его уход – внешне она винула его, – но она посчитала, что все вокруг обвинили бы в этом ее.

Всё, что у меня осталось на память о нем, – это старая измятая фотография. Мы прижимались на ней лицами друг к другу, широко улыбаясь. Отец держал меня на руках, и мы оба откусывали от фигурной

макушки одного мороженого.

Теперь я искала в его лице черты, которые помнила. Они присутствовали там, но прятались под морщинистой кожей, словно наросшей слоями на его щеках. Ярко-зеленые глаза теперь выглядели водянистыми и глубоко запавшими под седыми бровями. Годы отняли у меня ту единственную картинку в моей голове и заменили ее сейчас на этого старика, выглядевшего так потерянно и неуместно на моей кухне. Мне никогда не вернуть эти годы, подумала я, резко отвернувшись от него, чтобы мое лицо меня не предало, и засуетилась, наполняя чайник.

Его внезапное появление вызвало у меня прилив неожиданных эмоций, с которыми я не могла справиться. Неужели я действительно тосковала по отцу?

– Как ты меня нашел? – спросила я, наконец.

«И зачем?» Я еще не знала, готова ли услышать ответ на этот вопрос.

– Я сперва нашел тебя в этом вашем «Фейсбуке», около года назад. – В его голосе послышались мягкие успокаивающие нотки. – Ты была под своей девичьей фамилией, и там говорилось, что ты работаешь в школе Сент-Мэри в Чидденфорде.

Я действительно создала однажды страницу, чтобы держаться в курсе школьных новостей, пока работала там, но никогда не писала постов и даже не потрудилась обновить информацию о себе, когда уволилась.

– Потом случилась забавная история, – продолжал отец. – У меня есть двоюродный брат, который живет неподалеку отсюда. Он хорошо знает местность и рассказал мне, где находится твоя деревня. – Он сделал паузу.

– Ну? – поторопила я.

– В один прекрасный день я подумал, что надо приехать и осмотреться вокруг. Я не надеялся на самом деле, что у меня появится шанс увидеть тебя, но случайно проходил мимо парка за углом от школы, и... – Он запнулся. – Я тебя сразу узнал. Я никогда не забывал твое лицо. С тобой была маленькая девочка. Она выглядела так похоже на тебя, – улыбнулся он, глядя на меня. – Копия тебя в ту прежнюю пору.

– Итак, ты меня увидел. И что потом? – спросила я резко.

– И тогда я пошел за тобой, – ответил отец, опуская взгляд в стол.

– Ты проследил за мной?

– Я знаю, знаю, это ужасный поступок, я просто... ну, я должен был подойти и заговорить с тобой, но у меня не хватило смелости, – признался он. – Я колебался целую вечность, пока ты не встала и не собралась уходить, и я не хотел всё испортить. Я сам не знал, что я хочу сказать, и... – Он усмехнулся. – Теперь, когда я здесь, я всё еще боюсь, что поступаю не

очень правильно.

Я притопила чайный пакетик в чашке, плеснула туда немного молока и повернулась обратно к гостю. Мой отец неловко ерзал за столом. Он пришел сообщить, что умирает? Я задумалась. Имеет ли это значение для меня?

– Это шок для тебя, я знаю, – сказал он. – Увидеть меня на своем пороге.

– Думаю, какая-то часть меня всегда представляла, что однажды это может случиться.

– Надеюсь, я не расстроил тебя? – Отец посмотрел на меня с проблеском надежды, пытаясь поймать мой взгляд, но не смог долго выдерживать его.

– Я более чем заинтригована, – отозвалась я ровным тоном, стараясь казаться отстраненной. Частенько я смотрела на Брайана и думала, что детям лучше вовсе без отцов, но мой собственный никогда не давал мне шанса это выяснить.

Я вручила ему чай, и он обхватил кружку своими большими ладонями, притянув ее к себе и внимательно изучая колебания жидкости внутри.

– Я сожалею, – сказал он просто.

– О чем ты сожалеешь теперь? – спросила я его, крепко прислонившись спиной к раковине и изо всех сил сжимая собственную кружку. Внезапное отчаянное желание услышать его извинения удивило меня.

– О том, как это случилось, – ответил он. – О том, что не виделся с тобой в дальнейшем.

– Я на самом деле не знаю, что произошло, – призналась я, наблюдая за ним и размышляя, каково было бы, если бы рядом находился отец. Если бы моя жизнь пошла иным путем. И хотела ли я бы этого в любом случае? Тихий звук включенного детского канала донесся через стену, и я поняла, что нет, несмотря на все, я бы ничего не изменила. – Очевидно, мама рассказала мне свою версию.

– Это не произошло внезапно, – начал отец. – Для меня это не было легким решением. Когда я впервые встретил твою маму, она была прелестной молодой женщиной. – В его глазах блеснуло воспоминание. – Полной энергии и планов, и я влюбился в нее по уши. Мы не имели больших денег, но были счастливы долгое время. По прошествии нескольких лет я начал замечать, что у нее много демонов, терзающих ее. Много проблем, с которыми я не очень хорошо справлялся. Она беспокоилась обо всем. Ненавидела меня, когда я выходил из дома. Была

убеждена, что я не вернусь. Каждую ночь она заставляла меня вылезать из постели минимум трижды, чтобы проверить дверные замки. Всегда срывалась на мне из-за беспокойства о чем-то другом. Я начал много пить. – Отец помолчал и кивнул. – Да, мой способ отгородиться от этого. Однажды я понял, что больше не живу – я выживаю, и отныне не хочу, чтобы это продолжалось.

Я выдвинула стул и уселась напротив него.

– Я задыхался, Гарриет, – продолжал он. – Находиться в одном доме вместе с ней стало свыше моих сил. – Но я не ожидаю, что ты поймешь – что я имею в виду.

Я не ответила, но, должно быть, хмыкнула, потому что он взглянул на меня и сказал:

– Прости. Конечно, ты поймешь. Ты сама видела, какой она была. Я могу себе представить, хоть и не знаю точно, каково тебе пришлось после того, как я ушел.

– Мама была хорошей, – возразила я, и впервые подумала, что всегда кто-то да подавлял меня всю мою жизнь. – Она была такой, какой была, и я любила ее за это.

– Она тоже очень любила тебя. Больше всего на свете. Так что я не сомневался после своего ухода, что с тобой всё в порядке и что тебе лучше с ней. Я никогда не думал забрать тебя у нее.

– Безусловно, тебе не требовалось делать такой выбор, – сказала я резко. – Но тебе не нужно было исчезать из моей жизни полностью.

– Я мог бы бороться, – произнес отец напыщенно. – Хотя это была бы чертовски трудная битва. Но я встретил кое-кого другого, понимаешь. Мэрилин. Она оказалась светом в окошке, она спасла меня от... – он помолчал. – Ну, от многих вещей на самом деле.

– Так ты предпочел Мэрилин мне?

– Это выглядело по-другому. Твоя мама узнала о Мэрилин и очень ясно дала понять, что если я ее не брошу, то не буду допущен в твою жизнь. Я упрашивал ее, умолял, чтобы она не мешала мне видеться с тобой, но она была непоколебима. Если бы я остался, это прикончило бы меня, Гарриет. Как я тебе сказал, я уже слишком много пил, и только с помощью Мэрилин наконец остановился. Я пытался приходить, – продолжал Лесс. – Но твоя мама даже непустила меня в дверь. Это происходило в семидесятые; тогда не было групп поддержки для пап. А через неделю или около того я узнал – она рассказала всем, что я умер. И я не возвращался после этого. Часть меня думала, что так будет лучше. – Лесс покачал головой. – Я не хотел совершать поступки, усложняющие тебе жизнь. Чтобы люди не

задумывались – зачем твоя мать солгала им. Прости, Гарриет. Если бы я мог повернуть время вспять...

– Тогда ты, вероятно, поступил бы так же, – заметила я. – Вы с Мэрилин по-прежнему вместе?

– Она умерла полгода назад. Но да, мы были вместе. – Его глаза увлажнились, и я сама не заметила, как дотянулась через стол и взяла его за руку. И ощутила, как его огрубевшие пальцы сжали мои. Возможно, я не поступила бы, как он, на его месте, но, честно говоря – могу ли я обвинять его в том, что ему потребовалось уйти?

– Прости меня, – сказала я.

– Так как всё складывалось после моего ухода? – спросил отец.

– Ну, мне хотелось бы, чтобы мама не тряслась надо мной так сильно, как она это делала, но я никогда не испытывала недостатка любви. Почему ты начал искать меня сейчас?

– Я давно об этом поговаривал. Мэрилин поддерживала меня и побуждала к этому – это она подсказала попробовать «Фейсбук», но у меня всё духа не хватало. Потом ее не стало, и теперь всё в жизни выглядит иначе. Я старик, и у меня больше никого не осталось. Я не заслуживаю, чтобы ты вернулась в мою жизнь, однако мне захотелось использовать шанс увидеть тебя снова. И увидеть твою девочку, конечно.

– Алису.

– Какое красивое имя. Сколько ей лет?

– Только что исполнилось четыре.

Мой отец кивнул:

– Я пообещал себе, что сделаю всё, чего ты от меня захочешь. Если ты скажешь убираться прочь – я уйду. – Он грустно улыбнулся. – Мне просто нужно знать наверняка. Я не хочу больше никаких разочарований. – Лесс взглянул на меня вопросительно, но я не отвечала.

В конце концов он поднялся из-за стола и сказал мне, что ему, наверно, пора идти. Я не остановила его, так как не хотела рисковать, что Брайан, неожиданно вернувшись, обнаружит моего отца на нашей кухне, хоть это и являлось маловероятным. Но когда папа спросил, сможет ли он увидеть меня снова и провести некоторое время с Алисой, я согласилась, потому что мне было нечего терять. Я хотела узнать о нем побольше, а он хотел узнать поближе нас. И независимо от того, нравилось мне это или нет, между нами имелось много сходства.

Мы договорились встретиться на следующей неделе в кафе в Бридпорте, и я, провожая его ко входной двери, сообщила:

– Мой муж думает, что ты умер.

– Ох! – Он выглядел потрясенным. – Ты так ему сказала?

Я кивнула.

– Я всем так говорила, – призналась я. – И не думаю, что мне следует сейчас рассказывать ему обратное. – Отец вопросительно взглянул на меня, но я больше ничего не пояснила. – Так что лучше пусть это останется между нами, – продолжила я. – Я бы предпочла, чтобы никто больше не узнал о том, что ты здесь.

– Кроме моего кузена. – Он слегка улыбнулся.

– А, точно. – Я и забыла, что он упоминал о двоюродном брате.

– Но тебе не нужно беспокоиться насчет него. Он практически отшельник, – сказал отец.

– Ну, пожалуйста, не напоминай ему больше об этом.

– Конечно, не буду, раз ты не хочешь. – Лесс улыбнулся шире. – Ты можешь этому удивиться; но, возможно, если бы ты рассказала обо мне своему мужу, то оказалось бы, что он гораздо более понимающий человек, чем ты думаешь.

Я покачала головой. Нет, Брайан не был понимающим ни в малейшей степени.

Вторник, 8 ноября 2016 года

– Вы обе промокли насквозь! – Брайан схватил два полотенца из сушильного шкафа и велел мне снять одежду. – О чем ты только думала, Гарриет?

– Я не думала, что погода настолько плохая, – ответила я, крепче обхватывая влажную рубашку, прилипшую к моему телу. Я не ожидала, что небо разверзнется. Я не взяла зонтики, а наши плащи-дождевики лежали на самом дне чемодана.

– Ты стояла в нескольких дюймах от края платформы! – прошипел муж мне в ухо. – Ты хоть представляешь, что пришло мне в голову, когда я тебя увидел? – Я отвернула лицо от него, когда он силой развел мне руки в стороны и прижал полотенце к моей груди. – Тебе нужно раздеться!

– Я сейчас. – Всхлип застрял у меня в горле. Я хотела, чтобы он вышел из ванной. Мне не нравилась его манера наблюдать за мной в ожидании, когда я разденусь.

Брайан начал расстегивать на мне рубашку, обнажая старый серый бюстгальтер, облепивший мою грудь. Я отпрянула от его прикосновения, и это вынудило его остановиться.

– Ты это нарочно, Гарриет? Когда я стараюсь ради тебя, ты так со мной обращаешься? Ты бросила меня, забрав с собой мою дочь. Ты видела, как

дрожала Алиса, когда я там появился? Она вымокла до нитки. Гарриет, ты полагала, что я смогу жить без тебя? – Брайан взял меня за руки, глубоко вдавив большие пальцы в мою кожу.

– Я больше не могу так! – вскрикнула я.

– Не можешь что?

– Жить так!

– А как, по-твоему, ты сможешь жить без меня, Гарриет?

У меня не было ответа на этот вопрос. Когда я собрала чемодан и привезла Алису на станцию, сказав ей, что мы едем в отпуск, я не задумывалась, что мы станем делать дальше. Я не планировала надолго вперед. Всё, что я знала, – нам необходимо уйти от Брайана.

– Я нашел тебя. Я всегда разыщу тебя. Ты ведь знаешь это, любовь моя, не так ли? – Он отступил на шаг. – Я не могу выбросить из головы эту картину – вы вдвоем, стоящие так близко к краю. Мне интересно – что ты собиралась сделать? Сомневаюсь, что ты понимала свои дальнейшие шаги. Конечно, мне надо будет поговорить об этом с доктором и посмотреть, что он предложит. Хотя мне и ненавистна мысль о том, что он может сказать. Что тебе необходимо остаться в больнице. Но... – Брайан тронул пальцем свою губу. – Я вижу, как ты превращаешься в свою мать, Гарриет. Вот что меня беспокоит.

– Ты не можешь поместить меня в больницу! – крикнула я.

Брайан посмотрел на меня с жалостью, а затем вышел из ванной, понимая, что вся власть у него.

Гарриет

После Рождества, пока Шарлотта была увлечена планированием свадьбы сестры, я поймала себя на том, что всё в большей степени полагаюсь на своего отца.

Мы встречались в разных уголках Дорсета, всякий раз на новом месте. Он жил в Саутгемптоне, достаточно далеко, чтобы Брайан не мог случайно с ним столкнуться, и достаточно близко, чтобы видеться с нами в течение дня. Я скрывала наши встречи от Брайана и всегда устраивала их, когда он был на работе. Лесс был рад сбегать из замкнутого круга своей домашней жизни, и я начала получать удовольствие, наблюдая за его расцветающей дружбой с Алисой.

Иногда я даже чувствовала какую-то обиду, особенно, когда он убегал

от волн с визжащей Алисой или строил ей машинки из песка.

– Почему ты не появился раньше? – спросила я, когда он настоял на том, чтобы купить нам мороженое в середине января. Я потеряла столько моментов, подобных этому. Я жила, не понимая, чего мне не хватало, а теперь, когда отец вернулся в мою жизнь, в ней обнаружилась дыра, наличие которой я раньше не осознавала.

Потом я увидела, как Алиса свернулась у него на коленях, словно довольная кошка, в восторге от его карточных фокусов, и подумала – действительно ли имеет значение то, что произошло в прошлом. Куда важнее то, что я не позволила этому разрушить будущее. Теперь у Алисы был дедушка, и она в нем души не чаяла. И я тоже втайне радовалась, что мой отец снова со мной.

Лесс чувствовал, как моя настоящая жизнь далека от мира, и я начала рассказывать ему урывками о человеке, за которого вышла замуж, уверенная, что он никогда не встретит Брайана. Это было хорошо – наконец-то поделиться правдой с кем-то, тем более со своим отцом. В конце концов я рассказала ему, как Брайан заставляет меня поверить, что я сумасшедшая.

– Уверяю тебя, ты в здравом уме, – сказал отец.

– Он вбрасывает это в разговорах. Что я – как мама.

– Он никогда даже не знал твою мать, – заметил папа сердито. Мы потягивали горячий шоколад в кафе Национального трастового дома, наблюдая, как Алиса играет снаружи. – И она не была сумасшедшей. У нее просто было много тревог.

Я не стала говорить ему, что мы с мамой похожи больше, чем хотелось бы, но подумала об этом.

– Кроме того, – продолжил он, – быть похожей на нее неплохо. Она была очень хорошей матерью и всегда ставила тебя на первое место. По-своему.

Я опустила голову, чтобы отец не увидел слез, которые навернулись на мои глаза.

– Я не вижу выхода, – призналась я.

– Выход есть всегда.

– У меня нет денег. Ни одного собственного пенни. У меня нет своего банковского счета. Если я уйду, то даже не смогу купить Алисе и себе еду на следующий раз.

– Ну, я могу помочь, – предложил он.

– Спасибо, но из чего? Ты уже рассказывал мне, что твоей государственной пенсии едва хватает, чтобы протянуть неделю^[9]. – Лесс не

имел собственного дома и по-прежнему жил в съемной квартире, в которой они с Мэрилин прожили долгие годы.

– Тогда тебе нужно идти в полицию, – продолжал он.

– И что я там скажу? У меня нет шрамов, чтобы показать им. – Я закатала рукава. – Нет синяков. У меня нет способа доказать, что он издевается надо мной.

– Но тебе как-нибудь надо просто уйти, забрать Алису и...

– Я пыталась! – воскликнула я. – Брайан находит меня. Он уже делал это раньше. Каким-то образом ему удастся выследить меня и отвезти домой, и я знаю, что он отберет у меня Алису. Он докажет, что я сумасшедшая, в этом вся прелесть того, что он делает, – добавила я с сарказмом. – Брайан всё это проработал.

– Ты действительно думаешь, что он хочет отобрать ее у тебя? – спросил папа. – У меня не сложилось впечатление, что он питает какие-то чувства к Алисе.

Я смотрела, как Алиса поднимает опавший листочек и бережно кладет в свой карман.

– Он любит ее, – сказала я. Но я тоже видела, как неуклюже выглядели их беседы и как он не всегда знал, о чем с ней разговаривать. Когда мы втроем находились вместе, Брайан частенько болтался где-то с краю, будто посторонний. Наверное, он и сам это замечал? – Я не сомневаюсь, он проследит, чтобы ее у меня забрали, – добавила я. – Если решит, что это то, что он должен сделать.

– Позволь мне помочь, – настаивал отец. – По крайней мере, приходи и оставайся со мной, пока ты всё не уладишь. Вы можете занять мою кровать, а я буду спать на диване. Позволь мне сделать это для тебя и Алисы, пожалуйста. – Он взял мою ладонь и крепко сжал. – Я хочу этого.

– Но все думают, что ты мертв! – воскликнула я. – Разве ты не понимаешь? Если я вдруг объявлю, что ухожу к своему покойному отцу, с которым встречаюсь последние несколько месяцев, это будет только на руку Брайану. Мяч окажется на его стороне. Я пишу «мать и отец умерли» во всех документах. Моя лучшая подруга думает, что ты умер, когда мне было пять. Если все узнают, что я лгала им всё это время, Брайан станет кричать с крыш, что именно об этом он и говорил.

– Но должно же быть что-то, что я могу для тебя сделать, – сказал отец.

– Возможно, есть один способ. – Я глубоко вздохнула и рассказала о семье Харбриджа и о мыслях Шарлотты, запавших мне в голову.

– Ты хочешь, чтобы я похитил Алису? – Он был явно ошеломлен этой

идеей.

– Тссс! – Я оглянулась по сторонам, но кафе пустовало. – Давай-ка пойдём отсюда. – Мы схватили наши пальто и вышли на улицу, помахав Алисе, всё ещё занятой набиванием своих карманов листьями и веточками, из которых потом она соберёт какую-нибудь поделку. – Это будет временно, и ты её не похитишь. Ты поддержишь её в безопасном месте до тех пор, пока я не найду способ разоблачить Брайана.

– Нет, Гарриет. Мне это совсем не нравится.

– Никто не заподозрит тебя, потому что тебя не существует, – продолжала я.

– Нет. – Лесс отрицательно покачал головой. – Слишком многое может пойти не так. Полиция взглянет на это с другой точки зрения.

– Если что-то пойдёт не так, я скажу им, что это моя идея, – пообещала я.

– Это просто смешно. Ты отправишься в тюрьму. Ты когда-нибудь думала об этом?

– Да, – солгала я. Я думала только о том – как сбежать от мужа.

– И чем, по-твоему, это закончится, Гарриет? Что ты планируешь делать дальше? Ты сбежишь с Алисой и будешь жить за границей?

– Нет. – Я размышляла об этом, но не могла представить, что нам придется скрываться всю оставшуюся жизнь. В некотором смысле это было бы не лучше, чем то, как мы жили сейчас. – Нет, – осторожно повторила я. – Я думаю так – когда придёт время, ты её где-нибудь оставишь. В безопасном месте, где есть люди, и скажешь ей позвонить в полицию. – Я старалась говорить так убедительно, как только могла. Нам обоим требовалось верить в благоприятный исход. – К тому времени ты должен завоевать её доверие, и она поймет – нельзя говорить, что это был ты. Всё, что они от неё получают, – описание какого-то человека, который её забрал. Ей всего четыре года, они будут ожидать неточностей и противоречий и не станут полагать, что Алиса точно знает, где находилась.

– Да, ей четыре, – сказал отец. – И ты доверишь четырехлетнему ребенку нести эту ложь? Это настолько неправильно, что я не могу поверить своим ушам.

– Алиса верит мне. И ты поверь, – ответила я. – Она умница, она поймет, если мы скажем ей, что это единственный путь оказаться в безопасности.

– Ох, Гарриет, – вздохнул папа, покачивая головой. – Боюсь, это неправильный путь.

– Сделай это для меня, – умоляла я, не обращая внимания на его

колебания. – Если тебя больше ничем не проймешь, то хотя бы вспомни, что ты должен мне это.

– Не дави на меня.

– Но ты сам так говорил. Когда мы встретились первый раз, ты сказал, что сделаешь всё, что я захочу. Это – то, чего я хочу, – заявила я. – И ты сейчас можешь либо уйти, либо остаться в нашей жизни, – попыталась я использовать последнее средство.

Он ушел.

Я потеряла свою единственную надежду на будущее и своего отца. Он всё же появился в музее, где мы договорились встретиться на следующей неделе, как и планировалось, но между нами пролегла дистанция. Мы снова были больше похожи на незнакомцев, как два месяца назад, чем на отца и дочь, которыми мы стали.

В последующие недели разрыв увеличился. Лишь временами я видела черты прежнего отца, о котором уже так привыкла заботиться, – когда наблюдала, как он играет с Алисой. Он подбрасывал ее в воздух, кружил вокруг себя и щекотал, опустив на землю, до тех пор, пока она не начинала умолять его остановиться, потому что больше уже не могла так сильно смеяться. Только в эти моменты он выглядел так, словно почти забыл о моей просьбе.

Однажды в среду в середине марта мы переправились паромом на Браунси – остров в близлежащей бухте Пул. Я сидела на бревне, пока мой отец водил Алису показать ей павлинов, а когда они вернулись, у него было мрачное выражение лица.

– Нам нужно поговорить. – Папа присел на бревно рядом со мной, а я продолжала смотреть, как Алиса носится по траве. – Если ты твердо решила, что это единственный способ, – я сделаю это.

– Ты серьезно? – ахнула я.

– Нам надо многое обсудить.

– Да. Да, конечно! – Я придвинулась к нему и обняла за талию, хотя и почувствовала, как он напрягся. – Ты уверен насчет этого? – спросила я, вновь отклоняясь.

– Как бы то ни было, я думаю, это очень рискованно, Гарриет. Много может пойти не так. – Папа взял меня за руки и мягко снял их с себя. – И если случится нечто плохое, пообещай мне кое-что.

– Что?

– Это я возьму всю вину на себя. Не ты.

– Не выйдет. Я не смогу этого допустить.

– Это одно из моих условий, – непреклонно сказал отец. – От тебя зависит, узнает ли кто-нибудь, что ты имеешь к этому отношение. Я не позволю отобрать у тебя Алису.

– Но...

– Я так решил. Если ты не можешь пообещать мне этого – дальше мы не продвинемся.

– Как я вообще смогу это сделать? – спросила я его. – Алиса скажет, что знает тебя, и тогда станет ясно, что мы встречаемся несколько месяцев.

– Я что-нибудь придумаю, – сказал он. – Но начиная с этого момента нам лучше больше не видеться.

Я уставилась на него, разинув рот.

– Почему мы не можем видеться?

– Мы не можем рисковать, чтобы кто-то запомнил нас вместе, пока мы разрабатываем план действий. И я говорю чертовски серьезно, Гарриет. Ты должна пообещать мне, что никогда никому не позволишь даже подумать, что как-то с этим связана, если всё пойдет не так.

Я внимательно взглянула на отца, не спускавшего глаз с Алисы.

– Хорошо, – прошептала я. – Я обещаю.

Он кивнул.

– Что заставило тебя передумать? – спросила я.

– Я просто так решил, – ответил папа коротко.

– Папа. Что произошло? – Я проследила за его взглядом до места, где играла Алиса, подбегающая теперь сзади к ничего не подозревающему павлину. – Алиса тебе что-то сказала?

Он заерзал рядом со мной, продолжая неотрывно смотреть на мою дочь.

– Если она что-то говорила, пожалуйста, расскажи мне.

– Я сказал, что сделаю это, Гарриет, так что давай сосредоточимся на том, как нам поступить сейчас.

С самого момента, когда мы согласовали этот план, я понимала, что существует много «что, если...». Я прекрасно сознавала, что всё могло развалиться при малейшей трещине, но к этому времени была уже в отчаянии. Я мысленно собирала рассыпавшиеся части плана, как кусочки пазла, и ставила их на место. Я скользила в своем воображении пальцами по критическим точкам, в которых всё могло пойти ужасно неправильно, и знала, что совершаю сейчас «прыжок веры»^[10]. Но вера – это всё, за что мне оставалось держаться.

– Я доверяла тебе, папа, – громко сказала я вслух, приближаясь к

Корнуоллу. Мои руки подрагивали на руле. – Я доверяла тебе.

А теперь, в глубине души, – я всё еще доверяю или уже нет?

Однако в любом случае всё, что мне оставалось, – изнуряющее беспокойство о том, что же могло произойти с ними. Что помешало оцу отвечать на мои звонки?

Гарриет

Через четыре дня после похищения Алисы я впервые позвонила на предоплатный мобильный, купленный моим отцом, как мы и договаривались.

Я сказала Ангеле и Брайану, что мне необходимо подышать свежим воздухом, и остановилась у таксофона в трех кварталах от дома, чтобы сделать звонок. Моя рука дрожала, когда я набирала номер и надеялась, что запомнила цифры в верном порядке.

Как только отец сказал «Привет!», четырехдневное напряжение схлынуло с моего тела.

– Алиса в порядке?

– Да, с ней всё хорошо. Она спрашивает о тебе, но она в порядке.

– Ох, слава Богу! – вздохнула я. – Могу я с ней поговорить?

– Она в саду, но я в любом случае не думаю, что это правильная мысль. Сегодня она более спокойна.

Я попыталась представить Алису в интерьерах дома, виденных мною в Интернете. Это была идея отца – отвезти ее в Элдерберри-коттедж, дом выходного дня в маленькой деревушке Вест-Олделл в Корнуолле. Они с Мэрилин останавливались там дважды, и нам обоим было удобно, что он знает местность. Папа заверил меня, что раньше их там никогда не беспокоили и оба раза они почти не видели никого вокруг, по крайней мере никого, кто бы заинтересовался ими.

– Но с ней всё нормально? – спросила я его еще раз. – Она хорошо себя чувствует?

– Алиса в полном порядке. Я сказал ей, что это маленькие каникулы. Она думает, что ты слегка прихворнула, как мы и договаривались.

– А как ей было на празднике? Она не испугалась?

– Нет. Она удивилась и растерялась, но я сказал ей, как мы условились, – что ты просила присмотреть за ней и что Шарлотта знает. А потом она просто беспокоилась о тебе, но как только я заверил ее, что

ничего серьезного... – Отец замолчал. Я ощутила, как наш обман словно царапает мне кожу, и знала, что ему тоже.

– Как же хорошо наконец поговорить с тобой, папа, – сказала я.

– Это точно. – Его голос прозвучал безжизненно.

– Папа! У тебя странный голос. Что случилось?

– Ничего страшного, Гарриет.

– Скажи мне. В чем проблема?

Я услышала, как он запыхтел:

– С чего мне начать? Ты во всех новостях. Алиса тоже. Ее фотография повсюду. Я боюсь выходить из коттеджа – вдруг ее кто-нибудь увидит.

– Я знаю, но это всё ненадолго, – произнесла я более уверенно, чем себя чувствовала. – Ты должен сейчас продолжать делать, что делаешь; мы не можем повернуть назад.

– Я понимаю. Но это больше не кажется мне правильным. Черт, да что я такое говорю – никогда не казалось.

– Ты меня пугаешь, – сказала я, опираясь рукой о стекло телефонной будки.

– Это потому, что мне страшно, – прошептал отец. – И у меня очень плохое предчувствие, что всё сработает не так, как мы хотим. Слушай, нам нужно сделать эти звонки краткими. Просто позволь мне спокойно заниматься этим, и давай не будем высовываться.

– Хорошо, но я позвоню тебе в следующую среду, как договаривались.

– Ладно.

– Следи за ее безопасностью, папа. Не води ее никуда.

– Нам иногда приходится выходить из дома.

– Ну, вас никто там не видит.

Отец вздохнул.

– Мы ходим на пляж, но это всё. Как я уже говорил, большую часть времени здесь пустынно, а при коттедже есть рыбацкая лодка, которую я могу позаимствовать, так что я собираюсь взять ее покататься.

– Хорошо, но будьте осторожны. Алиса никогда раньше не каталась на лодке, – сказала я, думая, что по крайней мере их никто не заметит посреди моря. – Спасибо, папа. Ты же знаешь – я не справилась бы без тебя.

Я повесила трубку, но напряжение уже возвращалось ко мне обратно. Облегчением стало узнать, что Алиса в безопасности, но что, если отец не сможет там продержаться?

Мне нужно было теперь как-то жить в ожидании, когда мы свяжемся снова. Просто услышать, как папа говорит, что они оба в порядке, – это всё, что мне сейчас требовалось. Если бы я тогда знала, что, когда я позвоню в

следующую среду, он не ответит, – я сразу помчалась бы к коттеджу, чтобы немедленно вернуть свою дочь.

Я только-только проехала отметку, указывающую половину пути до Корнуолла, когда на приборной панели вспыхнул предупредительный световой сигнал. Машина начала замедляться, и, нажав по сильнее на педаль газа, я почувствовала, как она теряет мощность, пока совсем не заглохла и не остановилась в трехстах метрах от бензоколонки. Благодарная за такую близость, я спросила у заправщика, знает ли он номер экстренного вызова техпомощи, и ожидала ее прибытия в резком свете продуктового магазинчика в течение часа.

Механик предложил отбуксировать меня в местный гараж, добавив, что, конечно, никто не сможет посмотреть мою машину до завтрашнего утра.

– Я не могу ждать так долго! – воскликнула я.

Механик пожал плечами, вытер руки промасленной тряпкой и закрыл капот.

– Боюсь, у вас нет особого выбора. Сегодня вечером там уже никого не будет.

– Что же мне делать? – Я не могла оставить там свою машину, и уж точно не могла вернуться назад.

– Ну, если вы пожелаете поехать со мной, пока я отбуксирую машину в гараж, то я смогу отвезти вас в отель моего брата, – предложил механик. – Ночлег и завтрак. Я сейчас позвоню ему уточнить, есть ли там свободная комната, но уверен, что у них найдется, – добавил он мягко, увидев слезы, стекающие по моим щекам. – Вечер четверга, и поэтому у него не будет занято, и у него очень дешево. Утром брат отвезет вас забрать машину.

Это оказалось единственным реалистичным вариантом. Мы оставили мою машину на площадке перед гаражом, в дверь которого механик воткнул записку с номером своего брата. Затем мы проехали еще пару миль по узким проселочным дорогам до захудалого «отеля», который оказался обычным домом с написанной от руки табличкой «Комнаты посуточно», прилепленной на зарешеченное окно эркера.

В подкравшейся темноте эта идея остаться здесь – изолированной, без телефона – вызвала у меня физическую дрожь.

– Внутри будет тепло, – пообещал механик, перепутав мой страх с ознобом из-за холода, и нажал на дверной звонок.

Я никогда не смогла бы объяснить ему, что это нечто гораздо большее, чем просто неудобство, вызванное неисправностью автомобиля. Я понятия

не имела, от чего ушла, и еще меньше – к чему иду, и мысль о том, что я застряла на полпути между этими двумя точками, была ужасающей.

Шарлотта

В четверг вечером Шарлотта стояла у окна своей спальни и наблюдала, как Ангела выходит из машины и рассматривает дом напротив с табличкой «Продается», прикрепленной к столбу ворот. Она знала, о чем думает Ангела. В Чидденфорде имелось несколько престижных улиц, и эта была одной из них. Прекрасные отдельные участки с красивыми домами, куда более богатыми, чем в других частях деревни.

Наконец Ангела повернулась и по подъездной дорожке направилась к дому Шарлотты.

Шарлотта тепло улыбнулась, открыв дверь, и попыталась оценить выражение лица детектива.

– Дети всё еще играют в саду. Пора готовить их ко сну, но сегодня такой хороший вечер. – Она взглянула на часы. Было уже семь часов вечера. – Могу я предложить вам выпить?

– Просто воды будет достаточно, спасибо, – ответила Ангела, проходя в коридор. – Ух ты, это потрясающе!

– Благодарю вас, – Шарлотта слегка улыбнулась. Все обращали внимание на ее большой коридор, и обычно она гордилась этим. Но теперь это казалось таким незначительным.

– Итак, чем я могу вам помочь? – поинтересовалась Шарлотта, проведя Ангелу на кухню, где наполнила стакан водой и вручила ей. – Присаживайтесь, прошу вас! – кивнула она на барный стул. И Ангела уселась, поставив стакан воды на островок перед собой, продолжая восхищенно любоваться просторной кухней Шарлотты.

– Вы слышали что-нибудь новое от Гарриет? – спросила Ангела, сделав глоток воды и аккуратно поставив стакан обратно.

– Нет, с тех пор как я приходила к ней домой после праздника. А почему вы спрашиваете?

– Мне просто интересно, приходила ли она к вам и говорила ли с вами, – пояснила Ангела.

Шарлотта покачала головой.

– От нее ни разу ничего не было слышно.

– Просто ее нет дома, – продолжала Ангела. – Я договорилась, что

буду там в четыре часа сегодня днем. Гарриет никогда не уходила, особенно если знала, что я приду.

Шарлотта выдвинула стул для себя с другой стороны островка. Очевидно, ее больше беспокоил приход Ангелы, чем отсутствие Гарриет дома. От мысли о вчерашнем госте в голове у нее начали раздаваться тревожные звоночки.

– Брайан был здесь вчера, – сказала она.

– Брайан? – Ангела выглядела удивленной.

Шарлотта вздрогнула, вспомнив, как он поджидал ее по другую сторону живой изгороди.

– Он стоял возле моего дома, когда я вышла. Брайтан хотел поговорить со мной в своей машине. Он не стал заходить в дом, я не знаю, почему.

– Так что же ему было нужно? – спросила Ангела, подавшись вперед на стуле.

– Это странный случай. Он только и говорил, что о Гарриет и как сильно он ее любит. Брайтан хотел знать, рассказывала ли она мне об их браке – чего Гарриет никогда не делала. Это был необычный разговор.

Ангела выглядела такой же сбитой с толку, какой чувствовала себя Шарлотта.

– Вы восприняли это как намек на то, что они поссорились?

– Меня это тоже интересовало, но он не сообщил таких подробностей. Брайан был просто немного... – Шарлотта помахала рукой в воздухе, подыскивая слово. – Не от мира сего. Я предположила, что это от стресса из-за Алисы и всего прочего – но, как я уже сказала, он говорил о Гарриет, а не об Алисе.

Ангела откинулась на спинку стула и дотянулась до сумочки рядом с собой, вытащив блокнот.

– Что-то еще случилось? – спросила Шарлотта, пытаясь разглядеть, что пишет детектив, однако ничего не смогла разобрать.

Ангела вскинула на нее глаза.

– Ничего особенного. Но в доме была небольшая разруха, когда я пришла туда сегодня днем.

– В каком смысле – разруха? – От этого слова Шарлотта похолодела. Дом Гарриет всегда содержался таким опрятным и организованным.

– Там был беспорядок; вещи находились не на месте, – пояснила Ангела, задержав ручку в воздухе. – Когда я заглянула в окно гостиной, то увидела, что все игрушки Алисы разбросаны по ковру.

– Но что сказал Брайан? – спросила Шарлотта. – Как он это объяснил? – Она всегда полагала, что он из тех людей, которые любят

аккуратность. Гарриет никогда не возражала против небольшого беспорядка; достаточно было лишь заглянуть в ее сумочку, чтобы это понять. Но всё же это не в стиле Гарриет – разбросать вокруг игрушки Алисы.

– Вот это-то и странно, – сказала Ангела. – Его тоже там не оказалось. Там нет никаких признаков Гарриет или Брайана, и я понятия не имею – куда они делись.

Сейчас

Детектив желает знать, почему я никому не сказала, куда иду, когда вышла вчера из дома. Почему через двенадцать дней после исчезновения моей дочери я вскочила и уехала, ничего не сообщив ни мужу, ни Ангеле, ни своей лучшей подруге, которая сидит сейчас в другой комнате и допрашивается его коллегой?

Я рассказываю ему одну и ту же историю снова и снова, но каждый раз он опять спрашивает меня об этом, только формулирует вопрос немного по-другому в надежде, что сможет меня подловить. Боюсь, что скоро ему это удастся.

В итоге детектив предлагает сделать «перерыв для удобства». Кажется, я слышу, как он вздыхает.

– Есть еще какие-нибудь новости? – спрашиваю я на выходе из комнаты. – Не могли бы вы разузнать для меня?.. Пожалуйста. – Я не могу заставить себя произнести дальнейшие слова.

– Непременно, Гарриет, – отвечает он, и на мгновение я вижу в его глазах мимолетное выражение, напоминающее сострадание. Он колеблется у двери, как будто хочет мне что-то сказать. Я задерживаю дыхание, но в конце концов он ничего не говорит.

Есть новости. Есть кое-что, чем он не хочет делиться.

Детектив Лоури направляется в одну сторону по коридору, а я поворачиваю в другую, в направлении туалетов. Это тринадцатый день с тех пор, как я без Алисы. До праздника не проходило и тринадцати часов, чтобы я не имела возможности увидеть ее лицо и подержать ее на руках. Это то, что терзает меня больше всего: неспособность прикоснуться к ней.

Воздух в коридоре по ощущениям становится настолько истощенным кислородом, что мне трудно дышать. Я опираюсь на стену, чтобы успокоиться, пока острая боль раскалывает мою голову. Ярко мерцающие лампы тускнеют, поле моего зрения сужается. Я ничего не ела с завтрака, хотя мне и предлагали печенье час назад. Мне нужно было заставить себя его проглотить, но я не смогла и теперь жалею об этом, так как чувствую

резь в пустом животе.

Мысль оставаться здесь еще хотя бы на мгновение дольше – невыносима. Одной рукой по стене я ощупываю свой путь, еще несколько шагов, оставшихся до двери туалета. Распахнув ее, я тянусь к умывальнику, прижимая обе руки к его прохладной белой эмали.

Наконец я поднимаю голову и фокусирую взгляд на своем отражении – до тех пор, пока оно не становится четким. Мне кажется, будто я только вчера выбежала с курсов и смотрела на себя в зеркало того отеля, ожидая новостей – как проходит мой план. С другой стороны, это было целую жизнь назад.

Я открываю кран с холодной водой и обливаю ладони, брызгаю на лицо до тех пор, пока острая боль не утихает. У меня нет другого выбора, кроме как взять себя в руки. Кроме как придерживаться своей версии, чего бы Лоури мне ни говорил.

Некоторое время назад

Гарриет

На следующее утро в восемь тридцать мне сказали, что звонил хозяин гаража и моя машина будет готова через два часа, как он надеется. Наконец-то всё поворачивалось в мою пользу. К обеду я буду в Корнуолле.

Я с волчьим аппетитом проглотила полную тарелку жирной яичницы с недожаренным беконом, поданную братом любезного механика-по-вызову, заплатила ему двадцать фунтов за жесткую постель и неудобоваримый завтрак, приготовленный из лучших побуждений, и приняла его предложение подвезти меня к гаражу. Там я и ожидала, пока мою машину не починили, как обещали. В десять тридцать я вернулась на дорогу.

По шоссе А30 я продолжила путь на запад. Пока солнце пыталось прорваться сквозь облака, я повернула громкость радио на деление выше и позволила своим мыслям колебаться между тем, что ожидало впереди, и тем, что оставалось позади меня.

В лучшем случае я найду Алису в безопасности, и если так, то сразу же вернусь в Дорсет. Ночью я решила, что сказать Брайану и Ангеле – что мне потребовалось уехать из дома. Что мне была необходима одна ночь в одиночестве, вдали от любопытных глаз и навязчивых вопросов, там, где никто не знал бы меня и мою историю. Я скажу, что уехала, не думая, куда

направиться, и дам им имя владельца отеля, который сможет это подтвердить. Я не знала, поверят ли они мне, но это всё, что пришло мне в голову.

Оставшаяся часть пути прошла без происшествий, и вскоре я подъехала к маленькой деревушке Вест-Олделл, где ко мне вернулся знакомый, изматывающий нервы страх. Я понятия не имела, что меня ждет: будет ли там моя дочь или с ними что-то случилось.

Я свернула с главной дороги и поехала по извилистой улочке, которая в конце концов привела к короткому ряду обшитых с фасада досками магазинчиков и кафе. Проезжая мимо паба «Белая Лошадь», я сбросила скорость, чтобы не пропустить поворот направо, потому что в противном случае я оказалась бы на пляже.

Эта улица была даже более узкой, и по обе стороны тянулись заборы. Я увидела там два неухоженных дома с правой стороны, прежде чем наконец заметила указатель «Элдерберри-коттедж». Деревянная табличка с названием была приколочена к столбу и вжималась углом в изгородь. Я вспомнила, что если ехать по этой улице дальше, то она закончится тупиком на обрыве, как мне рассказывал отец.

Было двенадцать тридцать дня, когда я остановилась возле изгороди напротив коттеджа, поморщившись от веток, процарапавших борт машины. Там было мало места и сложно припарковаться так, чтобы машина не торчала до середины проезжей части.

Итак, я здесь. К сожалению, это место выглядело в точности так же, как на сайте. Мой отец был прав, рассказывая мне о Вест-Олделле; оно смотрелось идиллически, но я всё равно понятия не имела, что же такого они с Мэрилин нашли в Элдерберри-коттедже, из-за чего вернулись сюда во второй раз.

Не беспокоясь о проверке встречной полосы на предмет приближающихся машин, я перешла через пустынную дорогу. Покосившаяся калитка болталась на одной петле. От нее к дому вела вымощенная булыжником дорожка, поросшая выглядывающей из трещин травой. Звонок у входной двери подозрительно свисал на проводе. Я сделала глубокий вдох и постучала.

– Пожалуйста, папа, окажись здесь, – пробормотала я. – Господи, пожалуйста, пускай Алиса будет тут!

Я постучала снова, на этот раз громче. Всё равно – ничего. В окне справа от меня занавеска частично скрывала за собой гостиную, но я смогла разглядеть красное плюшевое кресло и выцветший коричневый двухместный диван, которые видела на сайте. Коттедж выглядел так, будто

попал в ловушку времени. Я представила себе тонкий слой пыли, покрывающий китайские статуэтки, выстроенные в линию на каминной доске, как ряд солдат.

Я опять заколотила в дверь, до тех пор пока не почувствовала, что на руке сейчас появится синяк. Каждый удар по выкрашенной шелушащейся зеленой краской древесине отдавался эхом в моем сердце. Как я позволила Алисе скрыться с моих глаз? Да, она находилась со своим дедушкой, однако она знала его только шесть месяцев. Я сама его почти не знала.

– Где ты, папа? – крикнула я в закрытую дверь, в отчаянии прижимаясь к ней лбом. – Где Алиса?

Когда я отстранилась, то заметила, что боковая калитка приоткрыта. Дорожка от нее вела к задней части дома, извиваясь между кадок с растениями, печально стоявших на бетонной плите. Через стекло обшарпанной синей двери я увидела кухню с кружками, оставленными на столе, и несколькими тарелками, сложенными в раковине.

Попробовав ручку задней двери, я легко ее повернула. Дверь распахнулась, и я неуверенно шагнула внутрь.

– Папа?.. – позвала я. – Алиса?.. – Единственным ответом явилось громкое тиканье комнатных часов.

Мои ноги были как вареные макароны, когда я скользнула в глубь дома, шаг за шагом взбираясь по лестнице со скрипящими ступенями. Я снова выкрикнула их имена, поднявшись наверх. Теперь тиканье часов стало намного тише.

Их нет здесь; теперь я в этом убедилась. Но были ли они здесь вообще когда-нибудь? Были ли они здесь сегодня утром?

Я заглянула в спальню с двуспальной кроватью, аккуратно заправленной. Фиолетовое пуховое одеяло покрывало ее сверху. Рядом находилась небольшая комнатка, в половину размера домашней спальни Алисы. На односпальной кровати в ней лежало зеленое одеяло, тщательно выровненное по краям. Алиса ночевала тут?

Моя рука дрогнула, когда я потянулась коснуться простыни, боясь не найти здесь никаких доказательств пребывания Алисы. Одним рывком я сорвала покрывало.

– О, Боже. – Я прикрыла рот рукой, когда другой дотронулась до уголка ткани, выглядывающей из-под подушки. Медленно я отодвинула ее в сторону и обнаружила аккуратно сложенную ночную сорочку, усеянную симпатичными розовыми совами и с оборками по краям. Я прижала ее к лицу, вдыхая запах. Возможно, на ней и оставался слабый аромат Алисы, но я не была уверена, что не вообразила его.

Взволнованная этой маленькой находкой, я подошла к комоду и выдвинула ящики один за другим. Носки, свернутые комочками, новая упаковка девичьих трусиков, пара футболок. И затем, в последнем ящике – розовая шифоновая юбка Алисы с вышитыми птичками и засунутые рядом с ней маленькие голубые туфельки с дырочками в форме звездочек.

Я вскрикнула, когда от эмоций на меня нахлынула волна тошноты. Конечно же, это хороший признак, сказала я себе. Это означало, что она была здесь. Папа по крайней мере привез ее сюда, как и обещал. И он купил ей красивую ночнушку и другую новую одежду. Я должна немного успокоиться при виде этого, подумала я, набрав в руку горсть ракушек из кучки, лежавшей на комодe. И теперь я была убеждена, что знаю, где их искать. Мой отец повел Алису на пляж.

Кинувшись вниз по лестнице, я проскочила через кухню и выбежала через заднюю дверь, оставив ее незащелкнутой, как ее и нашла, на тот случай, если у них не окажется ключа. Я бежала по улице до тех пор, пока не остановилась резко на вершине обрыва. Только тогда я передохнула, набрав полные легкие воздуха.

За кромкой обрыва начинался абсолютно отвесный склон. Подо мной на берег накатывали волны, омывая песок белой пеной перед тем, как снова отступить. Сейчас был отлив, обнаживший дополнительный покаты́й кусок пляжа. Ветра не было, но казалось, что там проходит сильное течение.

Я отступила назад, испугавшись, что потеряю равновесие. И начала спускаться по крутой тропинке, поросшей травой, ведущей вниз с обрыва слева от того места, где я стояла. Шероховатые каменные ступени лежали кое-где на неровных участках почвы, и мне приходилось внимательно смотреть, куда поставить ногу. Алиса любила подобные прогулки.

Внизу тропинка сливалась с главной дорогой, которая бежала через деревню. Напротив находилась небольшая пустующая парковка, а справа – пологий спуск, ведущий на пляж, который выглядел отсюда шире, чем сверху, но тем не менее я задумалась, какая часть его исчезает во время прилива.

Он был почти безлюдным, как и говорил мой отец, за исключением маленького мальчика, играющего с рыболовной сетью на дальнем краю бухты, и наблюдавшей за ним семейной пары, увлеченной оживленной беседой.

Я посмотрела в одну сторону, затем в другую. Я действительно ожидала, что они будут здесь? Увиденная коробка с ракушками в коттедже придала мне уверенности, что я найду Алису и отца на пляже. Только их тут не было.

Я всё вертелась и вертелась в разные стороны, отказываясь признавать, что их тут нет. Наконец, у меня закружилась голова, всё поплыло и я свалилась на песок, излив поток отчаянных слез. Я услышала какой-то звук, но не была уверена, что он исходил от меня.

– Вы в порядке? – долетел до меня чей-то голос, однако я проигнорировала его, зарываясь руками глубже в песок. Никогда еще я не чувствовала себя такой испуганной и одинокой.

– Простите?.. С вами всё нормально? – снова донес слова ветер.
«Подите прочь».

Мысли роились в моей голове, как саранча, пока небо от них не почернело.

– Как думаешь, нам стоит вызвать врача? – Голос приближался. Всё ближе и ближе.

Я уткнулась головой в колени.

«Уходите. Уходите. Уходите».

– Вам нужна помощь? – Рука коснулась моего бока, заставив меня сесть. Солнечный свет показался резким и раздражающим, и мне пришлось защищаться от него своими ладонями.

– Всё в порядке. – Я перевернулась на колени. Мои ноги дрожали, когда я заставила себя встать. – Спасибо, – добавила я, смахнув песок с джинсов.

– Может, вам что-нибудь нужно? – спросила женщина. Мужчина подходил вслед за ней, мальчик с рыболовной сеткой неохотно тащился сзади.

– Нет, всё хорошо, – ответила я. – Может, я слишком много выпила прошлой ночью. – Я попыталась улыбнуться.

Женщина кивнула, но не улыбнулась в ответ. И в конце концов позволила мужчине взять себя под руку и сказала мальчику следовать за ними, когда они пошли прочь.

Я дождалась, пока они скроются из виду, а затем быстрыми шагами вернулась обратно вверх по пляжному спуску, миновала стоянку и начала подниматься по тропинке на обрыв. Слезы стекали по моим щекам, пока я не зарыдала в голос, всхлипывая и хватая воздух крупными глотками, отчего мне стало вдвойне больнее. Когда я достигла вершины, то взглянула на море, шепча имя своей дочери.

Что я натворила? Алиса теперь действительно пропала, но я никому не могла рассказать об этом. В полиции сказали бы: «Да, мы знаем, что она пропала, Гарриет. Она исчезла почти две недели назад из Дорсета».

– Алиса! – тихо вскрикнула я. – Малышка, где же ты?

На нетвердых ногах я побежала обратно в коттедж и снова вошла через заднюю дверь.

– Папа! Алиса! – крикнула я в холодный, молчаливый воздух, рухнув на деревянный стул на кухне. – Куда вы подевались?

Шарлотта

В пятницу утром Шарлотта положила телефон экраном вниз на кухонный стол, завершив разговор со школой. Молли заболела и просилась вернуться домой. Она утверждала этим утром перед школой, что у нее болел живот, но Молли время от времени делала так, если имелся шанс не пойти. Обычно это ничего не означало.

Шарлотта ответила секретарю, что скоро приедет, однако это нарушало ее планы. Эви была в детском саду, а Шарлотта предполагала встретиться с инспектором Хейзом в полицейском участке через пятнадцать минут. Он позвонил ранее, попросив ее прийти «для беседы» и признав, что ни Гарриет, ни Брайан не вернулись домой за всю ночь.

– Я знаю не больше, чем говорила Ангеле, – сказала она. – Но, конечно, я приду, если вы думаете, что я могу помочь.

– Я бы не просил вас, если бы так не думал, – хмыкнул детектив. – Увидимся в два часа дня.

Шарлотта повесила трубку. Его сарказм раздражал и заставил ее задаться вопросом: думает ли Хейз, что она солгала и на самом деле знает, где Гарриет и Брайан.

Теперь она собиралась позвонить ему по дороге в школу и объяснить, что не только опоздает, но и Молли будет вместе с ней. Она могла представить его раздраженное лицо, когда сообщит ему эти новости.

Шарлотта схватила ключи от машины и взяла сумочку. Обшаривая ее и проверяя, на месте ли кошелек, она как раз собиралась выйти из дома, когда телефон зазвонил на дне сумки, высветив незнакомый номер.

– Алло! – Шарлотта зажала телефон между ухом и плечом, пытаясь застегнуть «молнию» на сумке. Ее вечно заклинивало, и она знала, что если потянет слишком сильно, то сломает всё окончательно.

– Шарлотта?..

Она застыла.

– Гарриет? Это ты?

– Мне нужна твоя помощь, – всхлипнула ее подруга.

– Слава Богу, с тобой всё в порядке! Где ты? Что-то случилось? Где Брайан? Почему ты не ночевала дома? – засыпала она ее вопросами.

– Шарлотта, мне нужна твоя помощь, – прошептала Гарриет.

Шарлотта выронила сумку и прижала телефон ближе к уху. Где бы ни находилась Гарриет, ее было плохо слышно.

– Гарриет, что произошло? Брайан с тобой?

– Брайан? – Наступила короткая пауза. – Нет, Брайан не со мной. – Еще одна пауза, и затем: – Я не знаю, что делать.

– О, Боже, – пробормотала Шарлотта, и всё, что она смогла себе представить, – это что Гарриет задумала какую-то глупость. – Хорошо, скажи мне, где ты, и я приеду и встречу тебя. Ты недалеко? Я смогу приехать туда через... – Шарлотта заколебалась. Она уже договорилась быть в двух разных местах, но к Гарриет нужно приехать первым делом. Она позвонит в школу и попросит их поддержать Молли подольше. Нет, она позвонит Тому. Ему придется уйти с работы и забрать Молли. – Я смогу приехать прямо сейчас, Гарриет. Ты вернулась домой или можешь туда добраться?

– Нет. Я не там.

– Так скажи мне, где ты находишься. Я приеду туда и заберу тебя, где бы это ни было, – сказала Шарлотта.

– Я в Корнуолле.

– В Корнуолле? Какого черта ты делаешь в Корнуолле?

– Я никогда не думала никому навредить...

Шарлотта крепче обхватила телефон.

– Что ты натворила? – спросила она медленно.

– Мне пришлось это сделать, и я не жду, что ты простишь меня. Но она пропала, Шарлотта. Мне так страшно. Я не знаю, куда она пропала. – Гарриет снова всхлипнула.

– Помедленней. Просто попробуй объяснить мне, что происходит.

– Я должна была забрать Алису у него, Шарлотта, должна была! Но всё пошло неправильно, и я не знаю, где она.

– Что ты такое говоришь? – Пальцы Шарлотты начинали неметь – так сильно она сжимала телефон. Что именно Гарриет пытается ей сказать?

– Мне надо было увезти Алису оттуда.

– Нет. – Шарлотта уставилась невидящим взглядом на винтовую лестницу. – Нет, – повторила она, качая головой. – Ты... ты имеешь к этому какое-то отношение? – Свободной рукой она оперлась на столик в коридоре, задрожавший от ее прикосновения.

– Мне пришлось, – оправдывалась Гарриет сквозь всхлипывания. –

Мне нужно было убежать от него. Но я не хотела, чтобы это случилось именно так!

– Нет. В этом нет никакого смысла. Ты лжешь мне, Гарриет.

– Я не лгу, и мне очень жаль. Мне очень жаль, но я больше не знаю, где Алиса. Я знала, но ее больше здесь нет, и я не могу ее найти... – Голос Гарриет оборвался.

– Однако ты заставила меня поверить, что ее похитили. Ты заставила меня думать, что ее схватил незнакомец.

– Прости меня! – вскрикнула Гарриет, но Шарлотта не слушала.

– Ты заставила меня считать, что это всё – моя вина. Что я не уследила за ней. Но всё это время ты знала, что это сделала ты? – фыркнула она. – Я не верю в это. Я просто не могу в это поверить.

– Я понимаю, – произнесла Гарриет. – Я знаю, все, что ты говоришь, – правда, и мне очень-очень жаль, но прямо сейчас это не важно.

– Не важно? – Шарлотта испустила легкий смешок. – Ты издеваешься надо мной? Конечно же, это важно. Что на самом деле с ней произошло? Меня обвинили в том, что я не смотрела за ней, Гарриет! – воскликнула она. – Господи, да как ты могла так поступить? Какая мать похищает своего собственного ребенка?

– У меня не было выбора, – оправдывалась Гарриет.

– Конечно, у тебя был выбор! – заорала Шарлотта. – Никто не крадет собственных детей!

Гарриет молчала.

– Ты должна была знать, какой виноватой я себя стану чувствовать, – продолжала Шарлотта. – И конечно, ты видела – что именно они говорили обо мне; ты не могла проигнорировать это. Как ты могла это сделать?

– Шарлотта, пожалуйста, я всё тебе объясню, но мне на самом деле нужна твоя...

– Расскажи мне, что случилось, – оборвала ее Шарлотта. Она дрожала от ярости. – Где она?

– Я не знаю, – всхлипнула Гарриет. – Вот так просто; предполагалось, что она здесь, но ее здесь нет.

Шарлотта прижала ладонь ко лбу. Она не могла поверить в то, что говорила Гарриет; было невысказано, что ее подруга способна на такое.

– Он должен был отвечать на мои звонки, но он не отвечал, – продолжала Гарриет. – И это было два дня назад, а теперь я здесь, и тут нет никаких признаков их обоих.

– Он? Кто это – «он»? Человек, который ее похитил? Я полагаю, что лично ты не присутствовала на празднике. – Шарлотта пыталась заставить

себя успокоиться, чтобы собрать воедино историю, в которой имелось так много дыр.

Молчание.

– Кто забрал ее? – спросила она снова, повысив голос.

– Мой отец.

– Но он же умер, – недоверчиво произнесла Шарлотта.

– Нет, – ответила Гарриет тихо. – Он не умирал.

– Что? – Шарлотта поперхнулась этим словом. – Но ты рассказывала мне, что он умер! Сразу в начале нашего знакомства. Совершенно точно – когда мы встретились впервые, ты сказала, что твой отец умер, и я почувствовала себя ужасно, потому что мой просто ушел от нас.

– Я всегда говорила, что он мертв, потому что так всем говорила моя мама, однако на самом деле он нас бросил. Я не виделась с ним больше тридцати лет, но он появился в ноябре прошлого года.

– Это безумие! – воскликнула Шарлотта. – Зачем тебе лгать мне о таких вещах? Ты хоть представляешь, как это звучит? – Шарлотту снова затрясло, и ей пришлось сесть. Она крепко сжала свободную руку в кулак, держа ее на коленях. – Это... – Она прервалась. – Хоть что-нибудь из того, что ты когда-либо говорила мне, является правдой, Гарриет? Ты вообще знаешь, что означает это слово? – крикнула она.

– Пожалуйста, не надо, – умоляла Гарриет. – Я знаю, как всё звучит, я знаю...

– И он забрал Алису? – продолжила Шарлотта. – Я даже не могу воспринимать, у меня голова идет кругом.

– Я понимаю, что это кажется бессмыслицей...

– Ты никому не доверяла Алису, – сказала Шарлотта. – Почему доверила ему? Зачем ты это сделала, Гарриет?

– Мы были в опасности, – плакала Гарриет. – Мне требовалось увезти нас от Брайана, а он не давал мне возможности сбежать от него.

– От Брайана? В каком смысле – вы были в опасности?

– Я отчаялась, Шарлотта. Он обманул всех. Он бы отнял у меня Алису.

Шарлотта вспомнила первый раз, когда Брайан появился на ее пороге, обеспокоенный состоянием Гарриет и безопасностью Алисы. Она полностью проигнорировала тот случай. Но что, если Брайан оказался прав? Если Гарриет вела себя не так, как, по представлениям Шарлотты, ведут себя люди с послеродовой депрессией, это еще не означало, что она не способна совершить какую-нибудь глупость.

– Тогда почему ты мне ни о чем не рассказывала? – спросила она осторожно.

– Мне было слишком стыдно, – ответила Гарриет. – Он делал вид, будто я сумасшедшая, и долгое время я думала, что он прав.

«Однако ты просто взяла и похитила собственную дочь», – подумала Шарлотта. И вспомнила Брайана, рассказывавшего ей о своем беспокойстве по поводу того, что Гарриет оставила Алису в машине и забыла о ней.

– Ты должна поверить мне!

Шарлотта прижалась затылком к стене позади себя. Как могла Гарриет ожидать, что она ей поверит?

– Мне страшно, – продолжала Гарриет. – Мне больше даже некого попросить, и я очень виновата, но, пожалуйста, помоги мне найти Алису!

Страх Гарриет звучал искренне, однако Шарлотта не имела ни малейшего понятия, что она должна сделать. Она слушала, как Гарриет рассказывала об отце, который не отвечал на звонки, и о пустующем коттедже, в котором должна была находиться Алиса.

– Но они могут быть где угодно. Сколько времени ты ждешь? – Шарлотта сама не верила, что уже пытается утешать свою подругу, однако боль в голосе Гарриет была очень настоящей.

– Я знаю, что здесь что-то не так, – сказала Гарриет. – Я чувствую это.

– Тебе нужно позвонить в полицию, Гарриет. Я тут ничего не в состоянии сделать.

– Я не могу! – крикнула Гарриет. – Если я позвоню им, мне придется признаться, что всё это – моя работа. Если я это сделаю... – Она помолчала. – Я могу попасть в тюрьму. Брайан получит опеку над Алисой, а этого нельзя допустить, Шарлотта. Ты должна понять – я не могу позволить ему отобрать у меня дочь.

– Что конкретно ты просишь меня сделать?

– Приехать сюда. Помочь мне ее отыскать.

– Ты серьезно?.. – Шарлотта коротко засмеялась. Она не могла втягиваться в затею Гарриет настолько глубоко. Сама нелепая идея отправиться в Корнуолл, чтобы помочь подруге в фальшивом похищении, вызывала смех.

– Я в местечке под названием Вест-Олделл, – говорила тем временем Гарриет. Она начала объяснять, как добраться до Элдерберри-коттеджа. – Я ходила на пляж, но буду ждать тебя в коттедже.

– Нет, Гарриет. Тебе нужно рассказать об этом кому-то, кто сможет помочь. И это не я.

– Это можешь сделать только ты! – Голос Гарриет звучал почти истерично на другом конце линии. – Шарлотта, я понимаю – ты не знаешь, верить мне или нет, но ты должна понять сейчас: я пойду на всё, что

угодно, ради Алисы.

– Пожалуйста, не проси меня об этом, – сказала Шарлотта. Воцарилось молчание, и Шарлотта на мгновение подумала, что Гарриет бросила трубку. – Гарриет?.. Ты вообще меня слушаешь?

– Я не могу не просить, – прошептала Гарриет. – Если я этого не сделаю, тогда всё кончено.

Шарлотта

Шарлотта вырулила с придомовой дорожки и доехала до конца переулка. Ее плечи ныли от мышечного напряжения. Она думала, что груз ответственности за случившееся перестанет давить на нее теперь, когда она узнала, что в этом нет ее вины. Но произошло нечто худшее.

У нее в голове не укладывалась вся глубина предательства, совершенного ее подругой. Ее жизнь была разрушена; всё, что она думала, всё, что знала о себе, – разбито вдребезги.

Ее друзья не доверяли ей; она сама себе больше не доверяла. Счастливое существование Шарлотты оказалось разорвано по швам, и всё это сделала Гарриет.

Она стала лучшей подругой Гарриет, взяв ее под свое крыло, когда та больше всего в этом нуждалась. И вот что Гарриет совершила в ответ?

Интуиция подсказывала Шарлотте немедленно позвонить инспектору Хейзу. Ей необходимо выбраться из всего этого хаоса, в который она невольно попала. Как только они узнают правду – имя Шарлотты будет очищено. И это всё, чего заслуживает Гарриет.

Шарлотта остановилась на красный свет и ожидала, пока он сменится на зеленый, похлопывая ладонями по рулю. Она уже на пятнадцать минут опаздывала за Молли, но надеялась, что ее дочь не настолько больна, как притворилась в школе.

Она нажала кнопку телефона, готовясь набрать номер Хейза и проигрывая в уме предстоящий разговор в своей голове. Он станет громко сопеть, слушая ее рассказ о том, как Гарриет похитила собственную дочь. Затем он начнет задавать Шарлотте вопросы, на которые у нее не будет ответов, одновременно дав отмашку полицейским силам совершить рейд в коттедж в Корнуолле. Шарлотта вздрогнула. Она представила, как Гарриет ждет ее у окна, но вместо подруги – увидит подъезжающую полицейскую машину и офицеров, марширующих к двери, готовых заковать ее в

наручники и утащить в участок.

Недавно произошел случай: один мужчина бежал в Испанию со своим сыном. Он оправдывался тем, что мать совсем забросила ребенка, и он забирал его в свою страну жить вместе со своими родителями. Несмотря на это, папашу посадили на семь лет. Сердце Шарлотты расположилось к нему, когда она увидела фотографию матери. Эта женщина не выглядела даже отдаленно обеспокоенной тем, через что прошел ее сын.

Шарлотта постукивала по рулю, ожидая, пока какие-то мать с дочкой перейдут через дорогу. Экран телефона, висевшего в держателе на приборной панели, погас. Она так его и не использовала. Ее грудь напряглась от глубокого вздоха. Шарлотта знала, что, как только расскажет инспектору Хейзу правду – жизнь Гарриет закончится.

Это то, чего она заслужила?

Девочка на перекрестке перед ней остановилась, выпустив мамину руку, чтобы поднять серого мишку, которого уронила. Мать обернулась и подхватила дочь на руки. Целуя в макушку, пронесла ее остаток пути через дорогу. Образ Гарриет с Алисой возник в мыслях Шарлотты.

В ее ушах звучал голос подруги, умоляющий поверить ей насчет Брайана.

Он вел себя так странно двумя днями ранее, когда появился у дома Шарлотты; его сосредоточенность больше на Гарриет, чем на Алисе, беспокоила ее.

Но мог ли он быть таким человеком, которого описывала Гарриет? Способным на скрытое издевательство, достаточно гнусным, чтобы заставить ее подготовить такой продуманный план?

И потом – была же история, которую Брайан поведал, когда приезжал несколько месяцев назад. Когда он спокойным голосом рассказывал, как Гарриет забыла Алису в машине, пока продляла паспорт на почте.

Шарлотта потянулась на своем сиденье, расправляя плечи. Там была какая-то мелочь, поняла она, рассеянно наблюдая за матерью и ее девочкой. Что-то в уголке сознания, фрагмент разговора, который казался важным. Только она никак не могла его ухватить.

Шарлотта огляделась, нет ли дорожных инспекторов, прежде чем остановилась на зигзагообразной разметке возле школы. Она не ожидала увидеть кого-либо из них в это время дня, но ее ловили на этом неоднократно.

– Простите, меня задержали, – сказала Шарлотта, вбегая в кабинет. Молли сидела на пластиковом стуле в дальней стороне комнаты с тазиком

на коленях, а ассистентка учителя одной рукой приобнимала ее за плечи. Лицо Молли было бледнее мела, за исключением кожи под глазами, и такой контраст делал ее похожей на панду.

– Ох, Молли... – Шарлотта, очевидно, зря проигнорировала ее жалобы сегодня утром, спеша поскорей выйти из дома. Дочь с громким криком кинулась к ней в объятия.

Шарлотта крепко обняла ее, а затем, отстранив на расстояние вытянутой руки, осмотрела ее лицо и откинула с глаз Молли прядь волос.

– Давай-ка отвезем тебя домой.

– Сперва всё было нормально, – заговорила ассистентка, – но она вдруг почувствовала сильный жар. – Можешь взять это с собой, – добавила она, подавая пустой тазик.

Шарлотта приложила ладонь ко лбу Молли и согласилась, что та очень горячая.

– А с остальными что-нибудь подобное происходило? Ни о какой эпидемии не объявляли?

– Насколько мне известно – нет.

– Думаю, мне стоит позвонить доктору, – сказала Шарлотта. Обычно она ждала двадцать четыре часа, но теперь решила не полагаться на волю случая. Не в том, что касается детей.

Взяв Молли на руки и уткнувшись носом в теплые волосы дочки, она отнесла ее в машину. Она не могла оставить девочку в таком состоянии.

По дороге домой Шарлотта позвонила в приемную доктора, и медсестра ответила на звонок, когда она уже въезжала на подъездную дорожку.

– Просто простуда, я полагаю. Дайте ей парацетамол и заставьте отдыхать, но и присматривайте за ней, – сказала медсестра. – Если ей станет хуже – перезвоните.

В гостиной Шарлотта уложила Молли на диван, укрыв вязаным одеялом, а сама растянулась на другом так, чтобы видеть ее краем глаза, пока будет принимать решение по поводу Гарриет. Но как только она легла – начал звонить ее мобильный.

– Шарлотта? Это Ангела Бейкер.

– О, Ангела, здравствуйте! – Шарлотта совершенно забыла отменить встречу с инспектором Хейзом. – Простите меня. Я хотела позвонить и сообщить, что не смогу приехать из-за всего этого. – Она взглянула на Молли. – Моя дочь заболела.

– Извините. Надеюсь, ничего серьезного?

Молли уже крепко спала; на самом деле, некоторый румянец уже

вернулся к ее щекам.

– Нет, я думаю, что с ней всё будет в порядке. Мне просто нужно следить за ней, – ответила Шарлотта, понимая, что ей придется вернуться в школу и в детский сад через пару часов, чтобы привезти остальных. Возможно, Одри сможет их забрать.

– Хорошо, надеюсь, что ей вскоре станет лучше. Я поставлю инспектора Хейза в известность, что вы не сможете приехать, но он, вероятно, захочет перезвонить вам.

– Да, конечно. – Сердце Шарлотты билось так громко, что она удивилась, как Ангела этого не слышит. Она понимала, что если собирается сказать что-то о Гарриет, то сейчас самое время. Чуть позже, и она будет...

– Так я могу договориться о другом времени для вашей беседы с ним? Возможно, он смог бы прийти к вам домой, если вы не можете оставить дочь? – предложила Ангела, прерывая ее мысли.

Ей нужно сказать об этом сейчас. Если Шарлотта закончит разговор, не признавшись в том, что ей известно, – она станет лицом, утаивающим важные сведения.

Однако та ускользающая мысль всё еще мучила ее. Что-то было не так, и если она позволит арестовать Гарриет, то что случится с Алисой? Что, если ее подруга говорила правду?

– Всё в порядке, – ответила Шарлотта. Сердце колотилось так, словно собиралось выскочить из груди. – Я смогу зайти позже.

– Хорошо, спасибо! И последнее – вы когда-нибудь слышали о подруге Гарриет, Тине? – спросила Ангела. – Гарриет дружила с ней в Кенте.

– Нет, не думаю.

Ангела ничего не сказала на это, и Шарлотта не удержалась от вопроса:

– А что, она слышала что-нибудь от Гарриет? Считаете, она знает, где Гарриет?

– Возможно. Гарриет могла вернуться в Кент. Так или иначе, я не думаю, что она уехала слишком далеко.

– В самом деле?

– Она всё равно не покинет страну, – заметила Ангела.

Воспоминание, которое Шарлотта пыталась ухватить, стало ближе.

– Отчего же? – задала она вопрос, но в этот момент уже сама догадалась.

– У Гарриет никогда не было паспорта, – прошептала она одновременно с Ангелой.

Гарриет

Я ожидала в коттедже, как и сказала Шарлотте, хотя не знала – придет ли она. У меня имелось пять лет, чтобы довериться лучшей подруге, но я этого не сделала. И потому сомневалась, что получу то, что мне нужно, за пять минут. Я не знала, поверила ли Шарлотта мне – и не смогу винить ее, если она отправится напрямик в полицию, – но сейчас не было иного выбора, кроме как ждать.

Допустила ли я очередную серьезную ошибку, позвонив ей? Мой план уже трещал по швам. Я убедилась в этом, самостоятельно разрывая его на части всеми безумными способами. Я становилась своей собственной погибелью, и теперь, когда связалась с Шарлоттой, – вполне, как говорится, могла сама дать ей веревку, на которой меня же и повесят.

Но я не знала, куда еще обратиться. Мне требовалась помощь, и она была единственным человеком, кому, как я надеялась, я могла доверять. И возможно, единственным, кому мне следовало довериться с самого начала.

«Ты приедешь, Шарлотта?»

Минуты тикали ритмично на комнатных часах, как метроном, который стоял на пианино моего учителя музыки в школе. Тогда это убаюкивало меня и вводило в транс, и я пропускала мимо ушей большие куски уроков, глядя в окно и мечтая о другой жизни. Теперь с каждым тиком улетучивалось всё больше надежды.

«Тик! Ты по-прежнему не знаешь, где Алиса».

«Так! Чем дольше ты ждешь, тем хуже будет».

Я нетерпеливо заерзала в кресле у окна. Встала и начала расхаживать по половицам на кухне. Поднялась наверх по лестнице и глянула в переднее окно на безжизненную улицу внизу. Всё вокруг пребывало в жутковатом покое. Даже ветви деревьев казались неподвижными, застывшими в остановившемся времени.

Как долго мне ждать? Несколько часов? Несколько дней? Всё равно наступит момент, когда мне придется сделать больше, чем просто метаться по пустому коттеджу. Когда мне придется позвонить в полицию самой.

Какой момент считать переломным?

Я стояла у окна, раздвинув ладонями сетчатые занавески, висевшие вплотную к стеклу. Меня обжигало сокрушительное осознание: что бы сейчас ни случилось – Алису, несомненно, отберут у меня. Но всё, что я хотела, – это увидеть ее. Я бы рискнула всем, лишь бы узнать, что моя дочь в безопасности.

– Вернись, Алиса! – выкрикнула я в безмолвной комнате, и, словно в ответ на мой призыв, в окно проник луч солнечного света, затрепетавший на узорчатом ковре. И в момент просветления я поняла, что должна вернуть контроль над ситуацией и подумать, что сказать, если приедет полиция или дойдет до того, что мне самой придется позвонить им.

Спустившись вниз и порывшись в чехле от блокнота, я извлекла рекламную визитку Элдерберри-коттеджа, которую держала в боковом кармане. Я перевернула ее и уставилась на чистую сторону. Затем схватила ручку из стаканчика на каминной доске и уселась обратно в кресло, грызя ее кончик, пока думала. И, тщательно имитируя размашистые каракули своего отца, я написала короткую записку на оборотной стороне карточки.

Это было грубо и достаточно сомнительно, но когда я перечитала ее, то подумала, что это лучше, чем ничего. Я засунула карточку в задний карман своих джинсов, и часы пробили шесть.

Если Шарлотта вышла из дома в тот момент, когда мы закончили разговор, то она могла бы уже быть тут. Я сама установлю себе крайние сроки.

Я вернусь к таксофону и снова позвоню Шарлотте, если она не появится здесь к семи.

Я позвоню в полицию и расскажу им всё, если мой отец и Алиса не вернутся к восьми.

В половине седьмого я снова выглянула в окно, но снаружи был всё тот же тихий, неподвижный пейзаж. Маленькая улочка с живой изгородью вдоль нее, высокие деревья, испещренные солнцем. Мне хотелось бы, чтобы хоть что-то изменилось. Чтобы я могла видеть – там всё же есть какая-то жизнь.

Мой желудок забурчал от голода, напоминая, что я не ела с завтрака, и я обыскала кухонные шкафы. Нашлось несколько жестянок с консервами и буханка хлеба, недоеденная пачка печенья и коробка хлопьев-ассорти с тремя отсутствующими пакетиками.

Я провела пальцами по хлопьям, пытаюсь выяснить, какие из них съедены. Алиса вскрыла упаковку этим утром? Когда она в последний раз находилась в доме? Это могло быть несколько дней назад, подумала я, и волна нервной тошноты подкатила из моего желудка к горлу.

Я захлопнула дверцу шкафа одновременно с громким ударом во входную дверь.

Инстинктивно я замерла. Шарлотта? Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но если не она, то кто? Полиция?

Я медленно подкралась ко входной двери, глядя на ее затемненное окно, однако за ним даже тени не мелькнуло.

Я приоткрыла дверь и осторожно выглянула, постепенно раскрывая ее шире. С нарастающим чувством разочарования я поняла, что там никого нет и что в глубине души я надеялась увидеть свою подругу. Закрыв глаза, чтобы пресечь готовые вырваться слезы, я ощутила тяжелое отчаяние. Я не должна была ожидать, что Шарлотта приедет.

Я начала закрывать дверь, когда почувствовала на затылке легчайшее дыхание. Волоски на моих руках встали дыбом, по коже забегали мурашки.

Кто-то стоял позади меня.

Я чувствовала его. Я ощущала неприятный древесный запах его одеколona. Он был внутри дома, стоял в коридоре, и его дыхание обдувало мою шею. Я бы закричала, если бы крик не застрял у меня в горле.

– Привет, Гарриет, – прошептал Брайан, уткнувшись ртом мне в ухо, и я почувствовала, как он касается его губами. Моя рука задрожала на дверной ручке, а его протянулась через мое плечо и мягко закрыла дверь.

Я медленно обернулась. Лицо Брайана оказалось почти вплотную к моему, перекошенное ухмылкой, хотя он и не мог скрыть гнев в своих глазах.

– Брайан? Что... – Я попыталась отступить от него, однако мне некуда было двигаться, потому что он зажал меня у входной двери. Должно быть, он прокрался вдоль дома и проник через заднюю дверь.

– Что я здесь делаю? – переспросил муж, склонив голову набок. – Ты хочешь это знать? Но где я, по-твоему, должен быть, Гарриет? – Он протянул руку и взял прядь моих волос, медленно обвивая ее вокруг пальцев, поглаживая большим.

Я едва заметно качнула головой. Мое сердце колотилось, его стук отдавался в ушах. Казалось, он тоже может это слышать.

– Может, мне стоит спросить, что здесь делаешь ты? Как думаешь? – сказал Брайан. Он потянул меня за волосы, и, хотя это было несильно, я ощутила, как натянулась кожа на моей голове. – Не нашла Алису пока? – Он одарил меня улыбкой, словно ножом пронзившей мою грудь.

– Где она? – выдохнула я.

– Какой забавный вопрос. – Взгляд Брайана поднялся к моей макушке, когда он нежно погладил меня по волосам. – А как, по-твоему, я могу знать, что случилось с моей дочерью?

– Что ты с ней сделал, Брайан? – вскрикнула я. – Где Алиса? Пожалуйста, скажи. Ты меня пугаешь.

– Я тебя пугаю? – прорычал он. Его лицо исказилось в болезненной

гримасе, которую я видела так много раз. Каждый мой вопрос раздражал его еще больше. Мне захотелось отвернуться, но я сопротивлялась этому желанию, не отводя от него глаз.

– Если ты что-то с ней сделал, то я...

– То ты что? – взорвался Брайан. – По-моему, самое смешное, что это ты что-то с ней сделала, не так ли, Гарриет? – Резко рванув мои волосы, Брайан вывернул мне шею. Боль пронзила мне плечи и ударила в голову. – Заставляя меня поверить, будто мою дочь похитили!

– Алиса в безопасности? – взмолилась я. – Просто скажи, что она в безопасности. – Его агрессия потрясла меня, не в последнюю очередь потому, что никогда раньше не была физической – но никогда раньше я и не видела его настолько разгневанным.

– О, разве она не здесь? – он удивленно поднял брови, откинувшись назад и наигранно оглядываясь по сторонам.

– Пожалуйста, Брайан...

– Заткнись, Гарриет! – Он убрал другую руку с двери и зажал мне рот ладонью. – Прекрати задавать вопросы. Тебе не кажется, что у меня есть пара-тройка своих?

Звук моего дыхания был невыносимо громким, потому что я была вынуждена дышать через нос. Я не знала, как долго мне придется терпеть его издевательства, прежде чем он расскажет, что случилось с Алисой. И как он меня нашел.

Наконец Брайан снял ладонь и нежно взялся за мою нижнюю губу, сжимая ее двумя пальцами.

– И прекрати кусать губы, – произнес он. – Ты прокусишь их до крови. – Он провел пальцем по моим губам, а затем отпустил меня и неспешно отошел в сторону, усевшись на диван.

Он понимал, что я не кинусь бежать, потому что у него имелась информация, которую я хотела услышать. Как и всегда, Брайан контролировал ситуацию. Он знал, что я последую за ним и сяду напротив него в кресло.

– Никогда не думал, что ты способна на такое, Гарриет, – сказал он. – Ты забрала Алису и заставила меня поверить в худшее. – Он покачал головой, и влага блеснула в его глазах. – Почему ты так поступила со мной? Я всегда был для тебя хорошим мужем.

Когда я не ответила, Брайан продолжил:

– Но дело не только в тебе, верно? Это всё твой папочка. Восставший из мертвых.

– Как ты... – Я осеклась. – А где Алиса? – снова спросила я. Какая

разница, откуда он так много знал; выяснить, что он сделал с моей дочерью, было важнее.

– Что я сделал такого, за что ты меня так ненавидишь, Гарриет?

– Ты разрушил мою жизнь, – ответила я, повернув голову, чтобы он не увидел моих слез. – Ты манипулировал мной и заставлял думать, будто я схожу с ума. Ты сказал мне, что заберешь у меня Алису. – Я больше не могла позволить ему выйти сухим из воды. Не в том случае, если он что-то с ней сделал.

– Нет, Гарриет. Я этого не делал, – заявил Брайан уверенно. – Я бы никогда так не поступил.

– Ты делаешь это сейчас, – пробормотала я. – Пожалуйста, просто скажи мне, где она.

– Я говорил, что, если ты когда-нибудь меня бросишь, я буду искать тебя и найду, – ткнул он себя пальцем в грудь. – Я нашел. – Муж соорудил улыбку, что сделало его с виду невероятно довольным собой, и сложил руки на коленях. – Я не отпущу тебя, Гарриет. Я никогда не позволю тебе оставить меня. Я люблю тебя. Я люблю вас обеих слишком сильно для этого.

– Нет, ты не любишь меня, Брайан, – возразила я.

– Ты думала, что такая хитрая, – выпалил Брайан, вскинув руки и размахивая ими в воздухе. – Такая умная. Пыталась меня облопошить. Ну, взгляни теперь на себя, любовь моя. Ты ведь на самом деле не такая? Потому что я сорвал твой план. Посмотри, где ты сейчас. Сидишь в этом захолустном коттедже без малейшего понятия, что случилось с твоей дочерью. Ты надеялась, что меня за это арестуют? – продолжал он. Я покачала головой, и он фыркнул. – Но теперь это произойдет с тобой, не так ли, Гарриет? Они посадят тебя за то, что ты сделала. Могу уверить тебя, что твоя глупая идея никогда не сработала бы.

– Где Алиса? – спросила я еще раз. Я знала теперь, что у меня нет шансов бороться за свою свободу.

– Не хочешь узнать, как я их разыскал? – сказал Брайан, по-прежнему игнорируя мой вопрос. – Твой блокнот. Немного глупо, – продолжал он, складывая пальцы, чтобы изобразить в воздухе кавычки вокруг слова «немного», – писать там столько всего...

Но я никогда не записывала свой план в блокнот. Я упоминала в дневнике только о тех вещах, которые Брайан говорил мне, чтобы я в них поверила.

– Должен сказать, я сильно удивлен, что ты позволила ему привезти ее сюда. – Брайан сморщил нос, осматривая гостиную вокруг. Затем

повернулся ко мне и улыбнулся. – Ах, тебе интересно, как я нашел твою книжку, не так ли?

Конечно, я хотела это знать, но сперва мне нужно было увидеть дочь.

– Просто скажи мне, что ты с ней сделал. Скажи, что ты не причинил им вреда.

– Видишь ли, никто не знает тебя так, как я, Гарриет. С тех пор как пропала Алиса, в твоём поведении появилось нечто необычное. Нечто большее, чем беспокойство из-за Алисы. Ты вела себя странно, но я не мог это нащупать. А затем два дня назад я увидел, как ты выливаешь пинту молока в раковину, прежде чем сказать мне, что оно у нас закончилось и тебе необходимо купить еще.

Я отшатнулась назад в кресле. Брайан всегда слонялся по дому в местах, где я меньше всего ожидала его найти.

– Я проследил за тобой. Я дождался, пока ты свернешь за угол в конце улицы, и пошел следом. Когда ты вошла в телефонную будку и вышла через десять секунд, я понял, что ты не дозвонишься, куда хотела. И как только ты скрылась из виду, я вошел в будку сразу после тебя и нажал кнопку повторного набора.

Я крепко сжала руки в кулаки. Как могла я быть такой глупой? Я покопалась в памяти, но поняла, что так сильно стремилась позвонить отцу, что никогда не заметила бы, как Брайан преследует меня.

– Он ответил, думая, что это ты. «Алло, Гарриет! – произнес Брайан ворчливо, безуспешно подражая голосу моего отца. – Прости, что не взял трубку, но Алиса висела вверх тормашками на дереве в конце сада». Когда я ничего не ответил на это, он снова заговорил, на этот раз гораздо более нервно: «Гарриет, это ты?» – Брайан усмехнулся и покачал головой. – В конце концов он повесил трубку, и когда я перезвонил, он не ответил. Вот так, любовь моя, я и обнаружил, что тебе известно, где твоя дочь.

– Что заставило тебя подумать, что это мой отец? – спросила я.

Брайан хихикнул.

– Ты собираешься притворяться, что это не так? Алиса кричала на заднем плане. Я узнал ее голос, но сперва не мог сообразить, что она говорила. Потом я прокручивал это снова и снова в голове до тех пор, пока не пришел к убеждению, что она кричала «Дедуля!».

Я прикрыла рот рукой, чтобы не вскрикнуть. Я так отчаянно хотела увидеть дочь.

– Это заставило меня подумать, что, кто бы с ней ни был – это какой-то психический старикан, пытающийся заставить ее поверить, что он ее дедушка, потому что предполагалось – у нее нет настоящего, верно,

Гарриет? – Брайан сплюнул. – Мой отец умер, и очевидно, твой тоже, – продолжал он. – Но потом я поразмыслил и подумал, а что, если твой жив? В конце концов, ты никогда не вдавалась в подробности о нем. Всегда сразу замолкала, когда упоминала о его смерти. Никогда не рассказывала мне никаких деталей, и я понятия не имел, отчего он скончался. И чем больше я об этом думал, тем больше появлялось смысла в предположении, что он всё еще жив. – Брайан выдержал паузу. – Как бы то ни было, я воспользовался быстрым поиском в Интернете и обнаружил, что такая возможность существует, потому что там не нашлось никаких записей о его смерти. Я понимал, что не добьюсь от тебя правды, поэтому решил понаблюдать за тобой повнимательнее. Ты не всегда знала, когда я наблюдаю за тобой, не правда ли? Когда ты вернулась со своим молоком, то заявила, что тебе плохо, и попросила принести стакан воды, что я любезно и сделал. Но, когда я вышел из комнаты после того, как ты обвинила меня в замене фото Алисы, я не спустился вниз, как ты подумала. Я подождал некоторое время, чтобы увидеть – что ты будешь делать дальше, как далеко зашел твой обман.

– Боже! – вскрикнула я. – Мой обман?!

– Я видел, как ты суетилась возле кровати, двигала тумбочку, а затем вытащила блокнот. Ты прятала его под половицей, не так ли, Гарриет? Я нашел его, когда заглянул туда позже. Когда ты была внизу, я достал его и прочитал всё, что ты когда-либо в него писала. Я знал тогда наверняка, что твой отец жив, и стало ясно, что ты хочешь уйти от меня. Я нашел карточку коттеджа и позвонил по указанному на ней номеру. Я сказал ответившей женщине, что мой друг, Лесс Мэттьюс, порекомендовал мне это место. И знаешь, что она ответила, Гарриет? Она ответила: «Как забавно. Лесс как раз сейчас живет в коттедже». Ведь так зовут твоего отца, верно, Гарриет? Видишь ли, – Брайан постучал пальцем по своему виску, наклонившись ближе, и обнажив зубы в улыбке, – я помню то, что ты рассказывала мне. Те немногие вещи, о которых ты не врала. – Муж откинулся обратно, смакуя свои слова. – Тем вечером я ездил встретиться с твоей лучшей подругой, – сообщил он внезапно, поменяв тему разговора.

– С Шарлоттой? – спросила я, ошеломленная.

– Я думал, что она тоже в этом замешана. Но несчастная корова понятия не имеет, что ты натворила, не так ли?

Я промолчала.

Брайана несло дальше:

– Вчера я также навестил своего старого приятеля по рыбалке, Кена Харриса. Что там произошло, Гарриет? Твоему отцу удалось поговорить с

ним и заставить отказаться обеспечить мое алиби, или как?

– Нет, – возразила я. – Мой отец ничего не знает о твоих приятелях по рыбалке.

– Нет? Ну, этот человек всё равно пьяница, – сказал он. – Понятия не имеет, кого видит, а кого нет. Хорошая новость в том, что он сделает вторичное заявление про меня. Они скоро узнают, что я находился там в течение всего того дня, хотя теперь это не будет иметь большого значения, верно, любовь моя? Очень скоро все узнают, что это сделала ты.

Брайан поднялся и шагнул ко мне, взяв за запястья и тоже вытянув вверх из кресла.

– Как могла ты так поступить со мной, Гарриет? Я всегда любил тебя, но тебе никогда не было этого достаточно, да?

Звук машины, затормозившей возле дома, заставил нас обоих подпрыгнуть. Это мой отец с Алисой? Или Шарлотта?

Брайан схватил меня за руки и толкнул к стене, в зону, непросматриваемую снаружи, так что и я не могла ничего видеть. Он изогнулся и осторожно выглянул в окно, его глаза забегали туда-сюда.

– Ты ждешь кого-нибудь? Я вижу женщину в машине.

Это, должно быть, Шарлотта. Она приехала ко мне, вот только теперь я жалела, что позвонила ей и еще глубже в это втянула. Мне захотелось найти какой-то способ остановить ее приближение. Если бы Брайан ее увидел, то никогда не поверил бы, что она не имеет никакого отношения к похищению Алисы.

Я отрицательно покачала головой, хотя он и знал, что я лгу. Брайан всегда всё знал, теперь это было достаточно ясно.

Он скривил губы. Резким движением потянулся назад, схватил мою сумочку, лежавшую на виду на журнальном столике, и ткнул ее мне в грудь, заставив взять. Затем, приложив палец ко рту, наклонился ближе к моему уху и велел не издавать ни звука, пока мы ожидали неизбежного стука в дверь.

Громкий стук всё равно оказался внезапным. Тишина. Потом еще один удар. Я ждала, что она уйдет, как вдруг в замке раздался звук вставляемого ключа. Лицо Брайана застыло в панике и он вцепился мне в руку, сильно сдавив пальцами запястье.

Это не Шарлотта! Наверно, это хозяйка коттеджа. За считанные секунды Брайан протащил меня через кухню к заднему выходу. За нашими спинами открывалась входная дверь, но мы уже выскочили наружу и спускались по боковой дорожке к калитке.

Брайан не прекратил бежать, когда повернул с дорожки направо в

направлении обрыва. Я вскрикивала, пока он мчался по улице, дергая меня за запястье и заставляя его гореть от боли. Несколько раз я умоляла его отпустить меня, однако его хватка только усиливалась. Он остановился, лишь когда мы достигли края обрыва.

Воздух становился холоднее, начинало темнеть.

– Брайан, скажи мне, где она? – воскликнула я.

– Я сделаю кое-что получше, – усмехнулся он, вонзая ногти в мою кожу на руке, которую всё так же крепко сжимал. – Я тебе покажу.

Но когда он устоял на океан, я ощутила такую же вспышку страха, какую наблюдала у него в тот день, когда он устроил пикник на пляже. Я проследила за его взглядом. Порывистые волны накатывались на песок пляжа, начинался прилив. Брайан ненавидел даже смотреть на воду.

– Ты меня пугаешь. Где они? – спросила я.

Дрожащим пальцем он указал в направлении горизонта. Я посмотрела на его палец, вытянутый к морю.

– Где они, Брайан?! – заорала я. Чувство беспомощности почти затопило меня к тому моменту.

– Они там, – ответил Брайан и кивнул в сторону открытой воды.

Пятница, 21 апреля 2017 года

Когда я сегодня говорила по телефону с отцом, он наконец поведал, что сказала ему Алиса на острове Браунси, когда они смотрели на павлинов. Ему больше ничего не требовалось объяснить – теперь я полностью понимала, почему он передумал насчет моей просьбы.

«Я не лгунья», – начала разговор Алиса.

«Боже мой, конечно, нет! – заверил ее мой отец. – Откуда у тебя такие мысли?»

«Папа говорит, что я всё выдумываю, потому что мне нравится его сердить. А я нет, – сказала она. – Я не выдумываю».

«Расскажи мне, что, по его словам, ты сделала», – потребовал мой отец.

Алиса рассказала ему о случае с мороженым, о котором я почти забыла. На Новый год Брайан отвез нас с Алисой в Нью-Форрест. Алиса не хотела ехать, она предпочитала играть на берегу моря, но Брайан остался непреклонен – мы будем гулять в лесу. К тому времени я уже заметила, как ему нравилось строить планы для нас троих, словно он стремился застолбить свое место в семье.

Я шла с Алисой впереди, как вдруг соскользнула ногой в кроличью нору и подвернула лодыжку. Брайан проворчал мне в ухо, что я сделала это

нарочно. Я сказала ему, что это не так, однако, несмотря на его раздражение, мне нужно вернуться к машине и отдохнуть.

Алиса не хотела оставлять меня, поскольку ей не нравилось, что мне больно, но Брайан не обратил на это внимания и потащил ее к реке, чтобы она посмотрела на рыб. Я некоторое время наблюдала в боковое зеркало, как она взволнованно тыкает в воду прутиком. В конце концов я отвела взгляд – боль в лодыжке заставила меня закрыть глаза и откинуть голову на спинку сиденья.

Пятнадцать минут спустя они вернулись к машине, и я увидела, что глаза Алисы покраснели от слез. Я спросила ее, что случилось, и Брайан сказал: она расстроилась из-за того, что не получила мороженое из фургона, стоявшего на дороге.

«Слишком холодно для мороженого!» – улыбнулась я. У меня болела лодыжка, и я отчаянно хотела домой.

Но Алиса рассказала моему отцу свою версию этой истории, которая была больше похожа на правду.

«Если ты будешь выглядеть чуть-чуть более довольной, я куплю тебе мороженое из того фургона!» – Ее папочка показал на дорогу.

«Можно мне на палочке?»

«Да, и с орешками тоже».

Они посмотрели на рыб, и Алиса изо всех сил делала бравый вид, несмотря на то что ее утащили от мамочки, когда всё, что она хотела, – это спросить меня, не лучше ли моя нога.

«Теперь мы можем взять мне мороженое?» – спросила Алиса, когда наконец получила возможность возвратиться к машине.

«Мороженое? Слишком холодно для этого».

«Но ты сказал, что купишь!»

«Нет, Алиса, я никогда такого не говорил».

«Ты говорил! – Ее голос дрожал тогда, наверное. – Ты сказал, что я могу взять на палочке и с орешками!»

«Алиса! – отрезал ее папочка. – Перестань выдумывать! Никому не нравятся лгуньи».

«Но...»

«Ты неблагодарная, – оборвал он ее, взяв за руку и поведя, зареванную, обратно к машине. – Ты хочешь, чтобы я рассказал твоей матери, что ты превращаешься во врунишку? Или мы просто оставим это между нами и не станем ее расстраивать?»

«Дедуля, он говорит, что мама тоже всё выдумывает, и что я лгу, как

она, и ему это не нравится, – сказала Алиса на острове Браунси. – Он говорит, что я причиняю ему этим боль. Могу я рассказать тебе тайну?»

«Алиса, милая, ты можешь рассказать мне всё, что угодно», – ответил мой папа.

«Если я спрячусь за диваном, то он не может меня найти и тогда не сердится. Я так делаю, потому что я не говорю никакой неправды».

Вне всякого сомнения, что бы ни случилось – я поступаю правильно ради всех нас.

Гарриет

– Я не понимаю! – крикнула я Брайану. – Что ты имеешь в виду? Они в воде? Что ты сделал с ними?

Брайан продолжал смотреть на море с края обрыва.

– Я им ничего не сделал, – ответил он наконец.

– Тогда что происходит? – Мой голос дрогнул, когда я сделала шаг ближе. Я хотела схватить его за грудки и встряхнуть, наорать на Брайана, чтобы он сообщил, где Алиса и отец. Но я также понимала, что ничего не добьюсь от него, если сделаю это. Мне потребовалась каждая унция силы, чтобы сдержать себя.

– Они вышли в море на рыбацкой лодке. Я видел, как они в нее садились. Прямо перед тем, как ты появилась тут сегодня утром, – сказал муж, повернувшись лицом ко мне. – Я проследил за ними до пляжа, и он взял лодку, привязанную к причалу возле скал, там, подальше. – Я посмотрела в направлении, куда он указывал. Но высокие скалы у воды закрывали то место. И оттуда, где мы стояли, я не могла разобрать причал, не говоря уж о том, чтобы увидеть – привязана ли к нему лодка. – Ты, наверно, опоздала всего минут на десять, – продолжал Брайан. – Я видел, как ты бежала вниз к пляжу, и наблюдал за тобой из-за скал. Ты не увидела меня, но ты же и не высматривала меня, верно, Гарриет?

Я уставилась на Брайана, удивляясь – что он ожидает от меня услышать. Конечно, я его не высматривала.

– Ты высматривала Алису, – произнес он с мелькнувшей искренней болью, и мне не в первый раз пришло в голову, что мой муж ревнует. – И своего отца, конечно, – добавил он резко.

Отец рассказывал мне о рыбацкой лодке; он, должно быть, решил

выйти на ней с Алисой, но это случилось уже много часов назад.

– Старикан выглядел очень решительным, когда направлялся туда, – процедил Брайан. Желваки заходили у него на скулах. – Держа за руку мою дочь, как будто имел на это полное право. Меня от этого затошнило.

Я повернулась обратно к пляжу. Небо посмурнело, и, хотя скалы еще виднелись, я знала, что оставался только час до захода солнца. Они, конечно же, должны вернуться до темноты?

– Я всё равно не понимаю, – сказала я. – Ты говоришь, что наблюдал за ними сегодня утром. Что проследил за ними до пляжа и позволил ему взять Алису в лодку. И ничего не сделал, чтобы остановить их?

– Я наблюдал за коттеджем всю ночь, – невозмутимо ответил Брайан. – Вчера я вернулся домой и обнаружил, что ты ушла. Когда через два часа ты всё еще не вернулась, у меня появилось ощущение, что ты уже на пути к ним. Но когда я добрался сюда прошлой ночью, тобой здесь и не пахло. – Он повернулся ко мне, ожидая, что я расскажу ему, где была, однако я промолчала. – Зато я увидел его. Ясно, как при свете дня, через окно, сидящего в кресле. Я оставался в своей машине и ждал тебя. Прождал всю ночь, но ты так и не появилась. Я уже начинал думать, что ошибся.

– Если ты знал, что Алиса в доме, – как мог ты просто сидеть и смотреть?

– Как я и говорил тебе, Гарриет, – огрызнулся Брайан. – Я ждал тебя.

Я недоверчиво уставилась на него.

– Не разевай так рот, Гарриет, – сказал он. – Я видел, что Алиса находилась в безопасности этим утром. Мне не требовалось торопиться. Не тогда, когда я всё же верил, что ты скоро приедешь. И вот – пожалуйста. – Муж протянул руку к моим волосам. – В конце концов, ты здесь.

Я отдернула голову. Брайан не видел свою дочь на протяжении двух недель, большую часть из которых думал, что она похищена, но всё равно – как только узнал, где она, то с радостью допустил, что Алиса может и обождать, пока он не получит желаемое: меня.

– Я знал, что с ней всё в порядке, – прорычал он, словно угадав мои мысли. – Если бы ей угрожала опасность, я бы ее забрал, так что не пытайся выставить меня плохим отцом!

– О Боже мой, – пробормотала я себе под нос. Брайан шагнул ближе и схватил меня за запястье. Я сморщилась от пронзительной боли, растекающейся вверх по руке, за которую Брайан тащил меня, когда мы выбегали из дома.

– Тебя здесь не было, Гарриет, – сказал он ледяным тоном, и его глаза угрожающе заблестели. – И я хочу, чтобы ты поняла – ты не сможешь

забрать нашу дочь. Ты должна знать, что не сможешь бросить меня, Гарриет.

Когда Брайан выпустил мою руку, я потеряла больное место, разминая его вверх и вниз. Кто знает, какие повреждения он нанес? Рентген может показать это, но он никогда не выявит настоящую историю болезни. Ту, что залегает глубоко под кожей, где шрамы не видны.

Брайан побрел вдоль вершины обрыва к тропинке, ведущей вниз, к пляжу.

– Я не понимаю, зачем ты позволил им сесть в лодку! – крикнула я, последовав за ним. Он не ответил, но я сообразила, что страх перед водой остановил все его дальнейшие действия. – Так что ты делал, когда они отплыли? Почему сразу не пошел поговорить со мной?

– Я ждал, пока они вернутся! – бросил он через плечо. – Я не думал, что они задержатся надолго. – Брайан начал спускаться по тропинке, а я сразу вслед за ним, стараясь не отставать. Он приостановился и обернулся ко мне. – Я ждал более пяти часов, прежде чем вернуться к дому и увидеть тебя там. Они не должны были уходить так надолго, не правда ли, Гарриет? – добавил муж, шаря глазами по моему лицу, словно желая увидеть мою панику.

Я покачала головой.

– Нет, – ответила я тихо. – Они не должны были. – Я понятия не имела, что задумал мой отец. Всё, что я знала, – сегодня утром Алиса была в безопасности. И всё, на что я могла надеяться, – папа присматривает за ней, как и обещал.

– Итак, что же теперь случится дальше? – спросил Брайан. – Мы отправимся домой одной большой счастливой семьей?

– Да, – сказала я ему. – Мы можем так сделать. – Говорил он серьезно или нет – я заглотила наживку. – Мы можем, Брайан, – повторила я. – Нам нужно побеседовать о том, что делать дальше.

Я бы сделала всё, что потребуется, лишь бы только Алиса никогда больше ни исчезала из поля моего зрения. Я бы осталась с Брайаном навсегда, если он не стал бы рассказывать полиции.

Он негромко засмеялся.

– Ты правда думаешь, что я в это поверю? Что ты вот так прямо возьмешь и вернешься в нашу совместную жизнь? Господи, Гарриет. Насколько глупым ты меня считаешь? – Его безжизненные глаза скользнули по моим зрачкам, проникая в мой разум. Брайан всегда мог читать меня, как открытую книгу. Затем он повернулся на каблуках и снова начал спускаться по тропинке.

Наконец мы добрались до низа и пересекли дорогу. Брайан зашагал по направлению к спуску, ведущему на пляж. Стоял прилив, и сейчас вода покрывала почти весь песок. Я задумалась, может ли она подняться еще выше. Я бывала в подобных бухтах и видела, как море перехлестывало прямо через скалы, ударяясь об отвесные стены за ними, когда штормило.

Слева от нас скалы протянулись вдаль, но теперь их стало видно яснее. И как только мы спустились к пляжу, то разглядели за ними причал и маленькую рыбацкую лодку, которая, должно быть, стояла там всё это время.

– Это она? – вскрикнула я. Мои ноги обмякли, когда Брайан снова схватил меня за запястье и потянул к камням. – Брайан, это та самая лодка? – Я хотела верить, что это так, судя по тому, как он тащил меня к ней. Я напрягала зрение, глядя вперед мимо Брайана, но могла разглядеть лишь общие очертания фигуры в лодке.

Как бы отчаянно я ни желала увидеть Алису, мне всё равно было трудно поспевать за ним. Однако чем больше мы приближались, тем заметнее становилась фигура, пока я не убедилась, что это мой отец.

– Папа! – закричала я, карабкаясь по камням навстречу ему. Он поднял глаза, когда вылез из лодки, качавшейся на воде, взглянул на Брайана, а затем повернулся ко мне. Его лицо дрогнуло от потрясения.

– Где Алиса? – вскрикнула я, не увидев никаких ее признаков. Брайан сильнее стиснул мою руку, больно вдавливая пальцы в плоть. – Где она? – Волна паники прокатилась по мне, заставив ноги подогнуться. Теперь, когда мы добрались до моего отца, стало понятно, что Алисы в лодке нет.

– С Алисой всё хорошо. – Отец шагнул вперед, когда мы приблизились. – Гарриет, – заверил он меня, – она в порядке.

– Где она? – снова закричала я. – Алиса не с тобой! Так что ты с ней сделал?

– Гарриет, я ничего не сделал. – Его глаза метнулись на Брайана, а затем нервно перебежали обратно на меня.

– Папа, просто скажи мне, где она, – потребовала я нетерпеливо. Необходимость потрогать ее руками и убедиться, что она в безопасности, стала невыносимой.

– Он торчал здесь всю ночь, – произнес отец. В его широко раскрытых глазах таился испуг. Я почувствовала, как Брайан напрягся рядом со мной. Значит, отец видел его. Он понял, что Брайан наблюдает за домом. Неудивительно, что отец выглядел таким испуганным; он, должно быть, всю ночь беспокоился о том, что Брайан собирается делать. Но это всё могло подождать. Прямо в тот момент мне необходимо было увидеть дочь.

– Алиса! – вскрикнула я, когда мой отец повернулся влево и я проследила за его взглядом до свертка из одеял, лежавшего на камнях. Я шагнула вперед, но Брайан, по-прежнему повисший на моей руке, дернул меня обратно. Напоминая о своем существовании.

– Она спит, – объяснил отец, когда сверток зашевелился. – Я взял ее сюда на весь день, потому что не знал, что еще делать. Это был долгий день, и ее сморило, так что я просто уложил ее там, пока заканчивал дела на лодке.

– Алиса! – крикнула я снова, пытаюсь вырваться от Брайана, продолжавшего цепко сжимать мою руку. Я повернулась сказать ему, чтобы отвалил от меня, однако заметила, как свирепо смотрит он на моего отца. Брайан даже не взглянул в сторону нашей дочери.

– Мамочка! – раздался голосок позади меня, и, когда я обернулась обратно, Алиса уже вскочила на ноги и выпрямилась.

– Алиса, маленькая моя... – Я протянула к ней руку так далеко, насколько могла, но Брайан снова оттащил меня, вылезая вперед, между мной и отцом. Между мной и моей девочкой, теперь осторожно пробиравшейся к нам по камням.

– Пусти меня к ней! – закричала я, однако Брайан не сдвинулся с места.

Я смотрела, как она ищет, куда поставить ноги в ярко-розовых сапожках-«веллингтонах», которых я никогда раньше не видела. Отчаянно стремясь прикоснуться к ней и поддержать ее, я попыталась вырваться от Брайана, но потеряла равновесие и споткнулась.

– Мамочка! – позвала она снова, в ее голосе поднималась паника.

– Я в порядке! – откликнулась я. – С мамочкой всё нормально! – Так и было, но жгучая боль снова пронзила мое запястье.

Мне хотелось поскорее обнять ее и сказать, что никогда не оставлю ее снова, но я также знала, что Брайан не позволит мне добраться до нее прямо сейчас, и придется действовать осторожно. У него имелось слишком много козырей на руках, а я, несомненно, потеряла все свои.

Отец нервно переводил взгляд с меня на Брайана и обратно, неподвижно застыв на месте.

Брайан начал подступать к нему. И по-прежнему не смотрел на Алису.

– Папа, уходи, – произнесла я.

Но отец не двигался.

– Он просидел здесь всю ночь, – повторил он. – Просто тарачился на нас. – Он втянул воздух и задержал в груди.

– Пожалуйста, – призывала я. – Просто уйди. – Он никогда не смог бы

победить в любой схватке с Брайаном, продолжавшим холодно смотреть на отца. Когда папа наконец шагнул назад, то сказал мне:

– Я говорил тебе, как решил. Мое единственное условие – ты помнишь его, не так ли?

Я кивнула, молясь, чтобы он ушел. Однако в этот момент он оступился на камнях, и передо мной мелькнуло лицо хрупкого старого человека, которым он стал с тех пор, как я в последний раз видела его в детстве. Мое сердце дрогнуло при виде его, пытающегося не упасть. Инстинктивно я вытянула вперед свободную руку, чтобы поддержать его, но, прежде чем я дотянулась, Брайан оттолкнул меня и кинулся на отца.

Я снова споткнулась о камни позади. Крики Алисы наполнили холодный воздух. Брайан по-прежнему игнорировал дочь, когда схватил моего отца, сжав руки на его шее.

– Нет! – закричала я, пока Алиса визжала всё громче. – Отпусти его, Брайан!

Однако Брайан не слушал. Среди криков Алисы и своих собственных я не могла понять, говорил ли Брайан ему что-либо, пока толкал назад. Всё, что я могла видеть, – это ужас в глазах отца, когда Брайан набросился на него, оттесняя к камням.

– Оставь его в покое! – крикнула я. – Он в этом не виноват! Он пожилой человек, Брайан!

Отец упал, но Брайан расставил руки в стороны, чтобы помешать мне добраться до него или Алисы. Я беспомощно наблюдала, как папа судорожно шарит ладонями перед собой, пытаясь подняться. Алиса тряслась и плакала:

– Мамочка, заставь его остановиться!

Однако Брайан не собирался останавливаться. Я понимала это. Его спина образовывала прочную стену между нами и закрывала нас друг от друга.

Медленно и неуверенно мой отец поднялся на колени и в конце концов встал на ноги, вскинув руки вверх в знак капитуляции и пытаясь отдышаться.

– Брайан! – умоляла я. – Пожалуйста, не причиняй ему вреда!

Я попыталась оттащить Брайана, но он, не глядя, отшвырнул меня рукой и снова внезапно набросился на отца, застав того врасплох и вонзив большие пальцы ему в горло.

Ужаснувшись, я увидела страх в остекленевших глазах отца. Кожа натянулась на его худой шее там, где в нее впились пальцы Брайана.

– Не делай глупостей! – всхлинула я. – Пожалуйста. Мы все можем

просто отправиться домой!

– Ты должна понимать, что теперь это невозможно! – взревел Брайан, и с последним толчком он бросил моего отца на камни с такой силой, что я услышала, как хрустнул его затылок.

На мгновение в воздухе повисла гробовая тишина, прежде чем он наполнился криками. И к тому моменту я уже не могла сказать, чьи они: мои, Алисы ли – они смешались вместе, оглушая нас самих.

Однако не доносилось ни звука от моего отца, лежавшего неподвижно, когда Брайан быстро развернулся от него обратно ко мне. Он дышал глубоко и часто, его глаза потемнели настолько, что стали почти черными. Каждая мышца в его теле была напряжена, и я знала, что он всё еще готов к бою. Я видела, как сильно хотел он наказать меня за то, что я сделала.

Алиса теперь только хныкала. Я тоже прекратила кричать, и на берегу стало до жути тихо, за исключением ритмичного плеска волн, ударяющихся о камни.

Брайан не спускал с меня глаз. Они пожирали меня, поглощали. Я видела, как его мозг работает на бешеных оборотах, осознавая, что он потерял меня, и решая, что теперь с этим делать. Затем он схватил меня за поврежденную руку и поволок к причалу. Я умоляла его остановиться. Я потянулась к Алисе, когда он протащил меня мимо нее, но не смогла к ней прикоснуться.

– Брайан, что ты делаешь? – Я оглянулась на свою девочку – ее губы дрожали от страха, а сама она стояла, застыв на месте.

Брайан, не обращая на это внимания, продолжил тянуть меня к лодке, однако возле нее остановился в нерешительности, и я уловила его мерцающий страх. Неужели он собирается забраться в нее? Что могло перевернуться в его сознании, заставляя отбросить боязнь? Это была ужасная мысль.

– Брайан, прекрати это, – сказала я торопливо. – Мы не можем оставить Алису! Ты не хочешь туда садиться.

Я царапалась, пытаясь вырваться, но Брайан толкнул меня в лодку.

– Мы не можем оставить ее здесь! – закричала я. – И моему отцу нужна помощь! Брайан, ты должен остановиться! – Отец лежал неподвижно на камнях. Алиса осторожно пробиралась к нему.

– Брайан, прекрати! – Я попыталась встать, хватаясь за его рубашку, цепляясь за хлопковую ткань и комкая ее в ладонях.

Он вырвал у меня рубашку и одной рукой отвязал веревку, удерживающую лодку у причала, а затем запустил чихающий мотор. Запыхавшись, я приподнялась и дернулась в сторону борта лодки, но

теперь Брайан удерживал меня за лодыжки, и, как бы я ни старалась вырваться, его сила превосходила мою.

Постепенно набирая скорость, мы начали отходить от скал. Алиса безжизненно свесила руки по бокам, ее розовые сапожки смотрели носами внутрь, рот широко открылся – и в этот момент я возненавидела Брайана так, как никогда прежде. Никогда ранее у меня не возникало такого сильного желания покалечить своего мужа.

Собрав все силы, которые у меня имелись, я приготовилась развернуться и оттолкнуть Брайана, как вдруг увидела чью-то фигуру, бегущую вниз по спуску к пляжу. Временно прекратив попытки вырваться, я наблюдала, как фигура приближается, пока не разглядела длинный серый кардиган, узкие джинсы и хвост волос, свисающий сзади.

Шарлотта?

У меня перехватило дыхание. Волна облегчения окатила меня, когда женщина, в которой я теперь узнала Шарлотту, повернулась к Алисе. Усилившаяся качка означала, что мы удаляемся от берега. Если она и кричала что-то, то я не слышала, однако Алиса, должно быть – да, поскольку перестала смотреть вслед лодке, повернулась и начала осторожно карабкаться к Шарлотте.

Я прижала руку ко рту, чтобы заглушить рыдания. По крайней мере, Алиса теперь в безопасности. И они вызовут «Скорую» для моего отца, который, насколько я могла судить, всё еще не двинулся.

Брайан выпустил мои лодыжки. Я оглянулась и увидела, как он внимательно смотрит в направлении горизонта, очевидно, не подозревая, что Шарлотта появилась на берегу. Я подумала, что если стану действовать быстро, то смогу избежать его хватки, выпрыгнуть за борт и поплыть обратно к скалам, пока до берега недалеко и неглубоко. Через несколько минут я вернусь к дочери.

Но теперь там находилась Шарлотта. И я знала, что, если покину его – муж будет преследовать меня на лодке и наверняка этому помешает. Мне никогда не сойдет с рук то, что я совершила.

Я застыла в нерешительности, пока мы продолжали выходить в открытое море. Каждая волна, через которую мы проскакивали, заставляла лодку качаться, что, в свою очередь, вынуждало Брайана крепко цепляться за край борта.

Силуэты Шарлотты и Алисы на берегу постепенно исчезали, размываясь от расстояния. Дневной свет теперь тоже тускнел. Скоро он полностью пропадет. Море уже становилось чернильно-черным.

Я полагала, что, так или иначе – для меня всё кончено. Вероятно, мне

придется заплатить за то, что я сделала. И я подумала, что, если появится хоть малейший шанс избежать тюрьмы – тогда, возможно, мне не стоит уходить от Брайана снова.

И пока я размышляла, правильной ли была идея остаться в лодке, то напомнила себе, что в море, безусловно – сила на моей стороне.

Потому, что я умею плавать.

А он – нет.

Шарлотта

Шарлотта плотнее обхватила Алису, укрывая ее собой, чтобы девочка не мерзла. На протяжении двух недель она ощущала ответственность за пропажу Алисы, и вот теперь, здесь, она обнимала девочку своими руками, вдыхая ее запах, пока Алиса прильнула головой к ее груди. Облегчение оказалось таким сильным, что Шарлотте приходилось заставлять себя не зарыдать. Алиса была напугана, и Шарлотта понимала, насколько важно держать себя в руках, но делать это становилось всё труднее.

– А куда поехала мамочка? – спросила Алиса в очередной раз. – Когда она вернется?

– Скоро, – ответила Шарлотта. – Я обещаю, что она скоро вернется. – Ей не хотелось думать о том, что происходит на той маленькой лодке или куда Брайан их везет. Она посмотрела на девочку, дрожавшую напротив, и притянула ее к себе еще ближе. Когда Шарлотта снова подняла глаза, лодка полностью исчезла из виду.

– С дедулей всё будет в порядке? – спросила Алиса.

Двое парамедиков^[11] присели сейчас на камнях впереди. Она не могла видеть Лесса за ними.

– Они делают всё, что могут, – прошептала Шарлотта в волосы Алисы. Она не желала признавать, что всё это выглядит плохо.

Немногим ранее Шарлотта подъехала к Элдерберри-коттеджу, и там ее встретила женщина, которая выглядела такой же растерянной, как она сама.

– О, здравствуйте. Я искала друга, но, возможно, ошиблась адресом. – Шарлотта откинулась назад, чтобы посмотреть название дома, хотя и была уверена, что на потрепанной непогодой табличке на фасаде написано «Элдерберри».

– Кого вы ищете? – спросила женщина. За ее тяжелой темной челкой и

очками в толстой оправе Шалотта едва могла разглядеть глаза. – Я хозяйка коттеджа, но у меня есть постоялец, живущий здесь в данный момент.

– Эмм... – Шарлотта запнулась. Она понятия не имела, как зовут отца Гарриет, и понимала, что не должна рисковать, вступая в беседу о нем.

– У меня здесь Лесс Мэттьюс – это тот, кто вам нужен?

– Да, – осторожно ответила Шарлотта. – Это Элдерберри-коттедж?

– Всё верно. Его не было здесь, когда я пришла ранее. Я пришла лишь потому, что Гленда позвонила и сообщила мне, что какой-то странный придурок шастал вокруг прошлой ночью и подглядывал. Гленда живет в доме на углу. – Женщина указала на переулок в том направлении, откуда приехала Шарлотта. – Ей почти девяносто.

– О. Круто.

– У нас нет любителей подглядывать. Никто сюда не поднимается. Я сказала Гленде, что ничего страшного не случится, однако пообещала, что всё равно проверю. Честно говоря, я не думаю, что ей нравится, когда я сдаю коттедж. Она предпочла бы, чтобы здесь жил кто-то постоянный, но что поделать?

– Я не знаю, – отозвалась Шарлотта.

– Вот поэтому я и чувствую, что должна приезжать и проверять такие вещи всякий раз, когда она мне звонит, но...

– Я очень извиняюсь за невежливость, – перебила ее Шарлотта, – но мне необходимо найти своего друга. Вы можете объяснить мне, как добраться до пляжа?

– До пляжа? – Женщина посмотрела на часы. – Уже половина восьмого; в это время вечером там никого не будет.

– Я с удовольствием проверю, пока его нет в коттедже. Я смогу спуститься этой дорогой? – Шарлотта указала в направлении обрыва.

Женщина покачала головой:

– Нет. Слишком опасно использовать тропинку вечером. Вы не сможете видеть, куда наступаете. Вам лучше вернуться вниз по улице и через деревню на машине, если вы действительно желаете пойти на пляж. Но там будет прилив, думаю. Не так уж много от пляжа и останется.

Шарлотта поблагодарила ее. Она бы предпочла вернуться в машину и поехать домой. Подкрадывалась темнота, а дороги не были освещены. Однако она знала, что никогда не простит себе, если по крайней мере не поищет Гарриет на пляже.

Она развернула машину на узкой улице, стараясь не зацепить кое-как припаркованный перед ней «Лендрровер» хозяйки коттеджа, и направилась обратно тем же путем, которым приехала сюда, повернув направо в

деревню и следуя указателям до пляжа.

Как только Шарлотта увидела Алису, стоящую на камнях, то сразу поняла, что это она. Но облегчение быстро прошло, стоило ей лишь заметить рыбацкую лодку с двумя фигурами, неторопливо уходящую в море.

Она взобралась на камни, выкрикивая имя Алисы. Девочка обернулась, по ее щекам струились слезы.

– Алиса, это я, Шарлотта! Иди сюда!

Маленькими шагами Алиса начала постепенно приближаться, пока Шарлотта не дотянулась до нее и не заключила в объятия.

– Папа забрал мамочку в лодку! – закричала Алиса. – И он сделал больно дедуле! Он швырнул его на камни! – Девочка зарыдала, когда показала пальцем на то место, где он лежал.

– Господи! – вскрикнула Шарлотта, увидев Лесса. Она сделала шаг к телу, но не решилась подходить слишком близко с крепко прижавшейся к ней Алисой. Потянувшись к карману, Шарлотта вытаснула свой телефон и набрала 999^[12].

– «Скорую помощь» и полицию, – произнесла она быстро, когда на звонок ответили.

Полиция и парамедики вскоре прибыли и, как только выяснили краткие подробности у Шарлотты, связались с береговой охраной. Шарлотте не пришло в голову вызвать сразу и ее тоже, и она ругала себя, уповая на их быстрое появление, поскольку уходящий свет забирал последние остатки надежды, что с Гарриет всё будет в порядке.

Шарлотта разговаривала с Алисой, чтобы заглушить слова двух полицейских, топтавшихся неподалеку, и шум их раций.

– Когда спасательный катер доберется сюда, он направится прямо на поиски твоей мамы и вернет ее обратно, – пообещала она. Пока Алиса не упоминала о своем отце, Шарлотта тоже старалась этого не делать. – Ну а теперь расскажи мне, как ты жила в Корнуолле. – Она пыталась чем-то занять разум Алисы, хотя ее собственный постоянно возвращался к Гарриет.

Шарлотта сообщила полиции, что Гарриет не умеет плавать. Выкрикнула это, когда они говорили с береговой охраной. Алиса взглянула на Шарлотту странно, и она сказала малышке, чтобы та не волновалась и что с ее мамочкой всё будет хорошо. Ей не следовало ничего говорить при ней.

Но Алиса продолжала смотреть на нее, чем-то озадаченная.

– Что такое? – спросила Шарлотта. Однако Алиса пожала плечами и

ничего не ответила, так что она не стала настаивать.

– Я не хочу, чтобы дедушка умер. – Голос Алисы теперь был таким тихим, что Шарлотта едва расслышала его. Шарлотта не могла выкинуть из головы образ тела, изогнутого под углом, под которым оно точно не должно лежать.

Она посмотрела на парамедиков и задумалась, что происходит; затем на полицейских, которые скоро ее допросят. И когда они это сделают, у нее не останется другого выбора, кроме как сказать правду.

Гарриет

Лицо Брайана было сильно искажено, как у пьяного, когда он вел лодку в темноту моря. Я думала, что его подталкивает вперед гнев, но каждый раз, когда он поворачивался, я ловила взгляд его безумных глаз, казавшихся теперь не более чем мертвыми черными дырами.

От него ничего не осталось. Пустой каркас человека, которого я когда-то встретила, и которому позволила контролировать себя. Брайан понимал, что потерял меня, однако это означало, что ему больше нечего терять.

Мой бедный, несчастный муж. Так замкнувшийся в своем собственном мире, в котором не нашлось места ни для кого, кроме меня. Даже для Алисы. Его родная дочь даже слегка не приблизилась к так называемой «любви», которую он испытывал ко мне. Я убедилась в этом сегодняшним вечером больше, чем когда-либо прежде.

Мне нужно было хотя бы попытаться отговорить его от того, что он планировал. Хотя я сомневалась, что даже сам он знал, что именно.

– Брайан, – мягко сказала я, выгибая спину и подтягивая ноги под себя. – Я не думаю, что ты хочешь причинить мне вред, – ты любишь меня слишком сильно для этого.

– Люблю? – Брайан негромко рассмеялся. Его плечи напряглись, а правая рука обхватила борт лодки. – Любви здесь больше не осталось, – произнес он спокойно, сосредоточившись на исчезающей в темноте линии горизонта.

– Что ты собираешься делать?

– Заткнись, Гарриет! – Казалось, Брайан сейчас зазвенит, как натянутая тетива; его рука сжала борт сильнее.

– Я знаю, что ты не желаешь потерять меня, – продолжила я. В конце концов, у него имелась возможность позвонить в полицию в любой момент

за последние двадцать четыре часа. Брайан уже определенно мог бы заставить меня заплатить за то, что я совершила; он мог запретить меня надежно и подальше от Алисы – так, как всегда угрожал.

Только теперь я понимала, что Брайан так не поступил бы. Ему не нужна Алиса без меня. Отобрать мою дочь было не более чем просто угрозой, гарантирующей, что я останусь с ним.

Я не знала наверняка, что он задумал: выбросить меня из лодки, а самому спастись? Я начала задаваться вопросом – что же именно он для нас приготовил, когда оглянулась назад. Я не могла больше разглядеть никаких фигур, но, увидев синие огни, вспыхивающие на берегу, поняла, что помощь прибыла. Это явилось облегчением – о моем отце позаботятся. Однако я также понимала, что полиция станет допрашивать Шарлотту. Они скоро узнают, что я натворила.

Я откинулась спиной на борт лодки. Неужели всё кончено? Я не могла этого допустить. Мне требовалось собраться с силами.

– Брайан, – снова начала я. – Нам нужно вернуться за Алисой.

– Я же велел тебе заткнуться, – рявкнул муж.

– Я знаю, ты любишь ее, – продолжала я. По-своему, не такой любовью, какой я хотела бы к своему ребенку, но всё же я была уверена, что он не желал ей вреда. – Представь, как ей страшно, наверное.

– Я сказал – затихни! – Брайан обернулся ко мне лицом. Лодка накренилась на борт, и он вжался в сиденье. Я снова увидела страх Брайана – перед ненадежностью суденьшка и его способностью удерживаться на поверхности воды, которой он так боялся. – Не говори больше ни слова! – прошипел он, медленно поворачиваясь обратно к горизонту.

Я не стала говорить. Вместо этого я переползла ближе к середине лодки, устроившись поглубже и внимательно наблюдая за ним, представляя, какую шумиху вызвала наша ситуация. Суету офицеров и парамедиков на пляже, вопросы, связывание всего воедино. На контрасте с этим в море было абсолютно спокойно. К тому времени солнце уже закатилось, и, кроме мигающих синих огней, становилось всё трудней разглядеть что-либо.

Мы продолжали двигаться дальше, в никуда. Я больше не оглядывалась на берег. Я говорила себе, что спасательный катер скоро будет в пути. Вскоре он промчится вниз по слипу и прыгнет в воду, набирая скорость по мере приближения к нам. Успеют ли они вовремя?

Я крепко обхватила себя руками. Теперь, когда солнце зашло, стало намного холоднее. Я уткнулась головой в колени, покусывая палец, чтобы

не стучали зубы.

Что, если они не настигнут нас? Что, если их даже не вызвали? Не было никакого способа узнать наверняка. Моя жизнь висела на волоске в руках Брайана, как, впрочем, и всегда. И по мере того, как вернувшийся страх всё больше проникал в меня, я понимала, что каким-то образом должна вернуть контроль над ситуацией. Я начала обдумывать эту мысль. Какой матерью я буду, если даже не попытаюсь?

Я пошевелила ногами под собой, вытащив палец изо рта, и мои зубы лязгнули сильнее, чем я сама ожидала.

Я не могла довериться Брайану. Я не сомневалась, что он сам себе больше не доверял. И если я позволю ему продолжить тащить нас в темное море – он победит. Я обязана остановить его раз и навсегда. Но действительно ли это означало, что у меня нет иного выбора, кроме той мысли, которая начала укореняться в уголке моего разума?

Я тихонько оттолкнулась от дна лодки и, всё еще не выпрямляясь, поднялась на ноги. У меня есть преимущество, сказала я себе снова. Брайан не умел плавать и не знал, что я – умею. Я мысленно повторяла эти слова, пока они не заглушили ту часть меня, которая говорила, что моя мысль нелепа.

Мое сердце сильно колотилось, пока я балансировала на шарнирах из собственных ног. Как только я выпрямлюсь, то должна сразу броситься вперед и застать его врасплох – однако я боялась, что мои ноги не смогут двигаться достаточно быстро. Даже когда мой разум проработал все последующие шаги, я всё еще не верила, что способна на то, что собираюсь сделать.

Глубоко вдохнув, я вскочила и прыгнула на Брайана, вцепившись руками в его рубашку. Лодка накренилась, и Брайан резко обернулся, схватившись за мои руки, чтобы удержаться.

– Что ты... – начал рваться из него крик, и каждой частичкой силы, оставшейся во мне, я толкнула его к краю лодки.

Я знала – что бы ни произошло, Брайан сдержит свое обещание и никогда не отпустит меня. Если он перевалится через борт – то и я тоже.

Его глаза метались между мной и водой под нами, и казалось, что это длится целую вечность. Мою голову переполняли мысли об Алисе, ждущей меня. А Брайан был преисполнен страха перед падением в ледяную темноту, лежавшую не далее чем на расстоянии вытянутой руки, и с этой картиной в своем воображении я рванулась вперед и вместе с Брайаном свалилась в воду.

Ледяное море обожгло мне кожу в момент, когда я ударилась о воду. С

каждым вдохом, который я делала, боль пронзала мою грудь. Глаза Брайана расширились от страха, пока он летел со мной, а его руки всё еще пытались держаться за меня. Когда Брайан вынырнул, разевая рот для крика – тот заполнился водой прежде, чем показался над поверхностью. Брайан захлебывался и кашлял.

Я видела леденящий ужас, переполняющий его до глубины души, пока он изо всех сил старался повиснуть на мне. Брайан понимал, что сейчас снова уйдет под воду, и был готов утопить меня вместе с собой, но его руки дрожали на моих и я уже чувствовала, как они ослабевают.

Это был горько-сладкий момент – когда мой муж дико молотил конечностями, размахивая ими без всякой пользы, а я работала ногами за двоих так сильно, как только могла, чтобы удержаться на воде.

Всё еще цепляясь за мои руки, Брайан погрузился, потянув меня вниз. Я вынырнула обратно, сделав глубокий вдох, но ему каким-то образом удалось перехватиться и снова притопить нас своим безумным трепыханием, уже глубже.

Мне требовался воздух, и когда я вытолкала нас обоих на поверхность, то подумала – сколько раз еще я могу позволить ему утащить себя под воду?

Луч прожектора прочертил небо над нами, более близкий, чем огни с пляжа. Это, должно быть, появился спасательный катер. И когда паникующие глаза Брайана поймали мой взгляд в поисках помощи, мне пришла в голову мысль: как кто-то, возможно, готовый ранее к нашей общей смерти – может выглядеть так, словно не желает ничего более, кроме жизни.

Сила теперь у меня, сказала я себе снова. У него ее больше не было.

Я ощутила мимолетную жалость к мужу. Всю жизнь он боялся двух вещей: утонуть и потерять меня. И каким-то образом его жизнь проделала полный этот цикл.

Он не заслуживал смерти.

«Да неужели?»

Свет становился всё ближе. Спасатели скоро будут с нами.

Мое сердце бешено забилося, и я посмотрела в его глаза. Холодные. Темные. Однажды я влюбилась в эти глаза, думая, что они сильные и защищающие. Но я видела их слишком много раз за все эти годы с тех пор, как Брайан взял меня под контроль. Превращая меня в свою собственность.

Подобрав ноги так сильно, насколько могла, – я резко выпрямила их и вогнала в него, ощутив стопами его бедра, когда отшвырнула его прочь. Его ладони соскользнули с моих рук; Брайан искал меня взглядом, молотя ими

по воде.

Понял ли он, что я умею плавать? Интересно.

Я подождала несколько секунд, пока Брайан не скрылся под водой, всё это время зная, что могу нырнуть и спасти его, если захочу.

Течение медленно сносило меня в сторону от него. Я досчитала до пяти, но Брайан не появлялся. Испугавшись, я поплыла вперед, туда, где вода колебалась расходящимися кругами.

Спасательный катер был уже рядом; его прожектор метнулся по морю, захватывая меня лучом.

Тогда наконец я легла на спину и погребла прочь от места, где скрылся Брайан. Они подберут меня через минуту. Тогда уже будет трудно сказать, где это произошло.

Гарриет

– Где ваш муж? – По понятным причинам спасатели были обеспокоены тем, что не могли увидеть никаких его следов. Я неопределенным жестом указала на воду. Я восстанавливала дыхание; ледяной холод крепко потрепал меня, и ломота быстро распространялась по всему телу.

– Где-то... – попыталась я произнести, однако мне было трудно выговаривать слова. К тому моменту, как меня вытащили из моря, мое тело начинало входить в шоковое состояние. Я закрыла глаза, пока их голоса сливались надо мной в беспорядочном шепоте. Адреналин уже пробежал по мне, но на какое-то мгновение я захотела просто от всего отключиться.

Голоса принимали решения. Они отвезут меня обратно на пляж – пришли они наконец к соглашению; другой спасательный катер уже в пути.

– Не волнуйтесь, – заверил один из них, приблизившись к моему уху. – Мы его найдем.

Я захотела сказать им, чтобы они не беспокоились. Брайан не умел плавать. Теперь ему давно уже конец. Он чувствовал себя в безопасности, вытаскивая нас обоих в море, поскольку думал, что я тоже не умею. Но мое дыхание было неглубоким и частым, и я решила побереечь его.

Через несколько минут мы добрались до пляжа. Женщина-полицейский помогла мне сойти с катера, обернув меня в спасательное термоодеяло, покрытое фольгой. Женщина-фельдшер подбежала к нам. Мигалки машин всё еще освещали небо, как фейерверки. Наконец мое

дрожащее тело начало согреваться, а голова проясняться.

– Где моя дочь?

– О ней позаботились, – ответила фельдшер, указывая себе за спину на дальний край пляжа, где ожидала ярко освещенная машина «Скорой помощи», и два или три человека рядом с ней. – Вы можете назвать свое имя?

Я напрягала зрение, пока не смогла сфокусировать взгляд на Алисе, сидящей сзади в медицинской машине. Шарлотта находилась рядом, обнимая ее за плечи, а мужчина в зеленой униформе присел перед дочкой. Его рука встряхнула каким-то инструментом возле Алисы, и мне показалось, что я слышу ее смех, – это заставило меня улыбнуться.

– Вы знаете, как вас зовут? – снова спросила фельдшер, на этот раз медленнее и громче, как будто я могла не понять. Ее пальцы сдавили мое запястье в поисках пульса.

– Гарриет Ходдер.

Суматоха уже привлекла внимание небольшой кучки зевак, стоявших на вершине спуска к пляжу. Они показывали пальцами, кивали и делали свои выводы о драме, разворачивающейся на берегу. Должно быть, мы явились отличным дополнением к их скучным вечерам.

– Мне нужно поговорить с Алисой, – произнесла я.

– И вы это сделаете через минуту, но сначала мы должны убедиться, что с вами всё в порядке. – Парамедик засуетилась вокруг меня. – Вы знаете, какой сегодня день, Гарриет?

– Сегодня пятница. Я не видела свою дочь тринадцать дней.

– Я понимаю, Гарриет, – сказала она мне. – И вы вскоре увидите. – Она выпустила мое запястье и осторожно опустила мою руку вдоль бока. Песок подо мной был сырым. – Откройте рот, пожалуйста, – попросила она. Я нехотя подчинилась, позволяя ей заглянуть туда, а затем измерить мою температуру. Но в конце концов я оттолкнула ее в сторону и взмолилась о том, чтобы мне позволили встретиться с дочерью.

Фельдшер посмотрела на полицейскую, стоящую рядом, молча обсуждая с ней это, что показалось мне вечностью.

– Хорошо, – ответила она наконец, хотя и выглядела неуверенной.

Затем обе женщины взяли меня под руки и помогли добраться до «Скорой помощи». Мои ноги тряслись, поскольку на них приходилась большая часть моего веса. Я ослабела от недостатка еды и питья, от холода моря и энергии, потраченной на то, чтобы держаться на плаву.

Алиса вскрикнула, когда увидела, как я подхожу, и соскочила с сиденья.

– Милая моя! – Мой голос сорвался, когда я отстранила руки женщины и, прохромав последние несколько метров до Алисы, обняла ее и всхлипнула, уткнувшись ей в волосы. Облегчение от возможности дотронуться до нее снова поглотило меня. Все другие мысли угасли, и в тот момент я не думала о том, что произошло с моим мужем или что ожидает нас в будущем. Мне достаточно было просто вернуться к дочери.

Когда я наконец подняла глаза, то поймала взгляд Шарлотты. Она по-прежнему сидела в задней части машины «Скорой помощи», наклонившись вперед, тревожно натягивая край кардигана на колени. При виде ее у меня на глаза навернулись слезы. Я открыла рот, чтобы заговорить с ней; мне нужно было поблагодарить ее, но что я могла сказать в окружении людей? Шарлотта кивнула легким движением головы, но выражение ее лица казалось болезненным, когда она смотрела на меня.

Фельдшер заявила, что ей всё еще необходимо меня проверить, но я заверила, что я в порядке, и как только она обошла вокруг машину «Скорой помощи», я повернулась к Шарлотте.

– Спасибо, – сказала я одновременно с тем, как начала говорить она.

– Где Брайан? – спросила она. – Он... Что случилось?

Я посмотрела в море и покачала головой.

– Я... эмм, они всё еще ищут его. Я думаю, они... – Я прервалась и наклонилась к Алисе. – Ты в порядке, дорогая? – Я не могла представить, сколько всего она пережила.

Шарлотта встала и показала на сиденье:

– Давай-ка ее уложим, – предложила она. – Я думаю, она бы уснула, если бы не ждала тебя. – Шарлотта стянула с сиденья грубое шерстяное одеяло и, когда я подняла Алису и уложила – накрыла ее им. Присев на полу рядом с Алисой, я погладила ее по волосам.

– Они захотят поговорить с тобой, – шепнула Шарлотта.

Я кивнула, по-прежнему глядя на свою малышку. Ее веки уже трепетали. Это не займет много времени – пока она задремлет; Алиса, несомненно, была сильно измотана.

– Гарриет, – позвала Шарлотта, на этот раз более нетерпеливо. – Полиция захочет поговорить с тобой в любой момент.

– Я знаю, – ответила я, вставая так, чтобы оказаться с ней лицом к лицу. – Что ты им рассказала? Как они думают – отчего ты здесь?

– Они еще не говорили со мной, но они будут, и я не знаю, что...

– Просто скажи, что я просила тебя приехать, потому что мне было страшно. Скажи, что ты не знаешь ничего больше, – выпалила я, быстро обдумав. – Таким образом, тебя к этому никак не привязать. А где мой

отец? – спросила я. – Он в порядке? Он в сознании?

Шарлотта начала чесать свое запястье, пока на нем не появились ярко-красные полосы. Я схватила ее за руку и остановила это. – Он в порядке? – повторила я.

– Он был без сознания, когда парамедики приехали, – ответила она. – Мне очень жаль, Гарриет, я знаю, это не то, что тебе необходимо услышать... Он не смог. Мне так жаль, но...

– Нет. – Я одержимо покачала головой. – Нет, это не может быть правдой.

– Прогноз был неблагоприятным, но он не знал, что происходит, и не испытывал никакой боли, и парамедики сделали всё, что могли...

– Нет! – вскрикнула я, зажимая уши руками, чтобы не слышать ее слова. Если я их не услышу, то это может оказаться неправдой. Так же я не хотела верить, когда увидела пустую больничную койку моей мамы.

Мой отец не мог умереть! Не тогда, когда мне нужно было так много ему сказать...

– Гарриет. – Шарлотта держала меня за руки, отрывая их от моих ушей. – Тебе нужно быть осторожнее! – торопливо прошептала она. – Слишком много людей поблизости...

– Но я не попросила у него прощения, – всхлипнула я. – Он никогда не узнает...

Отец никогда не узнает, что если бы я могла повернуть время вспять, то на одно мгновение вернулась бы в тот день, когда он вновь вошел в мою жизнь. И на этот раз я никогда не позволила бы ему задать вопрос: «Что я могу для тебя сделать?» И я никогда не поставила бы его в такое положение, что он не смог бы ответить «нет».

Горе проникало в меня всё глубже, расширяясь с каждым вдохом. Нет. Только не отец. Не тот человек, который рискнул своей жизнью ради меня и Алисы. Это моя вина, и теперь слишком поздно, и я ничего не могла сделать, чтобы это исправить.

– Он забрал ее, только чтобы защитить нас!

– Гарриет! – одернула меня Шарлотта. – Прекрати. Ты не можешь так говорить. Кто-нибудь услышит. За тобой начнут наблюдать.

Я понимала, о чем она. Полиция будет следить за каждой моей реакцией. Я не должна горевать из-за человека, который похитил моего ребенка. Но я ничего не могла с собой поделаться. Желчь подступила ко рту так быстро, так сильно, что, прежде чем я смогла удержаться, меня вырвало за задней дверью «Скорой помощи».

Руки Шарлотты обнимали меня, гладили по волосам, усаживая на

сиденье рядом с Алисой, которая, к счастью, уже заснула. Как же сильно я желала прилечь рядом с ней, чтобы сон забрал и меня. Чтобы всё это оказалось не более чем дурным кошмаром...

– Ты не можешь сейчас сломаться. Помни – это он похитил твою дочь, – произнесла Шарлотта так тихо, что это могла слышать только я.

– Но это я во всем виновата, – проскулила я. Она знала это, конечно, но все равно продолжала гладить мои волосы и говорить, что я должна взять себя в руки.

Однако боль мучила меня изнутри, разрывала на куски и снова сжимала их вместе в случайном порядке, пока я не почувствовала, что она стала частью меня. Обжигающий жар распространялся по мне, словно огонь, не оставляя места ни для чего другого.

Я не могла позволить им думать, что в этом виноват мой отец. Не теперь, когда он был мертв. Я подняла голову, окинув взглядом окружающую обстановку. Хаос, паника, боль. Все эти люди здесь только из-за меня.

– Как я смогу жить сама с собой, если не скажу правду? – пробормотала я.

– Гарриет, взгляни-ка сюда, – отчеканила Шарлотта, поворачивая мою голову налево. Алиса свернулась калачиком. Она дышала глубоко и спокойно. Забывшись сном – как ей и полагалось. – Как ты сможешь жить, если скажешь?

Я не могла понять, почему после всего, что я с ней сделала, Шарлотта пыталась защитить меня, но у меня не было возможности спросить – зачем ей это. И действительно ли она готова солгать ради меня. В этот момент позади «Скорой помощи» появилась женщина-полицейский, представившись как детектив Роулингс. Пробормотав общие соболезнования ни о чем конкретном, она перешла к делу – готовы ли мы с Шарлоттой проехать с ней в участок, где она и ее коллега хотели бы задать некоторые вопросы. С Алисой останется другой офицер, заверила она меня, когда вела к машине, ожидающей наверху спуска. У меня не было возможности попросить прощения у Шарлотты, прежде чем ее уведут для допроса. И не было возможности узнать – как далеко она готова зайти.

Сейчас

С того самого момента, как мой отец согласился на мою просьбу, я знала – существует большая вероятность того, что однажды я окажусь на допросе в полиции и мне придется лгать. Я пыталась себя убедить, что он

сможет спокойно скрыться с Алисой, и надеялась на лучшее, стараясь не думать о дурном, но понимала, конечно же, понимала – как легко это может произойти.

Иногда я представляла себя в полицейской комнате для допросов – которые видела раньше только в телевизионных сериалах – и упорно придерживалась своей версии, убеждая следователей, что не имею никакого отношения к исчезновению дочери.

Но я никогда не предполагала, что мне придется лгать также и об убийстве своего мужа, и не продумывала это заранее.

Было ли это убийством? Я оставила его погибать, но на самом деле не убивала. Есть ли в этом разница? Мои пальцы нервно постукивают по столу, пока я ожидаю, когда детектив Лоури вернется в комнату. Мне интересно, зачем вызвали детектива, и я подозреваю, что есть новости о Брайане.

Может быть, он даже и не мертв, думаю я. Мои пальцы замирают, когда дверь распахивается. Я прячу руки на колени, чтобы Лоури не увидел, как они дрожат. Лоури не смотрит на меня, пока усаживается обратно на свой стул и включает магнитофон. Привычные, хорошо отрететированные фразы на запись скатываются с его языка, когда он объявляет, что беседа возобновилась.

Я уже рассказала детективу, как муж издевался надо мной годами и что он затащил меня в лодку сегодня против моей воли, оставив Алису одну на пляже. Я сказала ему, что Шарлотта подтвердит это, так как она нашла мою дочь на камнях.

– Я не понимаю, Гарриет, – говорит он, – почему вам ни разу не пришло в голову упомянуть о своем якобы умершем отце, когда Алиса пропала?

Я смотрю на Лоури, замолчав на пару секунд, поскольку думала, что он продолжит расспрашивать меня о Брайане. Если ему и неловко так говорить о моем отце теперь, когда тот на самом деле мертв, – он этого не показывает. Но для меня его слова врываются в комнату громко и резко, как выстрел, эхом отдаваясь в моей голове.

Я рассказываю ему правду о лжи своей матери, о том, что мой муж считал его мертвым, и добавляю, что никогда не решилась бы противоречить Брайану, пока тот разговаривал с женщиной-полицейским после праздника. И когда детектив интересуется – видела ли я своего отца с тех пор, как он ушел, за последние тридцать четыре года, – я признаю, что он появился возле моей двери шесть месяцев назад.

Лоури приподнимает бровь и усаживается глубже на своем стуле,

словно оставляя между нами побольше места для моего признания. Это не тот ответ, которого он ожидал.

– Теперь я по-настоящему не понимаю, почему вы не сказали о нем, – говорит он. Детектив либо возбужден, либо нервничает из-за неожиданного оборота, который принял его допрос – он, конечно же, не думал, что я так охотно признаюсь в новой встрече с отцом, – но у меня нет выбора. Алиса скажет им, что она его знает.

– Гарриет, – продолжает Лоури, придвигаясь ближе к микрофону. – Вы знали, что ваш отец забрал вашу дочь с праздника тринадцать дней назад?

Я закрываю глаза, низко склоняю голову и вздыхаю. Глубоко, медленно и тяжело.

И обдуманно.

– Гарриет?..

Отец заставил меня пообещать, что я буду отрицать свою причастность. Предавать его теперь гораздо более непростительно.

– Нет. Я ничего об этом не знала, – отвечаю я, и слова Шарлотты снова звенят в моей голове: как я смогу жить дальше, если не стану лгать?

Детектив Лоури скрещивает руки на груди и откидывается на спинку стула, продолжая сверлить меня взглядом.

За двадцать минут поездки от пляжа до полицейского участка я выстроила хрупкую историю, сложенную из кусочков правды, создав еще одну версию реальности, в которую мне самой теперь требовалось поверить. Возможно, придумывать истории я научилась еще в детстве, но именно благодаря Брайану приобрела способность легко поверить во что угодно.

Я шумно делаю еще глоток воды и напоминаю детективу, каким был мой муж и как я боялась его реакции.

– О, да. Ваш муж, – говорит Лоури с сарказмом. – И никто больше не знал о его жестокости.

Я не обращаю внимания на его тон.

– Мой отец был первым человеком, которому я доверилась.

Детектив смотрит на мое запястье. Я снова его потираю; широкое кольцо покрасневшей кожи опоясывает мою руку.

– Это было не физическое насилие. – Я прекращаю растирать и пробую вращать запястьем. – Хотя Брайан и схватил меня сегодня вечером. Но нет, то, что он делал на протяжении всего нашего брака, было намного хуже, – добавляю я.

– Так как же отреагировал ваш отец, когда вы рассказали ему?

Я говорю Лоури, что отец пытался убедить меня уйти от Брайана, но

Брайан сделал это невозможным. А потом я рассказываю детективу историю, которую придумал мой отец, когда сообщил, что больше не может со мной встречаться. Тогда он сказал, что переехал во Францию и сожалеет, однако не может ничем помочь. И я уверяю детектива Лоури, что не видела его с тех пор до сегодняшнего вечера.

Лоури всё еще недоверчив, я же никак не упоминала об этом полиции две недели назад. Ведь, несомненно, я должна была заподозрить, что мой отец мог забрать Алису с праздника.

– Если бы я могла повернуть время вспять, я бы что-то сказала, – говорю я. – Конечно, теперь я хотела бы так сделать. Я не виделась с дочерью две недели. – Слезы катятся по моему лицу при мысли об Алисе и о том, как отчаянно я желаю снова быть с ней. Я промокаю их рукавом своей футболки, склонив голову к плечу. Я бы всё изменила, если бы знала, что могу спасти этим отца.

– Вы уверены, что нет никаких новостей? – спрашиваю я его снова. – Брайана не нашли?

Детектив Роулингс складывает руки одну поверх другой на столе перед собой. Ее покатые плечи напрягаются, а по всей ширине лба появляется заметная складка. Детектив не может скрыть свое недовольство, как бы ни пыталась.

– Извините, но я просто не куплюсь на то, что вы ничего не знали о Брайане.

– Господи Иисусе! – Шарлотта резко откидывается назад на своем стуле и отводит взгляд.

– В чем дело, Шарлотта? – У Роулингс пробуждается интерес.

– Я просто не могу поверить, что мы снова и снова возвращаемся к одному и тому же. Я не знала! – цедит Шарлотта сквозь зубы. – Гарриет никогда не рассказывала мне об издевательствах своего мужа. Я не знала Гарриет настолько хорошо, как думала, теперь я это понимаю! – рывкает она. – Я не знаю, зачем вы пытаетесь заставить меня почувствовать себя еще хуже, чем и так есть!

Где-то по ходу дела ее усталость перешла в истощение. Но ее сердце колотится, адреналин мчится по венам, и чем больше Роулингс уличает ее, тем больше Шарлотте хочется крикнуть: «Просто уложите это в своей башке!»

– Я не пытаюсь заставить вас почувствовать себя плохо, – говорит детектив; ее лицо по-прежнему лишено эмоций. – Я просто хочу услышать правду.

– Я уже рассказывала вам правду! – кричит Шарлотта, ощущая, как кровь приливает к ее щекам. – И возможно, мне следовало приглядеться повнимательнее, но факт в том... – она запинаясь, – факт в том, что если вы сами не хотите, чтобы кто-нибудь о чем-то узнал, то никто и не узнает.

Роулингс откидывается назад, нахмутив брови. Похоже, ее удивляет такой взрыв Шарлотты.

Стул Шарлотты скрипит на жестком полу, когда она поднимается. Она расстегивает свой кардиган и задирает футболку одной рукой, приспуская пояс джинсов другой.

– Это, – она указывает на сморщенный красный шрам сбоку живота, – это то, о чем я не хочу, чтобы кто-то знал.

Она отпускает футболку, позволяя ей опасть на место, и утирает рукой слезы, размазывая их по всему лицу. Том был единственным человеком, который знал правду: однажды вечером темперамент довел ее отца до того, что он схватил горячий утюг с гладильной доски, вырвав его из розетки, и гонялся за Шарлоттой, в гневе размахивая им вокруг. Возможно, это был несчастный случай, но она всё равно не хотела, чтобы кто-то об этом узнал.

– И они никогда не хотели! – кричит Шарлотта, шлепаясь обратно на стул. – Они никогда не подавали виду. Так что не смейте выворачивать всё так, будто это моя вина!

– Гарриет, я знаю, что этот вечер выдался тяжелым для вас, но я скажу вам, если будут какие-то новости. – Детектив Лоури резко вскидывает взгляд, когда нас прерывает очередной стук в дверь. Офицер просовывает внутрь голову и снова вызывает его из комнаты. – Черт побери, – бормочет Лоури. – Я на пару минут! – бросает он мне.

Когда он возвращается, то занимает свое место и откашливается, придвигаясь чуть ближе к столу, чтобы опереться на него локтями.

– Давайте продолжим! – говорит он решительно.

– Что случилось? – спрашиваю я.

Они нашли Брайана. Я знаю, что это так. Он по-прежнему жив и сейчас рассказывает им, что я с ним сделала.

– Миссис Ходдер, вопросы здесь задаю я, – произносит детектив, неуклюже смещаясь на стуле и сцепляя пальцы вместе. – Что заставило вас приехать в Корнуолл?

Очередной глубокий вдох. Очередной комок в горле, который нужно проглотить.

– Я получила записку, – лгу я. – Это появилось в почтовом ящике три дня назад. – Я наклоняюсь вперед и вытаскиваю из заднего кармана

карточку Элдерберри-коттеджа, на которой писала днем, в последний раз взглянув на нее, прежде чем толкнуть через стол.

Лоури рассматривает ее и читает вслух:

– «Прости, Гарриет, но я делаю это ради тебя. Вы обе в опасности, если останетесь». – Он переворачивает записку и зачитывает адрес. – Так вы получили это и решили поехать в Корнуолл отыскать Элдерберри-коттедж?

Я киваю.

– Даже не подумав никому об этом сказать? – Лоури взмахивает карточкой в воздухе. – Даже прикрепленному к вам офицеру, которая в то время практически жила в вашем доме?

– Мне просто нужно было добраться до своей дочери, – говорю я тихо. – Я не боялась своего отца, я верила, что Алиса в безопасности, и я беспокоилась, что если расскажу кому-то еще, то что-то может пойти не так.

Хотя я прекрасно понимаю, насколько не так всё идет прямо сейчас.

– Как долго я еще здесь пробуду? – Я выпиваю остатки воды и позволяю детективу вновь наполнить мой стакан.

Лоури смотрит на массивные часы на своем запястье, но не отвечает.

– Вы нашли Брайана? – спрашиваю я.

Детектив Лоури колеблется.

– Нет, миссис Ходдер, – отвечает он после паузы. – Мы не нашли вашего мужа.

– Ох... – Я погружаюсь в эту новость, пытаюсь понять, какие чувства она у меня вызывает. Я была убеждена, что они его отыскали.

Мертв ли он? Должен быть, по идее.

Лоури задает больше вопросов о Брайане и о том, что он мне сделал, – всё в том же тоне, который наводит на мысль, что детектив не верит моей истории, как вдруг меня осеняет.

– Мой дневник! – говорю я, встрепенувшись. – Он в моей сумочке. Я оставила ее...

Где мой дневник?! Я взяла свою сумку на пляж, потому что Брайан сунул ее мне, когда мы были в коттедже.

– Я ее где-то уронила. – Я трясую головой. Я не могу вспомнить. Должно быть, я выронила ее, когда увидела отца. Возможно, она всё еще на камнях. А возможно, ее поглотило море...

– Вероятно, вы хотите взять перерыв, Шарлотта? – Роулингс принимает проницательный вид; она не знает, куда копать дальше.

Шарлотта уже сожалеет о своей эмоциональной вспышке. Она кивает и, выйдя из комнаты, поворачивает налево к туалетам. Детектив удаляется в противоположном направлении.

Когда Шарлотта выходит из туалета пять минут спустя, она замечает инспектора Хейза возле входной двери, стоящего вместе с детективом Роулингс и незнакомым мужчиной. Она ныряет в дверной проем, скрываясь из виду, и оттуда может лишь слышать голоса, звучащие в коридоре.

– Как дела? – спрашивает Хейз. – Есть прогресс?

– Я не знаю ничего насчет прогресса, – слышит Шарлотта голос детектива Роулингс. – Но я не думаю, что мы сможем добиться большего от Шарлотты Рейнолдс.

– А Гарриет Ходдер убеждена, что ее муж вернется, – звучно говорит другой голос. Шарлотта выглядывает из-за косяка, подавшись вперед, и получше рассматривает коротышку в очках с проволочной оправой. Ей интересно, тот ли это детектив, который допрашивает Гарриет. – И ее от этого трясет.

– Ее трясет? – Ангела внезапно присоединяется к ним в дверях, и Шарлотта отступает прежде, чем кто-либо ее заметит. – Скажите, что это, по вашему предположению, означает, детектив Лоури?

– Ну, я думаю, что он рассказал бы нам совсем другую историю. Которую она не хочет, чтобы мы слышали.

– Боже мой! – вскрикивает Ангела. – Вы что, надо мной издеваетесь? Гарриет Ходдер напугана! Он мучил эту женщину годами. Конечно же, ее трясет!

– Если только это правда, – замечает Лоури. – У нас есть лишь ее слова об этом, и я не уверен, что меня убедила ее версия произошедшего на лодке.

– Ну, у меня есть для вас интересное чтение! – фыркает Ангела. – Она писала этот дневник весь последний год! – Ангела замолкает, и на мгновение Шарлотта слышит шум крови у себя в ушах.

– Однако вы не заметили этого? – спрашивает Лоури. – Вы находились в том доме, почти жили с ними – и не увидели эту темную сторону Брайана Ходдера?

Снова молчание. Шарлотта представляет, о чем сейчас думает Ангела. Никто из нас не замечал, хочет она сказать ей. Никто этого не видел.

– Нет, – говорит Ангела в конце концов. – Вы правы. Тогда я не видела, что он делает, но загляните в этот блокнот. То, что он делал, – неуловимо. Брайан Ходдер был хитрым, манипулятивным человеком.

– Ну, что бы ни случилось на этой лодке, мы, вероятно, никогда не

узнаем правды, – отмечает Лоури.

– Ангела?.. – произносит инспектор Хейз. Шарлотта снова наклоняется вперед, бросая еще один взгляд на четырех детективов. Ангела смотрит в другую сторону. – У вас есть что-нибудь еще? – спрашивает он.

– Нет, – твердо отвечает она и оглядывается на остальных. – Ничего больше.

Однако, несмотря на это, Шарлотта уверена – у Ангелы остается что-то на уме.

– Мне потребуется адвокат? – спрашиваю я, когда Лоури возвращается. Он отсутствовал в течение десяти минут, и это ощущалось как целая жизнь в ожидании и размышлениях – что он решит делать дальше и собирается ли выдвинуть мне обвинение. Моя грудь горит от духоты, и я скребу тонкий хлопок своей футболки, пока не чувствую, что царапаю кожу. – Я арестована?

– Нет, – говорит Лоури, хотя я и не уверена, что он доволен таким результатом.

– Тогда я могу идти?

Он медленно кивает и настороженно смотрит на меня, пока отвечает:

– Да. Однако нам необходимо будет поговорить с вами снова. И еще нам нужно побеседовать с вашей дочерью утром.

Я не могу поверить в то, что слышу. Я могу идти? Означает ли это, что они верят мне, или по крайней мере не имеют доказательств? Это значит, что Шарлотта солгала ради меня?

– Тут к вам кое-кто пришел, – произносит Лоури тоном ниже, и я поднимаю взгляд, чтобы увидеть в дверях Ангелу. Я отталкиваю стул назад и падаю в ее объятия. Она бережно поддерживает меня, выводя из комнаты.

– Я действительно свободна? – спрашиваю я ее, и мои слова звучат не громче, чем шепот.

– Да, это так! – Ангела улыбается, пока ведет меня по коридору к выходу из участка. – Я отвезу вас на ночь в безопасное место. Алиса уже там, – добавляет она, открывая главную дверь. – Она крепко спала, когда я ее оставила.

Снаружи мне в лицо бьет ночной воздух. Когда мы оказываемся в одиночестве на парковке, Ангела поворачивается ко мне и говорит:

– Вашу сумку нашли на пляже. Я прочитала ваш дневник, Гарриет. Почему вы не рассказали мне, что делал Брайан?

Я устремляю взгляд прямо перед собой. В мои планы входило, чтобы

Ангела сама узнала, каков был мой муж на самом деле; мне требовалось, чтобы все увидели, что творил Брайан.

– Я хотела, – отвечаю я. – Но сомневалась, что вы поверили бы мне. Вы должны были собственными глазами увидеть, как он это делает.

Я чувствую напряжение Ангелы и не могу понять – это оттого, что она тоже купилась на ложь Брайана, или она всё еще не уверена, говорю ли я правду.

– Брайан очень хитер, – продолжаю я. – Я надеялась, что пройдет еще немного времени – и вы увидите, что он делает. Не сомневаюсь, вы бы поняли – просто всё пошло кувырком раньше, чем это случилось.

– Вы подключали к розетке телефон? – спрашивает Ангела. – В тот день, когда он упал в ванну? Вы непреклонно утверждали, что не делали этого, но Брайан был таким... – Она машет рукой в воздухе, подыскивая слово.

– Убедительным? – заканчиваю я за нее. – Нет, я не подключала. Это сделал он.

Ангела ведет меня к такси, ожидающему в дальней части парковки.

– Он убил моего отца, – говорю я. – Он напал на него совершенно неспровоцированно. – Я по-прежнему чувствую оцепенение после всего произошедшего. Горе пустило корни внутри меня, вросло в меня и стало моей частью, и я прихожу в ужас, что каким-то образом должна просто принять это.

– Соболезную, Гарриет, – отзывается Ангела. – Мне очень жаль вашего папу. – Она подхватывает меня под руку.

– Я знаю, что все подумают про него, но он сделал это из любви ко мне и Алисе. – Эти слова разбивают мое сердце, когда я их произношу. У меня появляется чувство, что мне придется много раз произносить их и в будущем, однако я подозреваю, что они будут наткаться на глухие уши.

– Вы ведь знаете, что вас снова станут допрашивать? – говорит Ангела. – Детектив Лоури захочет узнать больше о том, что произошло на лодке.

Я киваю:

– Он упоминал об этом.

– Просто... просто постарайтесь, чтобы ваша история была внятной.

Я гляжу на нее вопросительно.

– Я не понимаю.

– Он захочет проанализировать, что же произошло в море между вами и Брайаном. – Ангела останавливается, когда мы подходим к такси, положив руку на дверь, но не открывая ее. – Я знаю, вы сказали, что не

умеете плавать, только я кое-что видела.

– Вы о чем?

– Я видела как-то раз ваш мокрый купальник на дне корзины для белья, – качает она головой. – Не надо ответа, – добавляет она. – Мне больше ничего не нужно знать. – Ангела переводит взгляд на мой живот и мою руку, потирающую его круговыми движениями. – Я упустила это из виду, не так ли? Вы беременны.

У меня перехватывает дыхание, и я смотрю себе под ноги.

– Сколько недель? – спрашивает она мягко.

– Семь, – бормочу я. – Тогда была единственная ночь. – Я чувствую необходимость объяснить ей этот срок. Причину, по которой я спала с мужем, хотя интимная близость давно стала у нас такой благословенной редкостью. Я не хотела расстраивать Брайана незадолго до праздника и боялась, что мой отказ вызовет сомнения – всё ли нормально. – Как вы догадались? – спрашиваю я. – Пока не видно никаких признаков. – До сих пор эта беременность настолько отличалась от беременности Алисой, что я часто забывала о ней или задумывалась – правда ли это.

– Это немного выстрел вслепую, но кое-что было в вашей последней записи в дневнике. Вы написали: «Несомненно, я поступаю правильно ради всех нас». Это маленькая деталь, но она отложилась у меня в голове, потому что обычно вы говорите «нас обеих». И вы беспрестанно потираете свой живот сегодня, – добавляет Ангела. – Я ожидала это увидеть.

Я узнала о ребенке за неделю до праздника. И, как бы я ни старалась задвинуть тот факт, что вынашиваю его ребенка, на задворки своего сознания – одновременно я понимала, что должна исполнить свой план сейчас. Как только Брайан узнает, что я беременна, – у меня не будет шансов сбежать от него. Особенно, если это сын, о котором он всегда мечтал и надеялся, что тот станет таким же, как он. Я делаю глубокий вдох, стараясь отогнать эту мысль, пока Ангела открывает для меня дверь машины. Я начинаю садиться, когда замечаю фигуру, ожидающую возле дальней стены.

– Можете вы подождать буквально минутку? – спрашиваю я. – Мне нужно кое с кем поговорить.

* * *

Бледное лицо Шарлотты выделяется на фоне темного неба,

освещенное резким белым светом, заливающим фасад участка. Кожа под ее глазами покраснела, и макияж размазался. Шарлотта быстро моргает, пока смотрит то на меня, то вдаль, и никто из нас не знает, что сказать, но я понимаю, что должна найти какие-то слова.

– Я не знаю, как начать. Как извиниться перед тобой. Я никогда не должна была делать то, что сделала.

– Нет, – говорит она прямо. – Тебе не стоит извиняться.

Ангела наблюдает за нами, и я поворачиваюсь так, чтобы она не могла видеть моего лица.

– Спасибо тебе. Я не заслуживала твоего приезда в Корнуолл. Я не должна была просить... – Я останавливаюсь, поскольку даже для меня мои слова звучат, как пустые.

– Ты должна была понимать, что я сделаю для тебя всё, что угодно. Ты могла бы рассказать мне, что происходит. Я была твоей подругой, Гарриет. Это то, что делают друзья, – произносит она усталым голосом.

Я даже не знаю, что сказать. Она права.

– Все последние две недели меня обвиняли в том, что я потеряла Алису, – продолжает Шарлотта. – И я тоже винила себя в этом. И сегодня мне опять пришлось выслушать, как они обвиняют меня. – Она показывает на полицейский участок. – Несколько часов меня спрашивали, почему я не знала, что у моей лучшей подруги неприятности, почему я не действовала сразу, как только ты позвонила мне сегодня утром, и я не могла рассказать им, понимаешь? – Она качает головой и отводит взгляд, в ее глазах блестит влага. – Сегодня вечером я по-прежнему чувствовала себя виноватой, можешь в это поверить? Я ощущала чувство вины за то, что не оказалась достаточно хорошей подругой для тебя.

– Нет. Даже не говори такое. Ты была лучшей...

– Не надо, – Шарлотта останавливает меня. – Я не могу это слышать. Я просто хочу вернуться к своей семье.

– Прости меня. – Я протягиваю к ней руку, но она отдергивает свою прежде, чем я могу до нее дотронуться.

– Я не могу простить того, что ты сделала, Гарриет, – отвечает Шарлотта.

– Я понимаю, – говорю я. И я действительно понимаю. Это правда, но я не могу отделаться от мысли, что это именно то, чего хотел бы Брайан.

Год спустя

Одри подливает большую порцию красного вина в бокал Шарлотты и поднимает собственный, еще не тронутый. Шарлотта ждет, но она знает,

что Од не собирается говорить первой.

– Я не знаю, что произошло. – Шарлотта потирает стеклянную ножку бокала двумя пальцами.

– Это не в первый раз, – говорит Одри. – Ты выдумала предлог, чтобы уйти от Гейл две недели назад, и, очевидно, не захотела состоять в «Книжном клубе». Но сегодня вечером ты уехала, даже не зайдя в дверь. – Одри вздыхает, протягивая руку через стол и накрывая ладони Шарлотты своей. – Расскажи мне.

Шарлотта делает большой глоток вина и ставит бокал обратно на кофейный столик, стукнув им чересчур сильно.

«Видишь ли, Одри, какая штука. Мне кажется, что я на грани нервного срыва».

– Надо мной словно висит черная туча, – произносит она наконец. – Я не могу избавиться от этого.

– Прошел уже целый год, – Одри немного смягчает тон.

– Я знаю и понимаю, что должна двигаться дальше, но не могу.

Одри смотрит на нее вопросительно. Шарлотта не может ожидать от нее понимания, когда та не знает всей правды.

– Ты всё еще чувствуешь ответственность, – предполагает Од.

– Нет.

«Не за то, что произошло с Алисой, во всяком случае».

– Тогда я ничего не понимаю. Тебе больше не нравится выходить в общество. Я смотрю на тебя на игровой площадке и вижу, что твои мысли где-то совсем в другом месте. Шарлотта, взгляни на себя. Ты выглядишь так, словно находишься в постоянной панике. И к тому же ты похудела, – говорит она. – Слишком сильно.

Шарлотта поднимает свой бокал, раскручивая красную жидкость в нем до тех пор, пока та едва не проливается. Это правда, многое из ее одежды теперь висит на ней мешком.

– Расскажи мне, – снова просит Одри.

– Знаешь, что произошло, когда все узнали, что Алису забрал ее дедушка? – говорит Шарлотта. – В течение двадцати четырех часов все те люди, которые, по моим ощущениям, избегали меня, появились на моем пороге и каждый из них сказал – как замечательно, что Алиса нашлась, и как я, должно быть, рада.

– Но ты и была рада.

– Конечно, я была рада, что она в безопасности, вот только всего несколькими днями ранее они все шарахались от меня, держа своих детей подальше от моих. Однако затем до них дошло, что проблема разрешилась,

и значит – они могут отмести прочь всё произошедшее и притвориться, будто этого никогда не случилось. У меня было такое чувство, словно они меня прощают.

– Ты меня теряешь, – качает головой Одри. – Ты на какой-то совсем своей волне.

– Их прощение означало, что они изначально думали, будто я виновна. И из-за этого они были готовы сделать изгоями и моих детей тоже.

Одри смотрит на свой бокал, но ничего не отвечает на это. Они обе знают, что в словах Шарлотты есть правда.

– Никто из них не извинился, потому что они не хотели признавать, что поступили со мной гадко. И я не возражала им и ничего не доказывала. Я просто пустила всё на самотек. – Шарлотта пожимает плечами. – Однако слона в комнате не спрячешь. На днях Гейл начала рассказывать об этом телевизионном сериале, «Исчезнувшая», и я искренне заинтересовалась, но затем она вдруг остановилась и взглянула на меня, и мне показалось, что воздух замерз. Кто-то сменил тему, и все заговорили о парикмахерах или о какой-то другой чепухе, и я подумала – теперь так будет всегда, что ли?

– Если это тебя гложет – тебе надо сказать им, как ты себя при этом чувствуешь, – предлагает Од. – Ты не можешь ожидать, что они поймут, если ты не скажешь.

– Ох, я не знаю, – вздыхает Шарлотта. Что это ей даст, собственно? Она не могла рассказать им всё. Она никому не могла рассказать.

– Это то, о чем ты хотела поговорить на самом деле? – спрашивает Одри. – Больше ничего не держишь на уме?

Шарлотта прислоняется головой к спинке дивана. Она часто бывала близка к тому, чтобы поведать Одри всю правду, но всегда останавливала себя. Ей интересно, как бы отреагировала Од, если бы узнала, что Гарриет ее подставила и что Шарлотта лжесвидетельствовала, чтобы спасти свою подругу.

Может, разговор с Одри как-то поможет разогнать ту черную тучу, поскольку в последнее время она подбирается так близко, что Шарлотта ожидает – однажды она проснется и обнаружит, что туча задушила ее совсем. Нелегко притворяться, что жизнь вернулась в нормальное русло.

Однако для Одри не существует серых оттенков. Она, несомненно, скажет ей пойти в полицию и рассказать им правду. Гарриет арестуют и предадут суду, Алису отберут у нее, и что тогда скажут те же самые люди? Какой подругой тогда окажется Шарлотта?

Нет. Она приняла свое решение год назад, и ей нужно научиться жить с этим.

– Я подумываю съездить увидеться с Гарриет, – говорит Шарлотта.
– Хорошая мысль. Я никогда не понимала, почему ты перестала с ней общаться, особенно – когда она так сильно хотела тебя видеть.
– Ну, она переехала...
– Ох, не втирай мне это снова, – фыркает Од. – Ты отстранилась от нее до того, как она вернулась в Кент. Ты даже не видела ее нового ребенка. Ты за этим сейчас собралась ехать?
– И за этим в том числе, – отвечает Шарлотта. Она не добавляет, что основная цель – снять камень с души. Спросить Гарриет кое о чем, беспокоящем ее с того вечера на пляже. – Если я отправлюсь на следующей неделе, ты сможешь взять детей? – спрашивает она.

* * *

Волна жара врывается в кухню Гарриет, когда она открывает дверцу духовки. Гарриет наклоняется и тыкает шарлотку ножом. Та выглядит готовой, однако Гарриет колеблется, засунув голову практически внутрь духовки, пока решает – вытаскивать или дать ей еще постоять пять минут. В конце концов она закрывает дверцу и смотрит на часы, потягивая спину и потирая живот. Ей кажется, что ее внутренности завязываются в узел. Чувство, которое приходит и уходит, но сегодня оно сильнее, что неудивительно – ведь Шарлотта должна приехать через час.

Гарриет поднимает детский монитор и прижимает к уху. Она слышит негромкое агуканье – согревающий сердце звук. Когда она ставит монитор на подоконник, то внимательным взглядом окидывает сад, где Алиса бродит вдоль маленькой клумбы с лейкой. Агент по сдаче недвижимости сказал ей, что сад имеет хороший размер для подобных квартир на первом этаже в этом районе, а особенно удобно – что рядом школа. После остальных пятнадцати предложенных вариантов Гарриет поняла, что нашла золото, и потребовала, чтобы агент показал ее первой. Как только она увидела квартиру, то сказала, что берет ее.

Вернуться в Кент оказалось легким решением. Они не могли оставаться там, где были, – в доме, переполненном воспоминаниями, где Брайан по-прежнему мерещился в каждом углу. Каждое утро, когда Гарриет просыпалась, первым делом ей представлялся муж, лежащий в кровати рядом. И только ее последнее воспоминание о нем там, в море, – могло смыть эти мысли, и в равной степени это не было приятным способом

начать день.

В Дорсете для Гарриет ничего не осталось. Никаких мест, куда она могла пойти с Алисой и где ничто не напоминало бы о ее утрате. Однажды она остановилась посреди кафе Национального трастового дома и почувствовала, что мир вокруг испаряется. Вспыхнувшее воспоминание о разговоре с отцом в том же самом помещении ослепило ее. Когда Алиса потянула ее за рукав, Гарриет обернулась и осознала, что плачет. Какая-то пара уставилась на нее из-за углового столика.

В тот момент она поняла, что им необходим новый старт – шанс создать новые воспоминания вместо того, чтобы каждый день беречь незажившие раны. Квартира в высоком викторианском доме за углом от новой школы Алисы стала идеальной базой для этого.

Гарриет глубоко вздыхает, и в этот момент в воздухе появляется запах гари.

– О, нет, – бормочет она, открывая дверцу духовки. Шарлотка покрылась по краю темно-коричневой коркой, которая будет хрустящей и жесткой – Гарриет знает это и без тыканья. Она отставляет противень в сторону и борется со слезами.

– Мамочка, а это что за вонь? – Алиса заходит на кухню, сморщив нос, и роняет на пол пустую лейку.

– Я сожгла шарлотку.

Алиса подходит поближе и всматривается в пирог.

– Она всё равно вкусная, мамочка!

Гарриет улыбается и гладит дочь по волосам.

– Что ты делаешь в саду?

– Поливаю дедушкину розу, – отвечает она, как нечто само собой разумеющееся.

– Умница. – Гарриет делает паузу. – А папину тоже полила?

Алиса кивает, и Гарриет меняет тему, спрашивая, не хочет ли та пить. Она понятия не имеет, правильно ли поступает, когда дело доходит до разговора с Алисой о Брайане. Психологи-консультанты советуют ей не делать вид, будто его не было, – пускай Алиса знает, что она может говорить о своем отце и задать вопросы, когда захочет. Но Гарриет часто задумывается, приносит ли это им какую-либо пользу.

Гарриет не хотела сажать ради Брайана розовый куст. В садовом центре она изначально выбрала только один, чтобы посадить его в честь своего папы. Только когда они уже стояли на кассе, ей пришло в голову, что Алисе тоже полагается иметь куст в память о ее собственном отце.

– Пойдем и выберем какой-нибудь и для твоего папочки тоже, мы же

должны? – предложила она, и Алиса пошла за ней через магазин, отставая по меньшей мере на три шага. Гарриет указывала на красивые кусты, пока Алиса не согласилась на один.

Первое время Гарриет выбирала какой-нибудь бутон, срезала и ставила в цветочный стакан на подоконнике. Она говорила Алисе, что иногда они были из дедушкиного куста, а иногда из папиного. Но со временем она не смогла иметь в доме ничего, напоминающего о Брайане, и перестала собирать цветы с его куста.

Это всего лишь растение, говорила она себе. Но это было нечто большее. Это было постоянным напоминанием о том, как Брайан издевался над ней. Ей казалось, что он за ней следит, и она боялась, что однажды в конце концов вырвет проклятый куст из земли.

– Хочешь взять это с собой на улицу? – Гарриет наполняет стакан водой и вручает Алисе. Ей еще нужно навести порядок на кухне, переодеться и выложить новые салфетки и магазинный пирог, купленный на всякий случай. Сервировать это всё красиво.

Она не говорила с Шарлоттой с тех пор, как сообщила ей, что суда не будет. К тому времени это не являлось сюрпризом, но подтверждение всё равно стало облегчением. Гарриет поняла, что нет никаких свидетельств ее причастности. Нет доказательств, что кто-то, кроме ее отца, участвовал в похищении, верили они в это или нет.

Так что в итоге Гарриет позволила ему взять всю вину на себя, как он и заставил ее пообещать на случай, если всё пойдет плохо. И насколько же плохо всё пошло, думает она. Ее глаза наполняются слезами, когда она снова смотрит на его розовый куст.

Отец присутствовал в ее жизни только шесть месяцев, но ему удалось изменить всё. Гарриет глубоко вздыхает и оглядывается вокруг, напоминая себе, как она часто делает, – что именно он дал ей всё это. Свобода – это было всё, чего она когда-либо хотела.

За последний год Гарриет много раз говорила отцу – «прости». Она шепчет это ночью, свернувшись комочком в постели, и слезы текут по ее щекам. Она желает еще хотя бы день побыть вместе с ним, чтобы снова пережить всё волшебство, которое Лесс принес в их жизнь. Они строили бы песочные замки и ели бы мороженое, когда холодно. И они бы смеялись. Смеялись до тех пор, пока не заглушили бы боль.

Гарриет прижимает ладонь к оконному стеклу, прикрывая вид на розы. Она чувствует, как рана на ее сердце болит и ноет, пока не заставляет себя переключиться. Ей нужно подумать о том, как пройдет день. Шарлотта вскоре появится здесь. Гарриет внутренне трепещет и позволяет себе войти

в небольшой раж, когда вытаскивает тряпку и начинает протирать поверхности.

Шарлотта пластиковой ложкой выжимает чайный пакетик о внутреннюю сторону картонного стакана. За окном поезда проносятся поля. Вагон был пустым, пока на последней остановке не ввалилась горстка пассажиров. Сейчас их как минимум дюжина, включая парочку, сидящую в дальнем конце вагона и продолжающую привлекать ее внимание.

Девочке на вид едва ли больше семнадцати. Она сидит возле окна, хмуро уставившись в него. Ее парень, по меньшей мере на десять лет старше, пинает потрепанный фиолетовый чемодан своей беспокойной ногой. Каждый раз, когда его нога стучит по нему, девушка вздрагивает. У парня неряшливая борода, темные брови и стальные серые глаза, шарящие по вагону, словно он ожидает или ищет неприятностей.

Шарлотта чувствует, как пластиковая ложка щелкает под пальцами, и опускает глаза, удивляясь, что она сломала ее пополам. Она заставляет себя отвернуться от пары и думать о том, что сказать Гарриет. Есть много вещей, которые она пыталась игнорировать – но которые не прекращали мучить ее.

Сперва Шарлотта вздохнула с облегчением, когда Гарриет переехала обратно в Кент. Ей больше не придется оглядываться через плечо всякий раз, когда идет в парк. Хотя она и так не ходила туда особенно. Но затем, по прошествии недель, облегчение превратилось в гнев, который поселился у нее внутри и начал нарастать. Шарлотта была зла на Гарриет. Исполнена ярости.

Газеты называли «трагической» историю Гарриет и отмечали ее храбрость. Шарлотта проглатывала прочитанную ложь, застревавшую у нее в горле, и всё это время ее ярость росла и росла. Хуже всего было то, что она не могла дать ей выхода. Вместо этого ей приходилось сидеть сложа руки и смиряться с тем, что она сыграла свою роль в превращении Гарриет в жертву.

Иногда по утрам Шарлотта отдергивала шторы, желая распахнуть окна и закричать. Пускай мир знает, что именно она должна вызывать их жалость и восхищение. Не Гарриет. Где были статьи о Шарлотте? Что случилось с людьми, которые нападали на нее в прессе? Никто из них не отказался от своих оскорблений. Казалось, никого не интересовало, что стало с подругой Гарриет. Но тогда, возможно, она должна быть благодарна, что люди перестали говорить о ней? И что эта ужасная история Джоша Гейтса о Джеке никогда не была опубликована.

И всё же молчание – душит. Такое ощущение, что оно буквально топит ее. После переезда Гарриет Шарлотта начала представлять жизнь, которой теперь живет ее старая подруга: на что похож ее дом, подстригла ли Гарриет волосы, есть ли у нее круг друзей, которые приняли то, что с ней случилось? Она интересовалась этим так сильно потому, что действительно возненавидела Гарриет за то, что та убежала и создала для себя новую жизнь, в то время как Шарлотта всё глубже и глубже погружалась в свое отчаяние.

Она не может забыть тот факт, что солгала полиции, но есть и еще кое-что. И если то, что сказала ей Алиса, – правда, Шарлотте нужно знать, что же она покрывает.

Шарлотта пьет чай и сверяет часы, когда поезд подъезжает к очередной станции. Ее остановка следующая, и они прибудут через двенадцать минут. Поезд снова отходит, и она пишет Одри сообщение, чтобы та проверила детей, замечая, как парень в конце вагона повышает голос. Он называет свою девушку тупой сукой и стучит кулаком по столу перед ними, и теперь та плачет, ее плечи подрагивают, а слезы текут по лицу черными полосками от размазанной туши. Другие пассажиры опускают головы или смотрят в окна, за исключением дамы в возрасте лет восьмидесяти, которая смотрит на них, шокированная публичным проявлением гнева и истерики. Теперь парень наклоняется ближе к лицу девушки, заставляя ее отшатываться от каждого слова, которое произносит.

Шарлотта встает со своего места. Было время, когда она старалась держаться подальше от чужих дел, но сейчас она не может позволить такое поведение. Когда она шагает в конец вагона, то чувствует нервные взгляды других пассажиров, которые, вероятно, думают, что она безумна, если собирается вмешаться. Но как только Шарлотта достигает пары, то резко останавливается. Мужчина держит девушку за лицо, но теперь он целует ее в нос, просит прощения и говорит, как сильно ее любит.

Давясь всхлипываниями вперемешку со смехом, та отвечает ему, что тоже его любит. Они оба не обращают внимания на Шарлотту, зависшую в шаге от них.

Она могла бы продолжать идти и притвориться, что направляется в туалет, но не заморачивается подробным фарсом, а вместо этого поворачивается на каблуках и возвращается на свое место. К ней тянется рука, задерживая ее на пути, и Шарлотта смотрит на пожилую даму, которая говорит:

– Вы сделали хорошее дело, милочка. Вы оказались единственной, кто был готов вмешаться.

Шарлотта оглядывается на парочку.

– Я не думаю, что эта девушка понимает – что ей нужна помощь. – Она чувствует злость, что парень так с ней обращается. Эта девушка – чья-то дочь, и Шарлотта хотела бы, чтобы кто-то вмешался, будь на ее месте Молли или Эви.

– Нет, – соглашается дама. – Но однажды она поймет.

– Может, мне стоит вернуться и сказать что-нибудь?

– Я бы не стала, – говорит дама. – Вы не всегда знаете, когда приносите больше вреда, чем пользы. Если она не готова к помощи, то никто из них не будет вам благодарен.

* * *

Квартиру Гарриет на первом этаже нетрудно найти. Она находится в конце симпатичной улицы, где прямо за углом имеется небольшой ряд старомодных магазинов, а через дорогу – широкий простор зеленого парка с павильоном, прудом и детской игровой площадкой.

Шарлотта мнется на тротуаре снаружи. Внезапно мысль о встрече с Гарриет становится слишком подавляющей, и ей требуется заставить себя проделать короткий путь ко входной двери, позвонить в звонок и ждать без суеты. Ее сердце сильно колотится, и она думает – может ли плюнуть на всё это и кинуться прочь, когда Гарриет открывает дверь.

Гарриет одета в длинное синее платье и белый кардиган, накинутый поверх него. Ее волосы коротко подстрижены и окрашены в более насыщенный коричневый цвет. На ее губах сверкающий блеск, и они расплываются в легкой улыбке, когда Гарриет отступает, чтобы впустить Шарлотту. Гостья бормочет «спасибо», проходя внутрь, и направляется на кухню, куда врывается Алиса, вооруженная букетом цветов, который сует в руку Шарлотты.

– Ох, радость моя! – говорит та, наклоняясь к девочке. – Спасибо тебе! – Выступившие вдруг слезы удивляют ее. Она не ожидала оказаться столь эмоциональной при виде Алисы, которая теперь даже выше Молли. Ее волосы заплетены сзади и перевязаны огромной желтой лентой. Она болтает о саде, что-то о розовом кусте, а еще о новом ребенке, который спит в кроватке рядом с постелью мамочки, и спрашивает, не хотела бы Шарлотта увидеть ее собственную спальню, потому что Алиса повесила там своих бабочек на окно.

– С удовольствием! Может, чуть позже? – Шарлотта выпрямляется. Девочка не прекращает болтать, взволнованно рассказывая всё о школе, и теперь снимает с холодильника рисунок и протягивает ей.

– Это я нарисовала школьную крольчиху, – говорит Алиса. – Я правда сама рисовала!

Гарриет суетится вокруг них, наполняя чайник и выкладывая пирог на блюдо, которое ставит на маленький круглый стол, стоящий вплотную в углу комнаты. Стопка муслиновых салфеток аккуратно сложена с его краю, а детские бутылочки выстроились в ряд за раковиной. Шарлотте интересно взглянуть на малыша, пока Алиса продолжает болтать с ней.

– Я хожу в большую школу, – гордо улыбается Алиса. – Я хожу каждое утро пять раз в неделю! – Она поднимает вверх пять пальцев.

– Это очень хороший счет. Тебе нравится в твоей большой школе?

Алиса с энтузиазмом кивает.

– Крольчиху зовут Ватный Хвост, и мы можем гладить ее во время перерыва, а вчера была моя очередь кормить ее, но вы знаете, что не должны давать им слишком много морковок?

– Я ничего такого не знала.

– Это потому, что в них содержится сахар, и от этого у кролика могут сделаться плохие зубы. Моя учительница сказала это на собрании.

– Ах ты, маленькая отличница! – Шарлотта улыбается ей.

– Она такая, – говорит Гарриет, подходя к дочери и кладя руку на ее голову. – Она ничего не забывает, – добавляет Гарриет, но в такой манере, которая не предполагает, что это непременно хорошо. – Алиса, почему бы тебе не взять кусок пирога и не посмотреть телевизор? – Как только она передает Алисе тарелку, девочка покидает комнату.

– Она выглядит очень счастливой, – Шарлотта смотрит ей вслед.

Гарриет кивает.

– Надеюсь, что так. Однако не всегда можно знать наверняка, не так ли? Пожалуйста, бери пирог. – Гарриет протягивает ей тарелку. Шарлотта берет кусочек и садится на один из стульев, куда показывает хозяйка.

– Джордж спит, – говорит Гарриет, нахмурившись и беспокойно глядя на часы. – Он уже два часа как утомился. Наверное, скоро проснется. – Шарлотта помнит их прошлые дни, как будто они были вчера, но сейчас не может сказать – хочет ли отчаянно Гарриет, чтобы Джордж проснулся, или, напротив, отчаянно хочет, чтобы не просыпался.

– Я была рада твоему звонку, – продолжает Гарриет. – Однако теперь, когда ты здесь, у меня такое чувство, что это не дружеский визит. – Она пытается засмеяться, но смешок выходит каким-то нервным.

– Возможно, что и нет, – признает Шарлотта. – Я в постоянной борьбе сама с собой.

Гарриет кивает.

– Из-за того, что ты сказала полиции?

– Отчасти и из-за этого.

– Ты думаешь, что поступила неправильно? – Взгляд Гарриет скользит в сторону, пока она кромсает кусок пирога маленькой вилкой, рассыпая мелкие крошки, разлетающиеся по тарелке.

Шарлотта вздыхает:

– Я никогда не думала, что способна на то, что сделала. Это заставляет меня чувствовать вину. И бояться. Я боюсь, что однажды всё это настигнет меня.

– Теперь этого не может случиться, – заверяет Гарриет.

– Нет? Может, и нет, но это не спасает меня от таких мыслей. Я даже больше не знаю, кто я такая.

– Что ты имеешь в виду? Ты всё тот же человек.

– Нет. Уже нет, – категорически отвечает Шарлотта. – Я совсем не тот человек, что раньше. Я теперь совершаю поступки, которые совсем не в моем характере, – признается она. Том не поверит, если она расскажет, как чуть не вмешалась в ссору той пары. – Я так далека от того человека, которым стала, – и это пугает меня, потому что мне нравилась прежняя я.

– Но что в действительности изменилось? – спрашивает Гарриет. – Твоя жизнь по-прежнему та же самая. У тебя всё та же компания друзей, и ты живешь в своем прекрасном доме со своими замечательными детьми. Что по-другому?

Шарлотта кладет руки на стол и играет с краешком салфетки. Она догадывается, что Гарриет покупала их специально ради ее визита, и чувствует вспышку жалости от таких напрасных стараний.

– Всё по-другому, Гарриет. Всё это неправда на самом деле. Такое чувство, словно всё, что я делаю, – лживо, и я не могу ни с кем об этом поговорить. Моя лучшая подруга даже не знает, что я сделала. – Шарлотта не хотела этого, однако ловит себя на том, что подчеркивает слова «лучшая подруга».

– Ты хочешь рассказать Одри. Ты об этом? – Гарриет опускает взгляд в свою тарелку.

– Да, я бы с радостью рассказала Одри, но дело не в этом. Дело в том, что я чувствую себя такой злой всё время. Во мне кипит ярость, которой некуда деваться, – признается Шарлотта, прижимая руку к животу. – Можешь представить, каково это?

– Конечно, могу. Я чувствовала то же самое, когда мне сказали, что мой отец умер. Я чувствовала то же самое большую часть своего брака.

Шарлотта опускает глаза. Она знает, как горевала Гарриет из-за отца, однако она сюда пришла не из-за этого, и не желает оказаться втянутой в переживания Гарриет.

– Мне жаль твоего отца, – говорит она. – Но ты должна сказать мне, что делать с этим гневом. – Шарлотта чувствует жар, кипящий внутри. – Я зла на тебя, Гарриет, – сообщает она прямо. – Я злюсь, что ты, кажется, движешься дальше и создала такую хорошую жизнь для себя.

Гарриет оглядывается вокруг на комнату с маленьким окном и минимально необходимыми шкафчиками, на газовую плиту с конфорками, которые выглядят грязными независимо от того, как часто она их чистит.

– У тебя есть жизнь, которой ты всегда желала, – продолжает Шарлотта.

– Жизнь, которой я всегда желала? А какой ты представляешь мою жизнь?

– Я не знаю, – признает Шарлотта. – Но ты начала всё заново, а я тем временем потеряла... – Она не знает, как закончить фразу.

– Что ты потеряла? – спрашивает Гарриет.

Шарлотта вздыхает:

– Я не знаю. Приходится справляться как-то со всем этим.

– Ты думаешь, у меня не так? – произносит Гарриет. – Каждый день я ожидаю увидеть Брайана, появившегося на пороге. Я открываю дверь и представляю, что он стоит там, с этим его выражением в глазах, свесив башку набок, и слышу его ясно, как день: «Привет, Гарриет. Сюрприз!»

– Этого не может случиться.

– Его тело так и не нашли, – говорит Гарриет. – Так что это маловероятно, но не невозможно. Годы страха перед его возвращением домой, боязни, что я сделаю что-то не так или скажу не то. Постоянные размышления, до чего он докопается в следующий раз. Ничего из этого не покидает меня. И не знаю, покинет ли когда-нибудь.

– Ты хочешь сказать, что после всего случившегося – теперь не лучше?

– Конечно, лучше. Но так не выходит само по себе, волшебным образом. Я счастлива всякий раз, когда у меня получается убедить себя, что Брайан не войдет в дверь в данный момент. Затем я снова начинаю дышать и возвращаюсь к своей жизни с детьми. Но я всё ещё справляюсь с этим. И я сомневаюсь, что у меня именно такая жизнь, которую, по твоему мнению, я веду. – Гарриет грустно улыбается. – Я мало что могу с этим поделать, но это нормально. Это то, в чем мы нуждаемся прямо сейчас, и это то, что

важно. Алисе необходимо чувствовать себя в безопасности. Им обоим необходимо.

Гарриет аккуратно кладет вилку на тарелку.

– Не проходит и дня, чтобы я не оглядывалась назад и не мечтала изменить то, что произошло. Но в то время я была в таком отчаянии, что даже не знала – что делать. Я жила в ловушке, созданной Брайаном, и, честно говоря, не видела какого-то способа сбежать от него.

– Но почему ты даже никогда мне не рассказывала?

– Мне потребовалось много времени, чтобы осознать – что он делает, – отвечает Гарриет. – К тому моменту я чувствовала, что он убедил всех вокруг в моем сумасшествии. Когда я начала писать свой дневник, мне уже самой было интересно, не так ли это. Я не... – Она останавливается.

– Ты не доверяла мне?

– Возможно, нет, – признает она. – Но только потому, что я была напугана. Я никому не доверяла. Я поверила, когда Брайан заявил, что отберет у меня Алису. И я подумала, что если я покупалась на это годами, то как могу ожидать, что и ты этого не сделаешь. Ты можешь честно сказать, что поверила бы моим словам против его?

– Конечно, могу! – говорит Шарлотта, но Гарриет слышит запинку – пауза в этот момент слишком длинная.

– Ты сожалеешь о том, что сказала полиции?

Шарлотта смотрит на свой нетронутый пирог.

– Нет. На самом деле – нет, – признается она. – Потому что я не думаю, что альтернатива была бы лучшим вариантом. Но есть еще кое-что... – Ее сердце колотится. Она даже не уверена, что хочет услышать ответ. – Я знаю, что ты умеешь плавать, Гарриет. Алиса говорила мне, когда мы были на пляже. Она сказала, что ты обычно брала ее с собой купаться, но это был большой секрет. Она рассказала мне, чтобы я не беспокоилась о тебе в лодке.

Гарриет продолжает смотреть на Шарлотту и едва заметно кивает. Ее рука трясется, когда она снова сжимает вилку.

– Что случилось с Брайаном? – спрашивает Шарлотта, и в этот момент сверху раздается крик. – Ты его... это произошло намеренно?

Гарриет смотрит на потолок, но не двигается. Крик прекращается, и она опускает взгляд обратно на Шарлотту. Ее глаза широко раскрыты от шока, и теперь Шарлотта действительно не хочет слышать ее ответ.

Плач начинается снова, на этот раз он звучит настойчивым воплем, и Гарриет отодвигает стул и спешит прочь из кухни. Шарлотта откидывается на спинку своего. Она не должна была спрашивать.

Гарриет возвращается в кухню, прижимая к груди плотно завернутого ребенка, и когда садится, осторожно приподнимает одеяло, придвигаясь поближе, чтобы Шарлотта могла лучше видеть.

У малыша Джорджа темные волосы на голове и знакомые черты лица, и когда он открывает свои карие глаза, Шарлотта сразу видит сходство. Ребенок – копия Брайана. Она надеется, что не выказала реакции на это, проводя рукой по его мягким волосам, однако на мгновение у нее замирает дыхание.

– Он прекрасен, – говорит она наконец. Потому что, конечно, Джордж таков, похож он на своего отца или нет.

Гарриет прижимается губами к голове сына и продолжает наблюдать за Шарлоттой, которая, в свою очередь, думает – замечает ли Гарриет это сходство или же видит только своего сына. Она молится, чтобы оказалось последнее.

– Впервые я почувствовала ответственность за Джорджа, когда оказалась на лодке с Брайаном, – произносит Гарриет. – До этого я пыталась игнорировать тот факт, что беременна. Я не могла представить появления еще одного ребенка в нашей семье в тех обстоятельствах.

Шарлотта задерживает взгляд на Джордже и гладит его маленькую голову.

– Брайан начал контролировать и Алису тоже, – продолжает Гарриет. – Я не могла позволить ему причинить еще больше вреда.

– Мне не следовало ничего говорить... – начинает Шарлотта, но Гарриет перебивает ее.

– Скажи мне, что я должна была сделать? Он мог бы убить меня, – тихо говорит она. – Он мог бы отнять меня у Алисы, и как только узнал бы, что у него будет сын... – Она замолкает и, прильнув теснее к голове Джорджа, закрывает глаза. – Дети всегда у нас на первом месте, не так ли?

Шарлотта нервно ерзает на стуле, поглядывая в сторону двери, а затем обратно на Гарриет и ее драгоценного ребенка.

– Скажи мне, как поступила бы ты, Шарлотта? – шепчет Гарриет.

– Я действительно не знаю, – отвечает Шарлотта честно. Она никогда не могла позволить себе даже задуматься – способна ли на убийство, однако материнство может заставить пойти на всё.

– Я знаю, что уже так о многом тебя просила, и не имею права просить еще большего. – Гарриет качает головой, и слезы бегут из уголков ее глаз. – Но я умоляю тебя...

– Не надо, – перебивает ее Шарлотта. Ее сердце бьется так, словно хочет выскочить через рот. – Не надо просить, я ничего не скажу.

– Спасибо, – шепчет Гарриет. – Господи, спасибо тебе.

– Мамочка, я проголодалась! – Алиса вбегает в комнату и резко кидается к маме, чмокая братика в макушку. – Можно мне еще кусочек пирога?

– Нет, – улыбается Гарриет, потирая животик дочери. – Ты перебьешь аппетит к вечернему чаепитию. Ты останешься? – спрашивает она Шарлотту.

– Спасибо, но мне нужно идти. – Шарлотта отодвигает свой стул и встает из-за стола. Она забронировала на ночь отель, так что ей не придется ехать сразу домой – однако сейчас она хочет побыть наедине с собой.

– Знаешь, когда ты сказала мне, что вы с Томом расстаетесь, – я завидовала тебе, – говорит Гарриет и тоже встает, ожидая, пока Шарлотта соберет сумку и цветы, подаренные Алисой. – Я понимаю, это звучит безумно, но это заключало в себе всё, чего я сама хотела. Мне одновременно стало грустно, поскольку я знала, что Том хороший человек, однако ты не была счастлива и решила что-то сделать с этим. Я жаждала иметь возможность сделать выбор и жить с ним. И кстати, – продолжает Гарриет. – Я записалась на курсы садоводства.

– В самом деле?

Она кивает:

– Один вечер в неделю. У меня есть пожилая соседка, которая приходит посидеть с детьми. Ты открыла нам такую возможность, показав, что в этом нет ничего страшного. И я очень сожалею о том, каким образом я всё это сделала, правда. Это стало ошибкой во многих смыслах, но я никогда не перестану расплачиваться за нее.

Гарриет отступает в сторону и следует за Шарлоттой в коридор.

– Я рада, что ты пришла, – говорит она. – Я соскучилась по тебе.

Шарлотта останавливается у двери, пока Гарриет протискивается мимо нее, чтобы открыть.

– Я знаю, что ты сожалеешь, – произносит Шарлотта. – Я действительно знаю это.

Было бы так просто сказать Гарриет, что она прощает ее. Возможно, когда-нибудь Шарлотта так и сделает, а сегодня она ощущает – ну, некоторое облегчение, пожалуй. Немного большее удовлетворение от того, что она может поехать домой к своим замечательным детям и обнять их. Сказать Од, что хочет переодеться и сходить немного выпить. И, черт побери, даже позвонить Тому и поблагодарить его. Потому что, несмотря на то что они не были хорошими супругами, он стал замечательным другом

для нее за последний год. Ей повезло, Шарлотта понимает. Она всегда была одной из счастливиц, и ей не нужно большего, чем у нее и так есть.

Шарлотта наклоняется, когда Алиса вбегает в коридор за ними, позволяя девочке врезаться в нее для объятий.

– Алиса выглядит прекрасно, – тихо говорит она Гарриет, выпрямляясь. – С ней всё в полном порядке.

Гарриет кивает, закусывая губу, чтобы слезы снова не начали капать, хотя знает, что они всё равно начнут.

– Пока, Гарриет, – прощается наконец Шарлотта и вышагивает за порог.

– Шарлотта! – окликает ее Гарриет. Она хочет попросить свою подругу не уходить, но понимает, что не имеет на это права. – Береги себя! – добавляет она.

Гарриет смотрит, как Шарлотта уходит, зная, что у нее нет другого выбора, кроме как отпустить ее. Так же, как она поступила с Джейн. Когда Шарлотта исчезает за углом, она закрывает дверь, думая, что вряд ли увидит ее снова, однако надеясь, что однажды это может случиться.

Гарриет не представляет, как Шарлотта могла подумать, будто она живет беззаботной жизнью, но затем предполагает, что и никто бы не понял, как всё обстоит на самом деле.

«Я вижу Брайана, наблюдающего за мной из глубины сада, Шарлотта.

Я вижу его каждый раз, когда смотрю в глаза своего сына.

Всякий раз, когда звонит телефон, я жду – вдруг кто-нибудь скажет мне, что Брайан жив, найден выброшенным на берег.

Мой отец мертв, и это всё моя вина».

Иногда по ночам Гарриет просыпается в поту и вспоминает, что, кроме детей, потеряла всех, кто был ей дорог. Она говорит себе, что по какой-то причине заслужила это, и ненавидит себя за то, что сделала.

Но потом Гарриет прокрадывается в спальню дочери и видит Алису – ее светлые волосы, разметавшиеся вокруг по подушке, невинную улыбку на губах – и понимает в одно мгновение, что сделает всё это снова, если потребуется.

И теперь у нее есть Джордж. Его маленькие пальчики цепляются за ее ладонь, крепко обхватывая ее, давая понять, что Гарриет – его мир и ничто другое для него не важно.

Она отняла у Джорджа отца прежде, чем Брайан узнал, что у него будет сын, которого он всегда хотел. Мальчик, который, как он надеялся, станет на него похожим. И теперь она может только надеяться, что спасла

своего сына вовремя. Что в Джордже нет ничего от его отца, кроме карих глаз, однако только время покажет это наверняка.

Гарриет всё ещё стоит у входной двери, когда чувствует прикосновение к руке. Она опускает взгляд на Алису.

– Что будет к чаю?

– О, дорогая, я не знаю. Чего бы ты хотела?

– Пиццу. Ты плачешь?

Гарриет вытирает лицо рукавом и улыбается Алисе.

– Мамочка в порядке, – отвечает она. – Разве мы не ели пиццу вчера?

Алиса смотрит на нее так, как она делает, когда знает, что что-то неправильно.

– Дедуля разрешал мне есть пиццу каждый день в коттедже, – говорит она тихо. – Ты радуешься и одновременно грустишь?

– Да, – смеется Гарриет. – Я радуюсь, что у меня такая замечательная дочь. – Она пригибается к Алисе и прижимает ее к себе. – Я дам тебе сэндвич через минуту.

– И мороженое тоже? Дедуля разрешал мне и мороженое каждый день. – Алиса отстраняет голову. – Ты мочишь мне волосы, мамочка!

– Прости! – Гарриет смеется сквозь слезы и щекочет дочь. Она надеется, что Алиса никогда не перестанет говорить о двух неделях, проведенных со своим драгоценным дедушкой.

– Мамочка, а мы можем нарисовать картину? – спрашивает Алиса. – Можем мы нарисовать большое морское побережье, как продолжение моей комнаты?

– Моя дорогая, – говорит Гарриет. – Ты можешь делать абсолютно всё, что захочешь.

Выражение признательности

Когда я начинала писать эту книгу, то понятия не имела, чем она закончится, будет ли хороша и даже – закончу ли я ее вообще. Я просто знала, что хочу ее написать, и если бы она никому не понравилась – ну тогда, полагаю, я бы взялась за что-то новое. Это было путешествие длиной в три года, и на пути оказалось несколько препятствий, но благодаря многим людям я смогла достичь конечной точки. Я знаю – несомненно, я не преуспела бы без них.

Я ясно помню день, когда история Гарриет и Шарлотты зародилась как идея. Холли Уолбридж, это всё из-за тебя. Спасибо тебе за бесконечное выслушивание меня во время прогулок по парку, когда я заставляла тебя думать мрачные мысли – как бы ты себя чувствовала, если бы твои дети пропали. Надеюсь, я не травмировала тебя!

Затем идея превратилась в первый черновик, и я должна сказать огромное спасибо Крису Брэдфорду, позволившему мне расспросить его обо всех тонкостях, связанных с полицией, и натолкнувшему меня на альтернативное – намного лучшее! – окончание, чем то, которое я написала изначально. Крис, твои познания – неизмеримы, а любые ошибки полностью мои ^[13].

Мне очень повезло иметь таких великолепных подруг, которые читали не только ранние варианты моей книги, но и все последующие, причем в очень сжатые сроки! Донна Кросс и Дебора Дорман, вы лучшие. Спасибо, что прочитали так быстро, и за ваши бесценные отзывы. И как обычно, Люси Эмери и Бекки Холланд, которые читали ранние экземпляры и которые всегда рядом, с поддержкой. Всем моим остальным друзьям и родным, проявляющим огромный интерес к тому, что я делаю: для меня так много значит – слышать ваши вопросы, как продвигается работа над книгой, и видеть ваш подлинный восторг, когда есть хорошие новости.

Моей замечательной компании писателей, которые стали друзьями на всю жизнь: вы поддержали меня, когда дела шли не так хорошо, и праздновали вместе со мной, когда они наладились. Кэт Беннетто, Александра Клэр, Алиса Кларк-Платтс, Грейс Коулман, Элин Дэниелс, Мойетт Гиббонс, Дон Гудвин и Джульетта Хендерсон – мое сочинительство протекало бы совсем по-другому без всех вас.

А затем появилась Нелл. Ты нашла мою книгу в виде беспорядочной кучи и сказала мне, что мы станем упорно работать и – да! – мы, конечно,

стали. Потребовался год переписывания, пока я наконец не услышала, как ты произносишь эти волшебные слова – «твоя книга готова к полету». Нелл Эндрю, мне не хватит страниц, чтобы рассуждать о том, какая ты фантастическая. Я не могла мечтать о большей победе. Огромное спасибо за веру в меня и за то, что взяла в это невероятное путешествие. А также большое спасибо остальной команде, в которую входят мой замечательный агент Марилия Саввидес и фантастическая сборная корректоров: Александра Клифф, Джонатан Сиззонс, Зоя Шарплс и Лаура Отал. Вы все так усердно работали, чтобы добиться успеха.

Когда мы наконец-то выпустили мою книгу, мне повезло, что в нее влюбились два невероятных редактора. Эмили Гриффин из «Cornerstone» и Марла Дэниелс из «Gallery» в США – я очень рада работать с вами обеими. Ваши наблюдения и советы попадали в самую точку и вывели историю на новый уровень. Также большое спасибо Клэр Келли, Эмине Маккарти и Наталье Каччиаторе из «Cornerstone». Вы все были полны энтузиазма и решимости добиться успеха.

И наконец, моей замечательной семье. Мам, с тех пор, как мне исполнилось восемь, ты говорила мне, что я могу писать, и ты никогда не переставала меня поддерживать. Я никогда не испытывала недостатка в любви или поощрении. Какой бы выбор я ни сделала, ты всегда безоговорочно оставалась рядом со мной, и это самое главное. Я знаю, как ты гордишься, и я знаю, как гордился бы папа.

Моему мужу Джону. Я, наверное, не нашла бы времени, чтобы «посмотреть, смогу ли я написать книгу» пять лет назад, если бы не ты. Твоя вера в меня ни разу не поколебалась, и я нуждалась в этом больше, чем, вероятно, тебе говорила. Спасибо, что прочитал книгу почти столько же раз, сколько и я, и за твой редакторский вклад. Я всегда говорю тебе, что ты слишком много умничаешь, но в данном случае я ценю это! Ты заставляешь меня смеяться каждый день, и ты самый добрый человек, которого я могла бы пожелать. Спасибо за то, что ты есть.

И моим прекрасным детям Бетани и Джозефу. Я горжусь своими достижениями. Вы перевернули мой мир, и я люблю вас за это. Мои собственные слова не позволяют выразить то, насколько я обожаю вас, и поэтому я украла ваши: Бетани, я люблю тебя «до Плутона и обратно бесконечность раз», и Джозеф, я люблю тебя «больше, чем в бесконечно больше раз, чем Вселенная». Всегда следуйте своим мечтам, мои маленькие.

---

notes

СНОСКИ

1

«Офицер» подразумевает «сотрудник полиции», как во многих англоязычных странах, и к званию не имеет отношения. – *Здесь и далее – прим. пер.*

2

Так у автора. Похоже, нечто вроде сооружения для скейтбордистов, суровая игровая площадка с бетонными лавками.

3

Хейз, как мы помним, – инспектор, что не отменяет и того, что он детектив. Старший детектив-инспектор – полностью звучит его должность. Т. е. начальник над обычными детективами.

4

Что странно, учитывая крик Эви.

5

Как известно, внутренний паспорт в Британии заменяет какая-то местная бумага. Справка о наличии справки. Это не значит, что Гарриет совсем уж бомж. Паспорт нужен только при выезде за границу.

6

Непереводимая игра слов. Брайан использует местоимение She, означающее одушевленный предмет, то есть вся фраза получается относящейся к Алисе, а не к фотографии. Алиса исчезла из рамки.

7

Здесь, я так понимаю, автор подчеркивает, что данный номер не требует регистрации у оператора, в отличие от кредитного, аналогично нашему «левая сим-карта, купленная в переходе».

8

Сколько усилий для описания того, что называется простым русским словом «дача».

9

Полагаю, выплаты поступают раз в неделю, и это не означает, что он три недели ничего не ест. Хотя...

10

Выражение из игры *Assassin's Creed*, ставшее идиомой. Действие наудачу, вслепую, с надеждой на успех.

11

Парамедики – бригада «Скорой помощи». Экстренные медики.

12

Так у автора. Вероятно, британские заморочки. Я думал, по всей Европе 112.

13

Неясно, почему в конце концов Хейза не насторожило, что Гарриет не узнала на фотороботе знакомого человека. Вероятно, он, как и Ангела, просто решил закрыть на это глаза.

Table of Contents

[Хейди Перкс Теперь ты ее видишь](#)

[История Шарлотты](#)

[История Гарриет](#)

[Выражение признательности](#)

[Сноски](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)